

Татьяна Краснова
ВЗРОСЛЫЕ ДЕТИ

ТАТЬЯНА КРАСНОВА

ВЗРОСЛЫЕ ДЕТИ

роман

«ЕВДОКИЯ»

2013

ВЗРОСЛЫЕ ДЕТИ
The Adult Children
By Tatiana Krasnova

Copyrights © 2013 by Tatiana Krasnova

All rights reserved.

No part of this book may be reproduced in any form or by any means, including information storage and retrieval systems, without permission in writing from the Publisher and/or the Au-thor, except by a reviewer who may quote brief passages in a review.

© Evdokia Slepukhina, illustrations, book design & page-proofs

ISBN 978-1-300-86823-1

Eudokiya Publishing House
eudokiya@gmail.com

Printed in the United States of America

ВЗРОСЛЫЕ ДЕТИ

Часть I

БРАТЯ ПО РАЗУМУ

Глава 1

*Ты и я – одна компания,
Я и ты – одна компания,
В каждом – море обаяния
У нас с тобой.*

(Мультик «Голубой щенок»)

– Давай-давай. Папа подвезет. Ты, в конце концов, директорская дочка.

С этими словами Катю отправили в школу, а точнее – выставили из кухни. Что значит войти туда не вовремя, когда родители собрались обсуждать что-то важное! Катя в школу и не собиралась – вчера у десятиклассников была новогодняя дискотека, и сегодня наверняка никто не придет. Да и не успеть уже, звонок через пятнадцать минут. Но командирский голос мамы зазвучал громче, и Катя побежала одеваться, а Перехватов-старший – заводить машину.

И что толку от этой дисциплинированности? Зевать в полупустом классе, получив творческое задание читать учебник, вместо того чтобы, безмятежно устроившись в кресле, щелкать пультом телевизора, звонить девчонкам... Вызова к доске или внезапной контрольной можно не опасаться – все отметки уже выставили, но даже ощущение безопасности, обычно такое отрадное, потеряло всякий вкус. Жаль, день пропадает! И что там, на кухне, за тайны?

А теперь – обратный путь. Мама в свое время определила Катю в престижную гимназию, вслед за старшим братом, а то, что туда топать полчаса – «ничего, заодно и воздухом подышишь!». Подвозить же «директорскую дочку» папа принципиально отказывался

– «баловство». Впрочем, куда приятнее встречаться на перекрестке с подружками и дальше идти вместе, обсуждая свои дела.

Вот только сейчас приходится брести одной, потому что умные люди дома сидят, каникулами наслаждаются. Или по магазинам бегают – они такие праздничные, все в серебряном дожде и огоньках.

У входа на новогоднюю ярмарку гигантский заводной Дед Мороз зычным голосом поздравляет покупателей – а вот надо бы сюда заскочить, еще не все пустяковины куплены.

На городской площади вместо живой елки, которую в их маленьком подмосковном Белогорске решили уже не ставить, наряжен синтетический зеленый конус – до того абстрактный, что оторопь берет.

В парке на центральной аллее расчистили место для снежных фигур, и несколько умельцев уже взялись за работу. Этот конкурс проходит каждый год, на Рождество будет праздник с призами. Главное, чтобы оттепель не подпортила.

Катя любила застать момент, когда будущей красоте только-только предстоит воплотиться, и она по большей части находится в головах создателей, но уже начинает волшебным образом угадываться – и кажется, что голубой морозный воздух дрожит и сгущается там, где сейчас поднимутся зубчатые стены снежной крепости, вырастет голова медведя или корона Снежной Королевы. Технику участники, и любители, и профессионалы, применяли разную – одни утрамбовывали снег в формы из деревянных щитов и потом уже вырезали скульптуру, у других фигуры постепенно вырастали прямо с чистой площадки – тем любопытнее распознавать замысел.

Ведь и в новогоднем празднике самое интересное – не сам Новый год, а его ожидание и предчувствие таинства...

Уже во дворе, рядом с подъездом на Катю обрушился мини-снегопад.

– С наступающим! Отмучилась? Каникулы?

Сзади стоял и улыбался – или, точнее, скалил зубы братец Алешка, в куртке нараспашку, без шапки – и все еще дергал за ветку дерева. Катя молча отряхнула серую кроличью шубку и такую же шапочку с бубенчиками на длинных шнурках, спокойно двинулась к

подъезду, поднялась на крыльцо – и, круто повернувшись, запустила снежок прямо в цель, невозмутимо подтвердив:

– Каникулы.

Но брат проворно отклонился и отбил снаряд на лету. Модная прическа не пострадала. Катя подумала, что футбол потерял гениального вратаря – увы, Алексей Перехватов играет в теннис. А еще – что с такой реакцией надо в космос посылать. И подальше, в глубь Вселенной. Но на это нечего надеяться – ведь старший братец даже в Москву не уехал учиться, предпочтя местный институт. А как бы могло быть дома хорошо, спокойно!

Глава 2

*Я видала такую чепуху, по сравнению с которой
эта чепуха – толковый словарь!*

(М/ф «Алиса в стране чудес»)

Алешка и дальше продолжал заниматься любимым делом – мешать: лез мыть руки прямо поверх Катиных, потом присоседился к сковороде с курицей. Не лучше пуделя Арчи, который тоже всегда топчется рядом или наступает на пятки. Когда Катя завернула в прихожую за журнальчиком, оставленным у зеркала, в зеркале появилась все та же синеглазая физиономия, и Алешка через ее плечо положил на стопку сегодняшних газет – так бережно! – невзрачный тоненький листочек.

Это была новая городская рекламная газетка, где он последний месяц подрабатывал – кажется, занимался версткой, программами, вообще компьютером, который там вроде бы один-единственный. Ну, может, два их... Кидали это произведение Алешкиного искусства бесплатно во все городские почтовые ящики, и в их в том числе, но он сам приносил домой каждый новый номер, вот так торжественно – как будто кто-то жаждет увидеть «Белогорские вести».

– Какие же это вести! – не удержавшись, фыркнула Катя. –

Где тут вести? Я не вижу. Одна реклама, чего читать-то! Тоже мне газета.

Вместо того чтобы отделаться какой-нибудь иронической фразой, которых в нем, казалось, был мешок, Алешка с жаром принялся доказывать, что «Белогорские вести» – газета, что у нее большое будущее, что новости скоро появятся, что это ведь только начало, что городу своя газета давно нужна... Из чего можно было сделать вывод, что брат не на шутку увлекся этой ерундой, как в свое время солдатами и трансформерами, а потом теннисом – утонул просто по самые уши. А говорил – халява, пару вечеров в неделю, на сигареты подработать.

– Ладно, ладно, – отмахнулась Катя. – Ты лучше елочные игрушки достань из кладовки! Сколько можно просить.

Теперь уже Алешка махнул рукой:

– Да ну, потом достану. Еще и елку не купили. Некогда, некогда – я побежал.

– В институт? – крикнула Катя вдогонку.

– В какой институт! В «Вести»! – донеслось с лестницы.

Глава 3

*Разрешите доложить, Христофор Бонифатьич.
По-моему, дело – табак!*

(М/ф «Приключения капитана Врунгеля»)

Из кухни доносились голоса родителей – недостаточно громкие для пререканий, но и недостаточно тихие для простого разговора. Значит, опять! Катя замерла на минуту, снимая сапог. Они с Арчи вернулись с вечерней прогулки, и надо бы сразу его покормить, чтобы уж завершить заботу о ближнем, мохнатом и хвостатом, и спокойно заняться другими делами.

Но войди сейчас на кухню – и мама с папой снова замолчат, сделав вымученно-непринужденные лица. Кухня – их штаб для об-

суждения вещей, которые, как им кажется, детей не касаются. Зайти и убедиться, что она лишняя?

– ...Тогда никакого Нового года! – раздался вдруг папин голос, и такой решительный, что Катя чуть не подпрыгнула. – Мне под шестьдесят, а я всё Деда Мороза изображаю, веселю деточек! А он, значит, весь в «хвостах»! Такое отношение к жизни! И вообще, ко мне японцы приезжают, мне на работе хватит хлопот.

Алексей Иванович возглавлял Белогорский НИИ – с тех еще времен, когда директоров вдруг начали выбирать, и его единогласно выбрали.

– Не в хлопотах дело, – отвечала мама еще взволнованней и громче. – У меня, если кто-нибудь заметил, на Новый год всегда – сплошная сессия! Я, может, мечтаю о тапочках и «Голубом огоньке»! Но когда у сына жизнь рушится – о чем мы говорим? Какие могут быть японцы?

Вера Васильевна была деканом в институте, где учился братец.

Катя, не шевелясь, погрозила Арчи: тихо, не прыгай! У Алешки рушится жизнь?! А с виду не скажешь. Наверное, мама преувеличивает, она человек эмоциональный...

– Ты, как всегда, преувеличиваешь... – начал было папа, но мамин голос зазвучал еще громче:

– Вот и когда он устраивался на эту работу, ты устранился! «Пусть сам, пусть сам»! А теперь он из-за копеечной подработки из института может вылететь! И прямо под весенний призыв! Он же пропадает там целыми днями! Мало того – тоже «сам» завел какую-то даму, на десять лет старше! Что об этом скажешь? Не знал? И я узнала только сегодня! Нельзя же делать вид, что ничего не происходит! Надо срочно с ним поговорить, пока еще не поздно! Ты думай, думай – моё дело сообщить!

Должно быть, папа и правда не знал – повисла продолжительная пауза. Катя тоже была потрясена. Их легкомысленный Алешка, занимательно и с юмором повествующий о каждой своей новой подружке, начиная с пятого класса, – и загадочная взрослая женщина, о

которой он не обмолвился ни разу, даже ей. Что это? В этом ощущалась какая-то угроза.

И одна – вполне реальная – уже нависла: остаться без Нового года. Такого еще не было, но это, похоже, не шутка. Ну, наверное, что-то все-таки будет, лихорадочно соображала Катя – елка, салат «оливье». Но это же совсем не то! А настоящий Новый год, с домашним весельем, подарками из мешка, с традиционным гуляньем в полночь у елки на площади и обязательной поездкой в Москву?! Их, перехватовский, фирменный Новый год?!

Папа подытожил:

– Я с ним поговорю – насчет учебы. А дамы все эти – чепуха, в восемнадцать-то лет. Главное – сессию сдать. Пусть сидит учит. И в Москву не поедет! Две недели до конца экзаменов, время дорого. Новый год отменяется.

Куда как славно! А о ней, о Кате, подумали?! Почему у них все мысли только об Алешке, а ее вечно задвигают на задний план!

Когда вернувшийся в ночь-полночь Алешка перехватил возмущенный взгляд сестры, то замахал руками:

– Достану, достану я тебе эти елочные игрушки! Утром.

И получил ледяной ответ:

– Можешь не доставать. Новый год отменяется. Из-за твоих дурацких двоек.

Но брат второй раз за сегодняшний день отбил снежок – причем это не могло не порадовать:

– Не отменяется. Сейчас звонили – к нам Никита едет на каникулы. Так что всё будет, в лучшем виде, можешь не сомневаться!

Глава 4

*Если бы у меня была вторая жизнь,
то я провела бы ее здесь, в Простоквашино.*

(м/ф «Трое из Простоквашино»)

Ванная была единственным местом, где можно не опасаться, что тебя побеспокоят. Помимо туалета, конечно. Когда Никита это обнаружил, родители диву дались его внезапно возросшей чистоплотности, с радостью списали ее на переходный возраст и надали кучу пенек для лица и гелей для душа.

В ванной были спокойствие и свобода, без постоянных взглядов, заботливых и придирчивых. Никита открыл кран и заткнул пробкой черную дыру. Прежде, когда он был маленьким, она его всегда пугала. Ничто не могло заставить его пододвинуть пятку или палец к урчащему плотающему жерлу и водяной воронке над ним. Хотя пластмассовый крестик указывал на малую ширину и абсолютную невозможность засасывания, Никите представлялось, как его нога делается тоненькой, словно кончик воронки, и вытягивается меж ребер пластмассовой перепонки вместе со стекающей водой. Он даже видел уже темные стенки трубы, ее внутреннюю ржавую шершавость...

Вода благополучно наполнила белую ванну, и стало не холодно прикоснуться к ней плечами, и Никита ощущал, как постепенно исчезает его тяжесть, а тело готово развернуться и плыть – волшебные свойства маленькой воды были те же, как если бы он входил в озеро, или лежал на песчаном дне среди набегающей волны.

Прелесть большой воды он начал понимать на даче у Перехватовых, когда приезжал летом к тете Вере, маминой сестре – и это лето согрело его всю осень и начавшуюся зиму.

...Проснувшись тогда на новом месте, он сразу увидел Катю. Их было две: одна стояла к нему спиной, вторая из высокого стройного зеркала смотрела на первую и тоже причесывалась, свешивая длинные каштановые волосы то вперед, то назад, то влево, то вправо.

В результате этих действий, полных сложного смысла, они становились вдвое пышней, и их единая темная масса была окружена легким шевелящимся венчиком, золотым от просвечивающего солнца. Затем в несколько приемов все это было с грубой быстротой превращено в прическу, и механическая заколка щелкнула, как замок.

Никита прибыл ночью, спал мало, а предстояло, не приходя в сознание, ехать дальше на какие-то шашлыки, а потом на дачу. Он тогда в их городской квартире совсем не побыл, да и города толком не увидел. От раннего подъема было мутно в голове – совершенно, как если бы надо было тащиться в школу, а не ехать развлекаться – Никита лежал на диване, тупо глядя перед собой и не шевелясь.

Но после этого щелчка почему-то сразу проснулся.

– Было же лучше! – и для пояснения мысли изобразил пальцами распущенные волосы.

– Я не люблю, – ответила Катя. – Они лезут в рот, и спине жарко, как в шубе. А мы едем купаться, и там песок.

Она взяла сережку и продела в ухо, лизнув перед этим палец и смочив мочку слюной. Этот жест, который Никита ненавидел при перелистывании страниц, теперь не только не вызвал антипатии, но был красивым и естественным, как всё в Перехватовых-женщинах. Тем не менее Катя в зеркале тут же обернулась, хотя спина, стоящая перед Никитой, казалось, была неподвижна.

– В левое плохо вдевается. – Она словно объясняла то, о чем он только что подумал, но никогда бы не сказал. – Мне первый раз прокололи уши, когда я была совсем маленькой. Потом сережки не носила, и уши заросли. Я так жалела. Так неприятно снова прокалывать. Косметичка правое проколола в том же месте, а левое не удалось, и на нем теперь две дырочки. Я все время путаюсь и вставляю сережку не туда. А ты вставай, сейчас поедem уже.

Неторопливо повествуя об ушах, Катя разглядывала двоюродного брата в зеркало. Она знала, что он старше ее на год, то есть в промежутке между ней и братом Алешкой, которому уже почти восемнадцать, и который поэтому задавака и вечный противник. Но к чьей стороне он ближе – ее или Алешкиной – было пока неясно. Еще она знала по разговорам взрослых, что Никита – маменькин сы-

нок, за которого вечно тряслись еще и бабушки, и он даже не ходил в детский сад. Всё это вместе было суровым недостатком и ставило под сомнение полноценность родственника.

– Эй вы там, готовы? – раздался Алешкин голос.

– Почти, – ответила Катя, выйдя из комнаты, чтобы гость мог одеться и привести себя в порядок, и начала рыться в книжной полке. – Сейчас что-нибудь почитать захвачу... Почему это когда стихи написаны в строчку, интересно читать, даже если глупые, – самой себе сказала она, переваливая из стороны в сторону сыпучие листы старого журнала.

– Потому что забываешь о рифме, а тут на нее и натыкаешься, – отозвался Никита, уже собравшийся в путь.

– Ты понял? – опять словно самой себе сказала Катя. – С тобой разговаривать можно? А я думала, ты вроде Алешки, буквы только на вывесках читаешь.

Оба взглянули друг на друга повнимательнее и первый раз улыбнулись.

Когда в комнату заглянул Алексей Перехватов, Никита сразу насупился. Он разъярился бы от подсказки, что двоюродный брат чем-то лучше – он был о себе довольно высокого мнения – но Алексей превосходил в живой, открытой юношеской наглости, невольно превращавшей его в существо высшее.

С непонятной подкатившей тоской Никита отмечал, что он и ростом не ниже, и совсем уж не слабее, но всё, что в нем есть достойного, словно разбросано, и все эти преимущества живут своей неспешной жизнью, и нет объединяющего начала: он никогда не смог бы так уверенно войти, так повернуть голову, так поздороваться кивком. Никита не задумывался, а нужно ли ему все это – отработанная непринужденность движений – разумеется, нужно, чтобы внушить окружающим уважение, тому же Алексею.

Алексей посмотрел на него с иронической доброжелательностью, совсем недолго, видимо, сразу что-то для себя уяснив. Повернулся к Кате:

– Я пройдушь пока – мама еще сто лет собираться будет.

Никита чувствовал себя неловко – вроде бы ему пристало

быть в мужском обществе, но слишком очевидно, что Алексея он нисколько не заинтересовал. Брат его с собой не позвал, и Никита не знал, куда себя деть.

Рыжий пудель Арчи осторожно нюхал Никитину ногу – знакомился. Он был недостриженным – в пышных мохнатых штанах, и не рыжий, а абрикосовый, супер-пупер-породистый, с родословной, и все прадедушки и прабабушки – медалисты. Никита в глубине души посчитал его бестолковым. Может, просто из предубеждения к рафинированным породам, потому что сам всегда был согласен на любую дворняжку – но мама не разрешала. Собака пол поцарапает, мебель обдерет, шерсть везде будет...

Правда, когда Никита сообразил, что Арчи – Катин пес, то тут же почувствовал к нему больше симпатии, но Катя уже заметила его скептический взгляд и кинулась защищать:

– Пудели очень умные! Это люди сделали из них клоунов, а пудель – отличная рабочая собака. Когда мы первый раз привезли его на озеро и я кинула его резиновую черепаху, он сразу поплыл и принес – а ведь раньше никогда не плавал! И никто его не учил подавать с воды! Ты представь, через сколько поколений сохранился охотничий инстинкт, хотя их уже давно не держат для охоты! Вот сейчас поедем на пляж, сам увидишь!

И Никита, еще не поехав на пляж, был согласен со всем сказанным, и с тем, что Арчи – собака. А тот уже унесся с резиновой черепахой в зубах. Двоюродная сестра тоже не стала навязывать свое общество, и Никита потащился во двор.

Дядя Алексей, Перехватов-старший, уже сидел за рулем поместительной вишневой «десятки».

– Готовы? – спросил он.

– Тетя Вера говорит – да.

– Ну, значит, еще полчаса.

И дядя немного отъехал в тень. Стекла и сиденья сильно накалились. Никита обошел машину – она ему ужасно нравилась и волновала, как большое горячее животное, отдыхающее в тени. Он очень хотел сесть впереди, но почему-то не сажился и продолжал ходить вокруг.

Первым из подъезда вылетел Арчи, пронесся с завернутыми от скорости ушами и вскочил в распахнутую дверцу прямо на новенький, светло-серый летний чехол. В Никите что-то перевернулось, когда он увидел эти четыре лапы на сиденье: то ли материнская нетерпимость ко всяческим нарушениям порядка, то ли собственный страх перед возможным материнским гневом на собаку. Но ни дядя Алексей не пошевелился, ни подошедшая Катя не всполошилась, не цыкнула – и Никита предположил, что даже если тетя Вера наконец появится, она не станет гнать пуделя, и что пудель вообще всегда тут сидит.

Багажник заполнился сумками с провизией, а заднее стекло загородили мячами, ракетками, кепками, и дядя ворчал, что он не увидит дороги, и чтоб сейчас же все убрать.

На зеркале висели пластмассовые зайки, желтый и зеленый. Катя пояснила:

– Это мы с Алешкой на каком-то конкурсе выиграла, а папа как раз тогда машину купил, и мы сразу повесили, и они всегда с нами ездят.

Видимо, она посчитала себя обязанной заняться гостем, раз уж брат не уделил ему внимания. Открыв бардачок, показала Никите красного бархатного мишку с черными ушками и лапками:

– Это мне Алешка подарил. Я была маленькая, лежала в больнице, и у меня был день рождения. И Алешка сам сделал мишку, видишь, он шить не умел и просто склеил. И глазки были приклеены, только они отвалились. Я тогда первый раз поняла, что Алешка меня любит, а до тех пор была уверена, что нет.

Никита не понял, к чему положительный отзыв об Алешке и почему мишка вошел в число путевых талисманов, но с Катей было так легко, спокойно.

Тут показалась Вера Васильевна еще с двумя сумками, с другой стороны належке приближался Алешка. Никита опять забеспокоился. Пока он колебался, успеет ли вылезти и помочь, и не покажется ли его предложение помощи дурацким, потому что тетя Вера уже почти подошла к машине, Алешка оказался рядом с матерью и без напряжения перехватил ношу. Тогда Никита оказался в еще

более дурацком положении, потому что сидел и глядел, как тетя над- рывается – никто ничего не сказал, но ведь могли же подумать.

Тем временем Алексей Перехватов-младший привычно рас- положился впереди, хлопнул дверцей. Вот почему Никита не мог туда сесть – это место всегда было занято, даже когда отсутствовал хозяин. Внезапно кровь прихлынула к лицу: Никита представил, что он сел на переднее сиденье, и как пришлось бы его освободить. Кажется, его двоюродный братец не из тех, кто уступил бы свое место гостю.

Машина понеслась, и радость движения перебила все мысли. Тетя Вера ежесекундно указывала на каждый дорожный знак, на пешеходов, переходящих улицу, просила не обгонять большие ма- шины, вскрикивала «ой, куда же ты» и повторяла: «тише, скорость убавь». А дядя говорил: «Я не маленький мальчик».

Справа и слева побежали сосны – поселок, куда они ехали, так и назывался – Сосновый Бор. Стекла опускались, запахи бензина и нагретой резины мешались со смоляными и хвойными, и – неожи- данный, совсем новый воздух большого озера. Никита высовывал голову, чтобы увидеть воду, мелькнувшую за зеленым рядом, но со- сновый бор опять обегал ее – и опять мелькало голубое – и снова взгляд не успевал.

У причала, украшенного разноцветными флажками, дядя за- глушил мотор и объявил с подъемом в голосе:

– Прибыли, господа, вытряхивайтесь, пожалуйста.

У Никиты разбежались глаза на катера и моторные лодки, приветливый пляж с лепными песочными городами, построенными у самой воды и похожими на творения Гауди. Казалось бы, куда уж красивей, но ему хотели показать какое-то «свое» место, и пришлось лезть в моторку. Никита никогда и ни на чем не плавал, и видел этот процесс только по телевизору.

Рамка берега качнулась и сместилась. Как при секундном за- мешательстве падения, части пространства поменялись местами. Причал начал быстро отходить вниз, словно бы моторка карабка- лась на кручу, а перекошенный берег выравнивался, только под но- гой качалось и вздрагивало, и руки вцеплялись в какой-то брезент.

Они пересекали озеро, огромное, до горизонта. Алешка залихватски сидел за рулем.

Никита, невольно сжавшийся, когда выбрались на простор (зачем столько воды? куда так много? куда деваться?) понемногу расправлялся, чувство неуютности отступало, переходило в восторг – правда, с некоторым напряжением: вдруг не удастся понять, что же красивого в большой воде, понятного всем этим здешним. Родственники с их хохотом и разговорами ему не мешали, он привык и дома все время быть в центре внимания и автоматически отфильтровывать угощения, назидания или полезные советы. Он не слышал даже, как дядя пояснял Кате и Алеше: племянник, мол, степной житель, первый раз на воде, вот слегка и одурел – а те сочувственно кивали.

Наконец, они добрались. «Свое» место ничем не отличалось от прочих других – такой же приветливый желтый берег, синяя вода. Нос моторки ощутимо ткнулся в подводный песок, и днище перестало дрожать. Никита долго передавал поклажу и, последним пробалансировав по вздыхающему борту, спрыгнул в прозрачную теплую водичку – по самые незакатанные колена бухнулся. И то что разуться догадался!

Перехватовы уже таскали хворост, разводили костер, расстилали бумажную скатерть, привычно разделив работу, а Никита нерешительно думал: идти туда в мокрых джинсах или избавиться от них прямо здесь. Наконец закинул их вместе с рубашкой в моторку и, повеселев от облегчения, пошлепал по мокрой песчаной полосе. Катя тоже шла вдоль воды, пристально всматриваясь в крутые песчаные откосы с зарослями, на вид непроходимыми и даже колючими.

– Вы часто сюда приезжаете? – спросил Никита, чтобы что-то сказать. – Ты что ищешь?

– Не особенно, – ответила Катя отрывисто, пропустив второй вопрос, и Никита почему-то понял, что она имела в виду: в его семье взрослые тоже всегда заняты, и они тоже не часто куда-нибудь выбираются. А дядя Алексей и вообще – директор какого-то научного предприятия, работающего на космос, у него, наверное, совсем времени нет. И тетя Вера – не домохозяйка, надо думать, тоже на работе пропадает...

Вверх, в лесок поднималась тропинка. Катя вдруг быстро полезла по ней, и Никита увидел дощатый столик, врытый в землю, и такую же серую старую скамейку.

– Ты знаешь, – вдруг начала Катя и запнулась: говорить – не говорить. – Ты себя помнишь маленьким?

Она присела, не на скамейку, а рядом, на траву.

– Конечно. Много всего...

– А что самое-самое первое?

Никита начал вспоминать и не знал, на чем остановиться.

– Вот я тоже не знала, что, – продолжала Катя быстро. – То привидится угол песочницы, синее ведро в белую клетку, то медицинский кабинет и доктор с какими-то железками, стеклянными трубками, а меня держат на руках – страх, обреченность, невозможно объяснить. То всплывет наш диван с прежней обивкой и стена перед ним, светло-зеленая, крашенная, еще без обоев. В общем, всё мешается, кажется: то одно раньше было, то другое... и неизвестно, с чего же все началось. И среди всего этого, – Катя с трудом подбирала слова, – как картинка: вот такой день, солнце, вот этот столик, и мы с мамой сидим среди зеленых веток на скамейке, и мама кормит меня вареным яйцом, а желток крошится, и крошки падают на серые доски. А ветки и вверху, и внизу, зелень уступами, и сквозь ветки – блестит озеро, и у берега качается такая же моторка. И я совсем маленькая, и будто я сижу с мамой посередине, а все остальное – и деревья, и озеро – загибается вокруг, как края тарелки. Как бывает рисунок на детской тарелке... И что вот это – и есть самое первое.

– И ты пошла искать, есть ли правда этот столик? – изумился Никита. – И он нашелся?! А ты думала, что это, может, показалось?

– Я знала, что он есть, только не знала, что найду, – сказала Катя уже спокойно. – Мы всегда тут бываем, но раньше как-то не приходило в голову.

Затрещали ветки, и она замолчала, покраснев, и Никита видел, как она незаметно косится по сторонам. Он догадался: Алешка может поблизости бродить, и Катя представила, что их разговор дойдет до его ушей, и то, что ей казалось самым важным, тут же обернулось постыдной чепухой, материалом для насмешек. Но тре-

вога оказалась ложной, вокруг никого не было, и Катя заговорила свободно:

– И вдруг тот самый столик – впереди, прямо передо мной! – И засмеялась: – А я всегда думала, что память – это то, что позади.

Они сели на край столика, болтали ногами и были довольны друг другом.

– И это в самом деле первое? – спрашивал Никита, уже и не вспоминая о том, что ему положено быть в мужском обществе.

– А бог его знает, – весело махнула Катя рукой, – опять перепуталось всё. Может, доктор первый. А знаешь, я рада, что в этом кадре я с мамой. Она так редко со мной бывала, всё на работе, на работе. Мама для меня очень много значит.

Никита подумал, что вдруг она сейчас спросит «а для тебя?» – и придется промямлить «тоже» из вежливости, и неожиданно отметил, что свою мать привык ощущать как постоянное препятствие: сначала – его детским желанием, теперь – теперешним, она существовала, словно внешний и внутренний контроль, который он всегда хотел миновать.

– А вот когда читаешь, – говорила Катя, – во всех книжках главный герой – сирота. – Она хотела привести пример, но не стала терять время: – Да какую ни возьми, сам вспомнишь. Особенно героини всегда сиротки. Мать обычно умирает в раннем детстве, или потом, или, в крайнем случае, она так далеко, что ни на что не повлияет...

– Ну, это чтобы жальче было, – попытался Никита, – чтобы сразу сочувствие, симпатия...

– А ты представь, если бы матери сидели рядом! Писателям просто нечего было бы писать, потому что герои шагу бы ступить не могли. Гарри Поттер не шлялся бы ночью по городу, Вера не бегала на обрыв, и никакая Настенька не разгуливала даже в белые ночи. Мать – не бабушка. И морально все были бы больше связаны. Человек действительно свободен, когда он один и его никто не направляет. Вот писатели и превозносят материнскую любовь, а с самой матерью предпочитают покончить в самом начале, чтобы хоть цен-

тральная фигура могла самостоятельно передвигаться и принимать решения...

– А еще матери перепутываются, теряются и в нужный момент находятся, – весело проговорил Алешка, словно выросший среди веток.

– Чего тебе здесь? – вскинулась Катя.

– Шашлык пойдем есть. Это вы о мексиканском «мысле»?

– Нет, – ответил Никита, потому что Катя молчала.

– А я думал – о мексиканском «мысле». Пойдем шашлык есть.

– Я его когда-нибудь убью, – негромко сказала Катя Никите, шагая вниз по тропинке.

– Ладно тебе.

– Ты что, не видишь – он считает нас идиотами?

– Конец железной Катериной выдержке! – провозгласил Алешка, не оборачиваясь, и объявил сидящим на бревнышках родителям: – Нашел! Философствовала с братом по разуму.

– А мы вас везде искали! – И тетя Вера начала за ними ухаживать. Катя молча взяла свой шашлык. – Я подумала – может, Никитушка на водных лыжах хочет прокатиться? Вот только вы сейчас уже наелись...

– А что нам сделается? – бодро отозвался дядя, утративший на вольном воздухе свою обычную отстраненность и сосредоточенность. – Прокатимся – еще поедим. Никита, пойдешь?

– Я не пробовал.

– Вот и попробуешь!

– Я, может, сначала посмотрю? – Никита не знал, как бы пожеливей отвязаться от дяди с его лыжами.

– А ты не видел, что ли? – удивилась Катя, забыв, что кузен – степной житель.

– По телевизору, в «Ну, погоди», – огрызнулся Никита: ему совсем не улыбалось обучаться новому виду спорта на глазах у всего пляжа.

– Говорят, здорово. Я не пробовала. Боюсь.

– Я тоже, – проворчал Никита, но Катя засмеялась, словно

шутке, и Никита с удивлением отметил, что она его не поняла – и что, кажется, придется быть сильным и ловким в незнакомой среде.

Перехватов-старший тем временем летел на присогнутых ногах по поверхности воды, трос был не виден, и он словно гнался, вытянув руки, за убегающей моторкой. Никита не смог удержать улыбку, а когда моторка, сделав круг, вернулась к берегу, и дядя кверху лыжами бултыхнулся в воду, невольно засмеялся.

– Предвкушаем удовольствие? – осведомился Алешка из моторки. – Сейчас ты? Ладно, я следующий.

– Ну, все понял? – спрашивал дядя, помогая Никите обуться. – Главное – суметь выйти из воды. Алексей, полегче заводи!

Никита так и не вышел. Хоть Алешка и заводил моторку полегоньку, Никита или ехал за ней на животе, вцепившись в трос, или, немного поднявшись, сразу выпускал его и уходил с головой под воду. Нахлебавшись, он с единственной мыслью «больше не хочу» выбрался на песок.

– Немного погреюсь, – сказал он ненатуральным голосом и улегся на спину – это было тем удобно, что позволяло зажмуриться и ни на кого не глядеть.

Но не глядеть он не мог, а брат и сестра Перехватовы не выражали никакого удивления «как это ты?», они не надрывались от хохота, не переглядывались, не сочувствовали. Алешка надевал лыжи, сидя на корме моторки, а Катя говорила:

– Ты лучше его слушай, чем папу, папа объяснять совсем не умеет, а Алешка хорошо катается и объясняет лучше.

Никита приподнял плечи с песка и поглядел на Алешку – тот что-то говорил ему с воды, пришлось встать и подойти ближе. Алешка, не торопясь, давал какие-то пояснения, мотор затарахтел, он красиво поднялся – ноги у него не подгибались и не разъезжались – и укатил на своих твердых ногах.

– Там еще шашлыки! – учуяла Катя. – Пойду.

Алексей, сделав круг, тоже побежал перекусить, а Никита как торжник побрел в воду. Трос натянулся, вытягивая его на поверхность, и он вдруг почувствовал себя летящим наполовину по воздуху. Никита сначала даже не радовался, потому что напряженно

старался сохранять равновесие, но дядя долго таскал его по озеру, и он успел и привыкнуть, и порадоваться, и приустать.

– Всё, теперь закусим, – сказал Алексей Иванович, выбираясь из катера, и Никита, повозившись с лыжами, победителем пошел к костру. Уселся на бревнышко, взял остывший шампур – рука изнутри приятно дрожала.

Но вот разочарование – брат с сестрой ничего не сказали насчет его успеха на воде. Никита ждал, поглядывая на обоих, пока не понял, что они не придавали этому никакого значения, так же, как сначала – неукладу. Для них это было обычное дело – Катя и не сомневалась, что он научится тому, что умели все мужчины в ее семье и окружении.

Никита с улыбкой вспоминал, как она пыталась кормить Арчи шашлыком, но мясо с уксусом и перцем ему не нравилось, ни жареное, ни сырое, а собачий корм забыли, и Катя расстроилась: «остался голодным!». Как незаметно летели потом дачные деньки, с прохладно-лесным запахом в доме, немного фанерным и немного опилочным, с бадминтоном и теннисом на вытоптанной поляне, с гигантскими качелями между двух сосен, с болтовней за полночь в беседке, на которую сыпался постоянный хвойный дождик и изредка падала шишка, отскакивая, как мяч...

Сейчас на озере наверняка лед – не искупаешься, если ты не морж. И дача, должно быть, утонула в снегу. Неважно! Главное, впереди – две недели каникул, и он опять поедет к Перехватовым! Мама уже созвонилась с тетей Верой. «Конечно, дети так подружились, а Никитушка такой нелюдимый, пускай побольше общаются!»

Глава 5

А как же я? Малыш, ведь я же лучше!

(М/ф «Малыш и Карлсон»)

Общаться, как летом, почему-то никак не получалось. Алексей просто не появлялся – но они с Никитой и раньше почти не раз-

говаривали, а вот Катя была вся в делах и постоянно ускользала – непривычно зимняя, не в шортах и майке, а в джинсах и ковбойской рубашке в красно-синюю клетку, всегда такая аккуратная, с непреступно-прямыми плечами.

Может, не хватало дачной романтики?

Но в городской квартире Перехватовых было не хуже, чем на даче. И тетя Вера со своим стилем жизни совершенно та же самая: куда бы она ни входила, влетало ощущение праздника, хотя не было ни пения, ни музыки, ни прочих атрибутов, а, напротив, всем раздавались разнообразнейшие задания, и жизнь не просто кипела, а бурлила, похожая на подготовку к чему-то огромному – что будоражило больше, чем любое торжество. Не могло быть в мире существа, которому Вера Васильевна тут же не нашла бы подходящей работы.

Сколько дел переделал Никита, о способностях к которым он и не подозревал! Если летом ему поручали клеить пакетики из бумаги и наполнять их сушеной полынью – это годилось для моли, или собирать вместе с Катей ягоды – приятное занятие, или заливать керосином лампы, когда отключали электричество, то сейчас тетя Вера выдала племяннику метровую линейку и скользкий тяжелый рулон кальки. Это было достаточно сложно – перевести выкройку с журнального разворота, где перепутано множество всяких линий.

– А у меня терпения не хватает, – сказала Катя, – разбирать эти пунктиры. Мама меня уже пыталась припрячь – но поняла, что бесполезно.

Сама она, включив магнитофон на полную громкость, в двадцать пятый раз слушала любимый «Двадцать пятый этаж» и раскрывала картонные коробки с елочными игрушками, которые Алешка все-таки вытащил из кладовки. Живая пахучая елочка стояла тут же, в прихожей.

У Перехватовых была очень большая прихожая, которую еще называли комнатой Арчи, потому что там стояло кресло, в котором спал Арчи (к чему Никита никак не мог привыкнуть – у них дома даже людям не позволялось залезать с ногами на диван), а еще другие кресла, книжные полки до потолка и телевизор, по которому

сейчас шел мультик «Двенадцать месяцев». Но магнитофон его перекрывал:

*Привет тебе, мой третий Рим,
Твой одинокий пилигрим
Вернулся в город детства в поисках огня,
На перекрестке всех времен,
Июльским ветром окрылен,
Дождями летними встречай, встречай меня!*

На круглом столе, превращенном в овал более темной раскладной серединкой, сейчас громоздилась швейная машинка той же эпохи, что и стол, клубились из коробок и пакетов кружева и нитки, какие-то резинки, тесьма – чтобы все это смотать и разобрать, казалось, потребуется вечность, и охапками лежали журналы мод, новые блестящие и старые, без начала и конца. Среди этого развала попался и лоскуток, явно от Катиной ковбойки: красные и синие полосы на пересечении образовывали квадраты, где глаз ясно видел, как сплетаются те и другие нити – в смешанный цвет. Никита раньше не замечал таких вещей, но сейчас глаза глядели по-особенному...

Тетя Вера, прибегая с работы, кидалась то на кухню – гостя надо повкуснее накормить, то к своей машинке: шитьё ее якобы успокаивает. Никита чертил на том же столе, втягивая ноздрями новизну этого женского царства. Его мать тоже наряжалась и шила, но такого шквала действий он не видал, дома всё всегда было на своих местах, в специальных коробочках...

А у Перехватовых даже специальные коробочки оказывались с сюрпризами. Катя раскрыла очередную...

– Это еще что? Вот это да!

Вместо елочных игрушек в коробке оказались книги, купленные, по-видимому, родителями еще во времена их молодости, в шестидесятые и семидесятые годы. Разрозненные тома Золя в позолоченном переплете, Чехов, несколько книжек серии ЖЗЛ, альбом «Дрезденская галерея», «Путешествие в поэзию». Никита подошел посмотреть, но Катя, не особенно обращая на него внимание, увлеченно рылась: настоящие археологические раскопки! Под книжками

обнаружился альбом с черно-белыми фотографиями с зубчиками по краям, где мама – надо же, было такое! – еще без папы, а из альбома высыпались почтовые открытки, надписанные не шариковой, а чернильной ручкой, с чудесными картинками, каких теперь и не рисуют. А что это на самом дне? Константин Федин, «Необыкновенное лето», огромный, как энциклопедия, и совсем уж исторический, со старинной орфографией – всякими «итти», «шол» и «чорт» через «о»...

– Ты откуда эти реликвии вытащил?!

Никита оглянулся – на пороге Алешка. Церемонно поклонился родственнику, подошел, не раздеваясь:

– Да оттуда же, с верхней полки. Нашли, куда елочные игрушки упрятать! Я в том году еще хотел их вниз поставить – так мама говорит: а вдруг на них сверху что-то упадет. Я говорю: а вдруг они сами сверху упадут – но дешевле оказалось запихнуть, куда она сказала, чем переспорить... Ого, какие книженции! То-то я ташу и думаю: что же это за игрушки, прямо кирпичи какие-то. Кать, да выключи ты эти «Корни»! Сколько можно их слушать? Хоть звук убавь!

Тон у него был все такой же иронично-снисходительный, он все так же играл бровями, передергивал плечами, задирает нос и избражал из себя делового – и все так же не замечал Никиту. Сновал по комнате и зачем-то рылся во всех полках, включая шкафчик для обуви.

– Кать, где мой «Винстон»? Мама, похоже, реквизировала новую пачку. Не выкинула же она ее? Где-нибудь спрятала. Ну, ты же знаешь, где?

На Катю его превосходство не действовало, звук она не убавила и продолжала протирать елочные игрушки и надевать их на свежие ниточки. Ответила не глядя:

– Нигде.

– Ну-у, – укоризненно протянул Алешка, и Катю, как всегда, перевернуло от его «отеческого» тона – но непроницаемость, нарабатанная в детские годы, скрыла это и от Никиты. – С мамочкой стакнулась, да? Помогаешь папироски прятать? – понимающе про-

должал Алексей. Ничто не могло его раздражить, никакие ребяческие глупости, он был только слегка насмешлив и непомерно снисходителен – а Катя готова была глупо вскипеть и чем-нибудь в него запустить за один звук его голоса.

– А мы и сами все сейчас найдем!

Алексей цепким взглядом окинул книжные ряды, потянулся к полкам и, обернувшись, подмигнул Никите. И Никита с бешеным стыдом почувствовал, что сию секунду приниженно и радостно продал бы душу за его свойский жест. Только сначала была угодливая радость, а потом уж бешеный стыд.

Алексей, как ни в чем не бывало, оттягивал несколько книжек за верх корешков – словно на резинке – и, взглянув во внутреннее пространство за ними, с легким щелчком отправлял назад, тут же отщелкивая новую партию.

– Не прятала там мама, – сказала Катя.

– Пря-ятала, – уверенно пропел Алексей и извлек нераспечатанную пачку. Спокойно распечатал, тут же красиво закурил и любезно предложил сначала Никите, потом: – Катька, не научилась?

Катя дернула плечом и язвительно повторила:

– Не научилась.

– А что, где-то училась?

Он сидел на краешке стола, вполоборота, почти спиной к Никите, смотрел по-доброму, а в глазах плясали внимательные чертики. Губы Кати против воли поползли в улыбку.

– В школе в туалете, – сказала она. – Кондакова принесла пачку «Кэмела», мы дверь заперли шваброй и все пробовали. В прошлом году еще. Мне не понравилось.

Алешка смеялся, но необходимо. Он побольше повернулся к Никите и начал с хохотом рассказывать, как сам обучался в школьном туалете – словно это было лет сорок назад. Было очень приятно сидеть тесной компанией и разговаривать обо всяких всем близких вещах – но вот Алексей легко поднялся, небрежно сказал «ну пока» и пошел. Кажется, опять на эту свою работу. Он как будто еще пропел себе под нос «пока, детишки, читайте книжки» – но, может быть, этого и не было.

Снова повисло молчание. Катя переставила кассету в плеер и, слушая песню и думая о своем, не заговаривала и, казалось, могла молчать сколько угодно. Никите было не по себе: по его внутреннему представлению порядка люди, находясь в одной комнате, должны время от времени что-нибудь произносить. Он отложил линейку и присел к книжной коробке.

– Люблю Чехова, – сказал он, кивнув на обложку и более надеясь произвести хорошее впечатление, чем показаться умным.

Катя помрачнела.

– А я не люблю. У меня от него начинается такая серая тоска, что непонятно, почему люди не вешаются.

– А веселые рассказы, – начал было Никита, но Катя отрезала:

– Терпеть не могу веселые рассказы. Я даже цирк терпеть не могу – я там все детство протрадала, пока меня туда водили. Кроме зверей, конечно, зверей я всегда любила, пока не начала жалеть больше клоунов.

Никита растерялся:

– При чем здесь цирк... – но Катя безразлично согласилась:

– Конечно, ни при чем. – И добавила: – Алешка любит Чехова за веселые рассказы.

И пока Никита соображал, приятно ему совпадение или неприятно, Катя исчезла, бросив елочно-игрушечные дела.

Кажется, лето ушло невозвратно, и придется знакомиться заново и заново искать общий язык.

Он нашел Катю в Алешкиной комнате, у компьютера. Уже поняв, что сейчас не до него, безнадежно спросил:

– Работаешь? – хотя прекрасно видел, что она с кем-то общается в чате.

– Да нет, в сетке сижу. – Катя отвечала, не отрывая глаз от экрана. – Я вообще компьютера боюсь. Умею только включить, выключить – и еще в городскую сеть войти.

– И что там у вас? – не отставал Никита. – Просто треплются, кто о чем?

– Ну да... Я вообще-то с одним челом познакомилась. Мы с

ним обычно разговариваем в это время. – И совсем уж недвусмысленно: – Да ты не отвлекайся, черти свою выкройку.

Никите показалось, что она взглянула на него сожалеюще, и это было чем-то похоже на взгляд Алексея.

И что за чел такой – он спрашивать, конечно, не стал.

Глава 6

Не верьте ему! Это Глот с планеты Катрук!

(М/ф «Тайна третьей планеты»)

– Что же вы не выйдете погулять? – удивился Алексей Иванович, заехавший домой на обед. Катя вырезала снежинки, Никита, стоя на табуретке, надевал на елку макушку. – Такая погода замечательная, солнышко, морозец легкий – одно удовольствие! Катя, ты бы город Никите показала. Если бы у меня были каникулы, я ни за что бы дома не сидел.

То же самое он еще утром говорил. Причем в тех же выражениях. Кате, если честно, уже осточертела преувеличенная забота родителей о племяннике. Ладно летом, когда он первый раз приезжал – внимание к гостю и все такое, и правда надо было помочь ему освоиться. Но сейчас-то чего так опекать! За ее счет, главное! Все брось – и иди город показывать! Она, может, и сама собиралась – что же так напирать-то! И если бы только мама! От папы, с его убежденностью, что детей надо воспитывать по-спартански, не баловать и не сюсюкать, она никак этого не ожидала!

Конечно, Никита не виноват, что взрослые так с ним носятся, и Катя прекрасно видела, что он посматривает на нее с надеждой – понятное дело, скучно все время торчать дома. Хоть бы Алешка брал его иногда в свою компанию, к мальчишкам! А то ему ничего не остается, как только ходить за ней хвостом. Конечно, с ним неплохо, он спокойный, неназойливый, и вообще, гостю надо-таки уделять внимание – но не всё же свое время ему уделять. Книжку, что ли,

какую-нибудь подсунуть? А родители наверняка собрались засесть на кухне с разговорами – недаром их гулять выпроваживают...

– Нет уж, я хочу елку до конца нарядить, – твердо сказала Катя.

Она рассматривала белую стеклянную собачку с красным бантиком на шее – на лапке у нее давно была дыра, а теперь и хвостик отбился. А у золотой космической ракеты золото облезло в нескольких местах. Заколебалась: вешать их или уж не надо? Это самые старые игрушки, из эпохи родительской молодости, намного старше и ее, и Алешки. Неужели когда-нибудь они совсем разобьются?

– Может, их на самый верх? – подсказал Никита. – Они старенькие, но интересные такие. И потом, будет же год собаки... И лучше не на ниточки повесить, а на скрепки, так надежней. Жалко будет, если кокнем.

И, разогнув скрепку, показал новый способ. Красивые здесь елочки, настоящие еловые, с тоненькими хрупкими ветками – легко украшать. А дома он привык к сосновым, они тоже красивые, но другие – лапы у них пышные, пушистые, с длинными иголками...

– Отлично! – оценила Катя. – Я и не знала, что так можно. – Она была рада, что есть законный повод не просто оставить подбитую собачку в строю, но и поместить ее на почетное место. Никита молодец, соображает! – Я эту собачку больше всех люблю – не то что всякие тупые шары... Знаешь что? Сейчас пойдем смотреть город. Я только в чат загляну. – Заметила, как тает оживленное выражение на лице Никиты: – Да это же пять минут! Можешь пока пообедать.

Но Никита есть не хотел и включил телевизор. Пощелкал – опять зимние мультки, их сейчас без конца показывают, на одном канале – «Каникулы в Простоквашино», на другом – «Снежная королева», а вот снова «Двенадцать месяцев»...

Хорошо, что тетя Вера никогда не бегаёт с ружьем, собирая всех к столу. Не хочется есть – не являйся. Потом можно перекусить, когда захочется. А дома иногда кажется, что не еда для людей – а наоборот, и плохой аппетит – верное средство разбить маме сердце. Правда, у тети Веры иногда бывает виноватый вид – из-за того, что она вынуждена убегать на работу и не может посвятить ему

побольше времени. Жаль, нельзя напрямую сказать, что он всегда чувствовал себя счастливым не когда взрослые посвящали ему свое время, а когда забывали о нем и оставляли в покое! Это выглядит почти неприлично – но это не значит, что он их не любит и не ценит.

Арчи убежал вместе с Катей, и Никита с удовольствием разместился в его кресле, наслаждаясь отсутствием формального порядка: стулья и кресла разбежались, вместо того чтобы чинно стоять на местах, книжки и газеты повывлезали с полок – их читают. Все вещи живые и всё время в действии. Даже громоздкой сервизной супнице, из тех, что обычно никак не используются, потому что редко кто наливает в них суп, здесь нашли применение: проголодавшись, в ней всегда можно обнаружить пирожки или оладьи. Неживым и бездействующим было, пожалуй, только пианино в Катиной комнате – по крайней мере, при Никите его еще не открывали, и оно молча служило подставкой для вазы, мягких игрушек, будильника и горы книг и журналов.

На Катином подоконнике – тоже книги вперемежку, «надкусанные»: «Война и мир» обложкой вверх, раскрытая на середине, в Цветаеву вместо закладки засунут карандаш. А это что? Гарри Поттер номер шесть. Никита скептически повертел его в руках – он и предыдущих не читал, наперед посчитав волшебную эпопею ничемной. Катя всё не шла. Никита заскучал – на Катю его склонность к одиночеству не распространялась, наоборот, он был бы рад, если бы она всегда была рядом и никуда не исчезала. Пробежал страничку, углубился...

... – Не сердись, так получилось! – подошедшая Катя виновато смотрела на стрелки, обежавшие почти целый час. И прибавила с жаром, уже не в силах секретничать: – Ты знаешь, он – студент, программист, с ним так интересно, так здорово! Он мне столько ценного подсказал по компу – я же чайник... Но я это только тебе говорю, а ты никому, ладно? Я сама пока только его ник знаю, lsa.

Впечатления ее переполняли, и довольно скрытная Катя сама не понимала, почему ей так хочется с кем-то поделиться – но не с кем попало, ни одна из подружек тут не подходила, у всех были

слишком длинные языки. Хорошо, что рядом Никита: он как Арчи – всё понимает и никому не скажет.

В Никите смешались в равных пропорциях благодарность Кате за доверие – почти прежнее – и злость на студента, не будь которого, они бы могли уже целый час гулять. Причем злость на глазах начала раздуваться. Никита напряженно слушал Катю, сам удивляясь, чего вдруг так ощетинился, но тут из кухни выглянула Вера Васильевна и без обиняков велела дочери:

– Идите-ка на свежий воздух! Хватит в духоте сидеть.

Катя фыркнула, дернув плечом: конечно, им с папой надо обсудить свои военные тайны, а с маминым-то голосом это всегда получается на полную громкость – бояться Никитушку смутить.

– Слушай, а пошли на каток! У нас рядом с гимназией залили. По пути весь Белогорск увидишь. Ты как, катаешься?

– Давай! – обрадовался Никита. Наконец-то он мог себя показать, не то что тогда, на дурацких водных лыжах – на фигурное катание его водили с четырех лет, и на льду он держался уверенно. – А коньки как же? Ну и что этот твой программист?

– Алешкины возьми... А я, представляешь, не догадалась написать, что я тоже студентка. А ведь могла бы! Мы же собираемся встретиться! Так бы солиднее было. Ведь я же тяну на студентку, правда?

Это щебетанье почему-то окончательно вывело Никиту из себя.

– Ты только не строй всерьез всякие планы, – очень сдержанно посоветовал он. – Ты ведь, кроме ника, ничего о нем не знаешь. В сети столько приколов. Может, это компания какая-нибудь развлекается – такого сколько угодно бывает.

Он хотел рассказать примеры, но Катя обиделась:

– Я что, отличить не могу, что ли, приколистов от нормального человека?

По улице они шли молча. Катя ничего не комментировала, предоставляя Никите самому определять, что вот это у них парк, а это магазины, а это площадь с елкой – и так далее.

Глава 7

Безобразие. Ну, что у нас плохого?

(М/ф «Тайна третьей планеты»)

– Ну что, ушли дети? – Мама выглянула в Арчину комнату, убедилась. – Наконец-то. Развеются немного. Катюшка все эти дни берет огонь на себя, развлекает гостя, и я вижу, ей это уже поднадоело. Как бы она ему прямо не высказала – у нее ведь не задержится. Молчит-молчит – а потом выдаст. Помнишь, как она резко соску бросила? В общем, пора нам на подхват – мальчишка такой лучезарный, не погасить бы. А вспомни, какой летом приезжал – мрачный, замкнутый, просто маленький старичок. Еле его из самого себя вытащили! В общем, я билеты в «Новую оперу» взяла, но это после Нового года. Зоопарк, как думаешь, пойдет – или уже нет? – Перехватов-старший проговорил, что зоопарк всегда пойдет, и он сам с удовольствием. – А если плохая погода, заменим Дарвиновским музеем – наши его любят, а Никита там, кажется, еще и не был. Там полдня можно ходить. А вот до Нового года...

– А до Нового года пусть Алеша подключается! – Алексей Иванович уже стоял на пороге. – Странно, что мальчишки совсем не общаются. Алеша от Никиты и летом все бегал... Или он в институте сильно занят? Тебя подвезти?

Вера Васильевна, помрачнев, достала ключ и заперла дверь: с рядовой безопасной темы, как развлекать племянника, разговор все-таки перескочил на тему болезненную. Об Алешке она и сама собиралась поговорить, но не наспех, не на пороге и уж, конечно, не на лестнице – но времени не хватило. А теперь, кажется, придется на лестнице – надо же держать мужа в курсе.

– В «Белогорских вестях» он сильно занят, – проговорила она, спускаясь, неестественно тихим голосом. – Всё то же самое. В институте пока сдвигов – никаких. Все время там пропадает. И теперь понятно, почему – я узнала, наконец, кто эта женщина! Далеко искать не надо! – И на вопросительный взгляд Алексея Ива-

новича Вера Васильевна тоже взглядом выразительно показала на соседскую дверь, мимо которой они проходили. – Сноха Голубевых, хозяйка этой рекламной газетенки! Могли бы сами догадаться. Об этом уже все говорят!

– Да ты что! – взвился Перехватов. – Голубева-сына жена?!

– Тихо! – цыкнула Вера Васильевна. – А всегда говорят, что я кричу...

Но Алексей Иванович не унимался и уже в машине, в безопасном пространстве, где не могли услышать посторонние, продолжал возмущаться в полный голос:

– Мальчишка! Что творит! Голубевы – честнейшие, порядочные люди, каких теперь поискать! Всю жизнь – в одном подъезде! Всю жизнь – в одном институте! Да как я с ними здороваться буду?! Их сын – и этот желторотый, куда лезет! На посмешище меня?! Отношения со всеми перепортить?!

– Тихо! – скомандовала Вера Васильевна. – На светофор смотри! Да шут с ними, с отношениями – с Алешкой-то что делать? Еще раз попробовать поговорить?

– А что тут можно сделать? – Алексей Иванович начал утихать. – В угол поставить? Конфетки лишить? Он уже сейчас неплохо зарабатывает, а завтра вообще не будет зависеть от нашего кошелька – и нужны мы со своими душевспасительными беседами и полезными советами? Что воспитали – то воспитали!

– Значит – пусть гибнет? – не поверила Вера Васильевна, наоборот, возвышая голос. – А мы – сидим и глядим?!

– Что бы мы ни сделали – будет только хуже, – философски произнес Алексей Иванович. – Ты вот раньше думала, самое ужасное – это то, что мальчик шапочку зимой не надевает или курит потихоньку. А оказалось, что-то посерьезней может быть. Но от нас тут ничего не зависит! Бесполезно говорить влюбленному мальчишке, что он влюблен не в ту женщину. Да он это просто не воспримет! И будет только оскорблен, что влезли чуть ли не с ногами на его запретную территорию! И еще больше от нас закроется! Это, что ли, нам нужно? Вера, пусть звучит ужасно, но мне кажется, что это надо просто переждать, как плохую погоду!

Но Вера Васильевна не могла себя представить переживающей и бездействующей. Для нее, взрывной и энергичной, любое выжидание было искусственным затягиванием ситуации, с которой всегда можно быстро и четко справиться, надо только «поговорить и всё выяснить». Если у детей были проблемы со здоровьем, она шла и говорила с врачом, если трудности в школе – с учительницей. И всегда это давало нужный эффект, правильное решение всегда находилось. А что могло бы быть, если бы она всё затягивала, ждала у моря погоды?!

– В конце концов, – развивал мысль Перехватов-старший, – жену Голубева мы оба знаем: она женщина умная, не думаю, чтобы ей нужен был сопливый мальчишка – семья у них дружная, загляденье. Это просто нелепица какая-то, от начала и до конца...

– Откуда нам знать – нужен или не нужен! – нетерпеливо перебила Вера Васильевна. – А вдруг нужен? Что тогда? Я подумала – а может быть, нам с ней поговорить и все выяснить?

Если бы не надо было держаться за руль, Алексей Иванович схватился бы за голову.

– Вера! Ну, о чем ты говоришь! Еще не всё пропало – а ты сама хочешь всё испортить!

Но Вера Васильевна не сдавалась.

– Вот ты даже уроки детям никогда не помогал учить – они всегда должны были все делать сами! Справляться с трудностями, дорогу в жизнь прокладывать самостоятельно – вот он и проложил! И нашел эту женщину! А я говорила тебе, когда он искал работу, – прими участие! Ну, что тебе стоило взять его в какой-нибудь свой отдел? Все нормальные отцы так делают! Опозорил бы он тебя, что ли? Мальчишка головастый, энергичный... Будь он под присмотром, ничего бы не случилось! И только не надо про детей миллионеров, которые с мытья посуды начинают!

Но Алексей Иванович уже горячо говорил о детях миллионеров, о невмешательстве в личную жизнь и о материнской юбке, под которую невозможно вечно прятать детей, и остановился только вместе с машиной – у Белогорского института, где работала Вера Васильевна. Сам подытожил:

– Ну, это всё эмоции. А что теперь делать...

– Да, что делать? – подхватила Вера Васильевна.

– Ничего не делать.

«И это самое трудное», – подумал Перехватов-старший, взглянув в лицо жены.

Глава 8

Разбудить, одеть, умыть и накормить, и вывести гулять.

(М/ф «Осьминожки»)

Долго гулять по городу не пришлось: Катя увидела автобус и запрыгнула в него. Никите пришлось лезть следом.

– Садись, нам три остановки, – Катя потянула его за руку, и Никита шлепнулся на сиденье.

Она продолжала молчать, и Никита смотрел то в окно, на пробегавшие девятиэтажки-подковки, то в салон, на сидящую напротив убогую старушку, согнутую пополам. Кондуктора не было, и деньги на билет передавали водителю. Катя безмятежно ехала зайцем, а вот старушка шамкающим голосом говорила всем входящим: «Мне на сдачу десяточку» – и опускала десятки и мелочь в карман, а пассажиры терпеливо ждали свои билеты. Автобус шел через весь город, людей набивалось все больше, и карман старушки все веселей брэнчал при каждом повороте. «Вот мошенница», – зашептала Катя, уже забыв, что братец ее рассердил. Они начали прикидывать, сколько денег присваивает старушка, и подсчеты продолжались до самого конца.

Возле гимназии вышли и они, и старушка со своим уловом.

Примостившись на скамеечке, Катя медленно затягивала шнуровку на высоких белых ботинках фигурных коньков. Но, против ее опасений, Никита, поджидая ее, катался, и неплохо – непри-нужденно-отточенные повороты выдавали приличную практику. Да он тут, пожалуй, лучше всех на льду держится!

– Ты, кажется, в спортивную секцию ходил? – вспомнила Катя, подъезжая к нему.

– Мама водила, – уточнил Никита принудительность этого факта.

Слушая живописное юмористическое повествование – о маме, млеющей перед телевизором с показательными выступлениями фигуристов, и о его собственных мучениях, ранних подъемах, разъезжающихся ногах, шишках – Катя от души смеялась. А он умеет рассказывать! И, взяв брата под руку и неторопливо поехав с ним по кругу, поведала о собственном подневольном хождении в музыкальную школу.

– А у моей мамы была своя фишка – благородная девица за фортепьянами! Она всю жизнь мечтала учиться музыке, а отдуваться пришлось мне.

– Неживое пианино? – вспомнил Никита

– Абсолютный склеп! – подтвердила Катя. – Иногда даже жалко его. Стоит, молчит, высыхает. И ведь сколько денег за него отвалено! Сколько книг можно было купить! Или всяких штук для собаки... А тогда я так страдала, и никто меня не жалел! Специальность была три раза в неделю, и три раза в неделю я просыпалась в горе, что вот пропал день. После школы все нормальные люди шли играть или гулять, а я тащилась в музыкалку! Тебе хоть повезло, когда вырос, стал тяжеловат для льда, и тебя забраковали. А у меня всю жизнь этот чертов слух и эти музыкальные пальцы! – Она растопырила руку в перчатке.

– Как ты только саму музыку не возненавидела, – посочувствовал Никита, вспомнив постоянный Катин магнитофон или плеер – сам он даже по телевизору никогда не смотрел спортивные передачи. И, кажется, только сейчас, катаясь с Катей, первый раз в жизни ощутил, что коньки – совсем неплохо.

– А у меня была такая учительница замечательная – Ирина Владимировна! – оживилась Катя. – Я в нее тогда просто влюблена была! Молодая, сразу после училища, и красавица, и, главное, понимала, что я тупею от всех этих гамм и этюдов. И задавала, представляешь, картинки рисовать к пьескам – ну, как я вижу эту музыку, и

истории придумывать. И я дома скорей отбарабаню, а потом рисую, рисую, и сочиняю заодно. Так здорово! А иногда на уроке она сама садилась за пианино и играла так, как мне никогда в жизни не сыграть, и увлеклась, и всё играла, играла – а я слушала, и понимала, что день не пропал, и что я люблю Ирину Владимировну, и люблю музыку. Вот и не возненавидела! Жалко, она потом совсем ушла из школы, чем-то другим занялась вроде бизнеса. Но я музыкалку все равно дотерпела до конца. Диплом лежит, пианино стоит... А я, кстати, придумала на него сваливать библиотечные книжки, и чужие, взятые почитать, – очень удобно, они так не путаются со своими и не теряются... О, кого я вижу! Зой, привет!

К ним, резко тормозя – из-под коньков ледяная крошка веером – подъезжала высокая, выше Кати, девчонка в модной полосатой шапочке.

– Это Зоя, моя подруга, в нашем доме живет, – представила Катя. – И в гимназии тоже учится. А это Никита, двоюродный брат. Погостить приехал.

У Зои был острый стремительный взгляд, она пронзила им Никиту, явно одобрила, и на его вопрос, чем отличается гимназия от просто школы, ответила, опередив Катю:

– Уроков больше задают. Ну, еще естественные науки в почете – растят очередное поколение этих – быстрых разумом Ньютонов.

– Тебя то есть, – пояснила Катя. – Зойке математика – на один зуб. Она даже мне что-то решает, представляешь! Они в своем спецклассе далеко вперед ушли, уже нас, наверное, обогнали. А я в гуманитарном, я же только противоестественные науки люблю!

Никита терялся под пронзительными взглядами математической подруги – наверное, такой же твердой поступью она выходит к доске, расправляться с теоремами и уравнениями. Они стали кататься втроем, и он тут же узнал, что Зоя младше Кати на два года, но завтра, тридцать первого декабря, ей исполняется четырнадцать.

– Такой дурацкий день рождения – новогодний! – посетовала она. – Родители вечно экономят и дарят один подарок вместо двух. А если строго подойти, надо же два – один на Новый год и один на день рождения. Ну ничего, я Свете, сестре, объяснила, и она согласилась,

что это логично – и теперь все правильно! – Стащив шапочку, Зоя тряхнула русыми волосами с более светлыми «перышками», чтобы Катя могла оценить – прическа была подарком. – Это от нее на Новый год!

– А на день рождения что?

– Компьютер! – гордо заявила Зоя. – Наконец-то! Ждала всю жизнь.

– У тебя новый комп? – К ним на лед сбежал, безо всяких коньков, прямо в ботинках, долговязый мальчишка – как понял Никита, Зоин одноклассник. – Неслабый подарок! Я приду поглядеть?

– Ничего, зато они уж подарили – и на год вперед отмучились, – безжалостно сказала Зоя. – Ты это, Ларионов, на день рождения напрашиваешься, что ли? Вот никогда не знаю, когда лучше отмечать! Решила сегодня, хотя раньше вроде бы нельзя. Но завтра все Новый год празднуют, а первого не соберешь никого. И плевать на предрассудки, лучше раньше, чем не пойми когда! Так что приходи вечером, Кать. – И уточнила: – С Никитой.

– А у меня вообще летом день рождения, – уныло сообщил Ларионов. – И не поздравляет никто никогда, все разъезжаются... Зой, а мне приходиться?

– Ладно, приходи, – отмахнулась Зоя, а Никита добавил:

– А у меня – Восьмого марта. Дома поздравляют маму – и меня.

Все посмеялись, а Катя с тревогой прислушалась – не звучит ли, не дай бог, насмешка – братец такой обидчивый. Но нет – Зойка и другие знакомые девчонки поглядывают на Никиту с интересом, переглядываются, пытаются заговорить. Что ж, он довольно симпатичный, а в глазах младших должен выглядеть совсем уж внушительно. Удачно выйдет, если он с кем-нибудь познакомится и на кого-нибудь переключится. Но вместо того, чтобы, пользуясь случаем, сплавить Никиту подружкам, Катя вдруг распрошлась:

– Ну, пока! Увидимся вечером. Мы уже накатались. Я Никите еще город собиралась показать.

И весь обратный путь, как заправский экскурсовод, увлеченно описывала город. Над крышами еще висело маленькое солнце,

но уже намечались синие декабрьские сумерки, а когда подходили к дому, небо стало по-настоящему ночным, и зажглись фонари. Никита старательно рассматривал достопримечательности, пока их было видно. И лучшей из них, по Катиным словам, был ее дом по прозвищу «зефир», старинный, с высокими этажами и большими окнами, нежно-розовый – красиво смотрящийся и летом среди зелени, и сейчас на фоне сугробов, не то что эти уныло-грязно-белые многоэтажные «подковки». И кто придумал нагородить столько белых зданий в наших широтах, где восемь месяцев зима?

Никита слушал и не возражал – розовый «зефир», к которому они подходили, выглядывал из-за кружевных морозных веток, как пряник, и добродушно и приветливо улыбался ему.

Глава 9

*А что подумал Кролик – никто не узнал.
Потому что он был очень воспитанный.*

(М/ф «Винни-Пух»)

Вечером, еще за час до вечеринки, Катя активно начала собираться, проносясь с озабоченным видом из своей комнаты в ванную и обратно. Никита удивленно наблюдал – она, всегда погруженная в себя, такая уравновешенная, выдержанная, сейчас была сама на себя не похожа.

– Что у меня за лампочка! Ослепнуть можно! – возмущалась она, ища, где светлее, и наконец пристроилась у маминого трюмо.

– Я везде ввернул совершенно одинаковые лампочки, – сообщил папа, которому мама у этого же зеркала повязывала галстук. Они оба собирались к папе на работу на новогодний банкет. – Ну, дочка, ну, ты же у меня красавица, – поморщился Алексей Иванович, глядя, как Катя накладывает тени. – Тебе совершенно незачем краситься!

Катя терпеливо делала вид, что не слышит этой уже классической фразы, а маминого неодобрительного взгляда не видит.

– Мам, можно капельку твоих «Барберри»?

– Катя, это запах для взрослой женщины вроде меня, тебе он совершенно не подходит, – отказала мама, прекрасно понимавшая, что поиски яркого света вели к ее духам. – Мы с папой вернемся поздно, ужин я вам оставила. Надеюсь, ты Никиту одного не бросишь?.. Крепись, Алексей, мы еще доживем до времен, когда она волосы вздумает выкрасить. А больше всего я боялась, что Алешка сделает себе ирокез...

– Не брошу, – проворчала Катя, закрывая за родителями дверь.

У нее и в мыслях не было бросать Никиту, но теперь вышло, что ей опять его навязывают, и это раздражало. Сколько беспокойства, не заскучал бы милый племянничек! А ей скучно или весело – такое даже в голову не приходит! С Катей всегда все в порядке, она благополучный ребенок, всегда в духе, всегда со всем справляется, и развлечет себя сама, и никаких проблем – нечего о ней и думать!

Она вернулась в мамину комнату, чтобы надушиться. Флакончика у зеркала не было. С собой унесла, из принципа! Какое коварство!

Когда Катя оделась во что-то особенно нарядное, и в ход пошли цепочки, колечки, туалетная вода, этим она необъяснимо напомнила Никите одноклассниц – и повеяло каким-то разочарованием. Он растерянно наблюдал за превращением незаурядного образа в самый что ни на есть заурядный, и в нем самом словно что-то рушилось.

– Ты любишь вечеринки? – справился он на всякий случай.

Катя энергично кивнула, прицепляя розовый бантик к флакончику с лаком для ногтей – подарок имениннице.

– Ну и вопрос. А ты – нет, что ли?

Никита пожал плечами, не умея объяснить.

– Я не думал, что это тебя интересует.

Катя удивилась.

– Почему нет? А ты тоже давай собирайся, ты же приглашен. Вот это будут наши подарки: лак – на день рождения, а кассета – на

Новый год. – На кассете были ее любимые неизменные «Корни». – Зойке понравится.

Никита причесался пятерней – собрался.

– И на танцульки тебе нравится ходить? – еще раз удостоверился он.

– Да, – сказала Катя, помедлив. И, отвернувшись от зеркала, улыбнулась мечтательно. – Знаешь, какие необычные всегда были танцы на даче, в соседнем доме отдыха! Его закрыли на ремонт прошлым летом, ты поэтому там не был. . . Там очень красиво, площадка под открытым небом. Мы всегда ходили с родителями – они не танцевали, потому что не очень молодые уже, а просто гуляли по дорожкам, где белые фонари на зеленых ногах. Я люблю – когда небо, музыка, звезды, люди прогуливаются кругом, улыбаются, смеются, и все меняется – танцующие, зрители. Это похоже на жизнь.

– А ты любила ходить кругом, или. . . – допытывался Никита.

– Не знаю. Когда была маленькая, конечно, любила только смотреть да по ограде лазить. А потом, когда сама начала ходить на дискотеки с девчонками. . . знаешь, оказалось вдруг, что в этом никакой радости! Первый раз было такое давящее чувство, как страх, смешанный с позором: а вдруг никто меня не пригласит? – Катя тряхнула распущенными волосами, улыбнулась и закончила весело: – Так вот, вначале из-за этого страха не было удовольствия, а теперь – из-за того, что наперед все известно. Я еще в самый первый раз поняла, когда меня всё приглашали и приглашали, что меня всегда будут приглашать. – В Никите промелькнуло что-то враждебное. – Ну и что тут интересного? Самая большая неожиданность – это если пристанет пьяный дурак. А на городской дискотеке вообще все свои, знакомые. На студенческой я только один раз с Алешкой была. . . Танцульки! Хожу, потому что все ходят. Надо же куда-то ходить. Исчерпан вопрос?

– А как же какого-нибудь принца встретить – не надеешься?

– Не исчерпан?! у-у, Никита, из тебя выйдет ревнивый, сварливый муж. А принцев я всех здесь знаю, сказала же.

– А вдруг новый появится? – не сдавался Никита.

– Новый один ты пока.

– А что ты волосы распустила? Они же как шуба.

– Ну, ты умеешь развеселить! А принц? Чем я его покорять буду? Пошли, я готова.

Все эти настырные вопросы, подумала Катя, к тому, наверное, что братец не умеет танцевать, а сказать стесняется. Ну, она же не зверь, насильно тащить не будет. Посидит, торт поест. В конце концов, день рождения – не каторга. Не дома же его оставлять одного, в самом деле! Родители вернутся поздно, а Алешка – вообще непонятно когда.

Никита и Катя вышли без верхней одежды – Зойка жила двумя этажами ниже, прямо под Перехватовыми – и пудель, не желав оставаться в одиночестве, увязался за ними.

Глава 10

А ну-ка, давай-ка, плясать выходи!

(М/ф «Ну, погоди!», новогодняя серия)

Катя вот уже второй час наблюдала, как скучает Никита в Зойкиной компании. Он даже торт ел без удовольствия, в девичьей болтовне не участвовал, а когда к нему обращались, отмалчивался. Вот ведь дикарь какой! И это притом, что Зоины одноклассницы наперебой ему улыбались, заговаривали – кавалеров на вечеринке было всего-то два, Никита да Сережка, набившийся в гости тогда на катке. Конечно, чернобровый широкоплечий Никита сразу привлекал внимание. Не может же он сам этого не замечать!

А Серега, быстренько улетя свой кусок торта, сразу приклеился к новому компьютеру – и Никита незаметно переполз к нему, чтобы избавиться от приставучих девчонок. И чем они ему не угодили? Веселые, хорошенькие. Наверное, по его меркам они дуры, сообразила Катя. Ну, пусть тогда сидит в углу, если ему это нравится. И так понятно, что толку от этих двоих все равно никакого, развлекать дам они не собираются, и танцевать их не вытащишь.

Нисколько не расстроившись, девчонки принялись сами прыгать под музыку, включив ее погромче, и Арчи с оглушительным лаем прыгал вместе с ними и, потешая всех, плясал на задних лапках.

– Зой, кажется, в дверь звонят! Ты еще ждешь кого-то?

– Да нет. Все гости в сборе. Пойду посмотрю... Ой, Катя, это твой Алешка!

Катя выглянула – на пороге действительно стоял Алешка, и не один, а с двумя приятелями.

– Ты как нас нашел?

– Тоже конспираторы! Как же вас найдешь, если Арчи лает на весь подъезд... Дома никого, а я ключ забыл. Гони скорей свой – я с голоду помираю! Не завтракал еще.

– Зачем помирать? – вмешалась Зоя. – У нас торт, пирожки вкусные. Я именинница, между прочим. Давайте, угощайтесь!

– О, да тут какая компания! – обрадовались мальчишки, заглядывая в комнату. – Лёха, надо зайти, раз зовут!

Трое студентов мигом оживили общество. Девчонки отстали от Никиты и тут же переключились на более старших и эффектных молодых людей – а те охотно позволяли с собой кокетничать – и вечеринка сразу заладилась.

Никита из соседней комнаты, где был подарочный компьютер, смотрел в открытую дверь: они разговаривают с Катей, как старые знакомые, что-то сообщают ей смешное, треплют Арчи за уши – какое им, черт возьми, дело до Арчи! И Катя уже танцует с одним Алешкиным приятелем, потом с другим. Потом, Никита удивился, к ней подошел сам Алешка – это был не домашний зловерный Алешка, а очень подтянутый, галантный, и они танцевали – и Никита подумал, что тоже мог бы пригласить Катю. Как он сразу не догадался! В занятиях фигурным катанием были элементы хореографии, и в танцах сам процесс смущал его не больше, чем катание на льду. К тому же Никите уже приходилось танцевать с девчонками на школьных праздниках и два раза на днях рождения.

И продолжал сидеть.

Катя его не звала. Опять она ускользнула, предоставив ему

свободу действий. Но теперь как будто все от него зависит, надо только подойти и пригласить. Но Никита вспомнил «меня всегда будут приглашать» – и остановился.

Он даже сам был озадачен, почему вдруг так на этом зациклился, ведь ему абсолютно все равно, что другие девчонки, трещотки-хохотушки, тоже танцуют и заигрывают, и тоже не с ним. Их всех он просто не видел, и тем более не смешивал с ними Катю, хотя час назад ему и показалось, что и она – одна из пустоголового бабьего множества. Нет, Катя оставалась все той же особенной Катей, бесконечно близкой и понимающей, но теперь и бесконечно далекой, развернутой всеми своими улыбками и разговорами ко всем остальным, ко всем, кроме Никиты!

С начала их знакомства Катя не доставляла ему таких неприятных минут! Не лучше ли ей было оставаться в красно-синей ковбойке и, сидя дома, болтать с ним как всегда?

Наконец он решился и встал, но пока шел из одной комнаты в другую, Катю уже перехватил один из студентов – а Никита уже стоял рядом, и пришлось сделать вид, что он ловит Арчи: плясун, под общий хохот, всё продолжал кружиться на задних лапках и путаться у Кати в ногах. Никита взял его на руки и пошел назад, к компьютеру. И надо же – Арчи не вырывался, он уже признавал Никиту за своего.

– Белый танец! – объявила раздурманенная именинница, довольная, что вечеринка удалась.

Дамы кинулись на кавалеров, даже Серегу утащили от компьютера. Никита с Арчи на руках продолжал сидеть в кресле. Он вдруг осознал, что анализ собственных чувств уводит его в какую-то опасную сторону, и с большим усилием остановил поток сознания. А остаток энергии уходил на то, чтобы выглядеть достойно.

Катя поглядела на Никиту и пригласила Алексея. Тот покоился на соседнюю комнату:

- А твой хорошенький умненький братец чего скучает?
- Твой тоже!
- Ну-ну. Ты бы его хоть пригласила, что ли, разок.

– Конечно, сейчас побегу в другую комнату. А может, он вообще танцевать не умеет.

– Можно поучить.

– Сам учи.

– А чего злиться? Не хочешь – не приглашай.

Катя рассердилась еще больше, поняв, что злится оттого, что не хочет танцевать с Никитой, и что Алешка это понял.

Но почему? Почему ей всегда больше нравится, когда ее приглашают танцевать такие же, как Алешка? С ними не о чем разговаривать, но танцевать хочется с ними. Они все нахальные дураки, но они умеют держаться. И в глазах подруг она с ними лучше смотрится, чем с хорошим домашним Никитой. Конечно, Никита ничем не хуже – но выглядит лапша лапшой.

Катя подумала, не отдохнуть ли немного, но представила, что тогда она подойдет к Никите, посидит с ним, а отойти будет уже неудобно, она сама лапша, ей будет его жалко – нет, вечеринка так вечеринка, надо веселиться, и всё. В конце концов, останься они дома, он точно так же в кресле бы сидел.

Когда в первом часу начали расходиться и распределять, кто кого провожает, и Алешка вызвался проводить девочку, которой ни с кем не было по пути, кто-то из его друзей спросил:

– А Катя? Может, подняться с ней до вашей квартиры? В подъезде темно.

– Да она с братом. Нечего время терять.

– Какой брат? Еще один?

– Вон, стоит с собакой.

– Откуда взялся?

– Привезли.

Поднимаясь вслед за Катей по лестнице, Никита разговаривал весело, как ни в чем не бывало – сколько она ни всматривалась, не было заметно, что он задет или обижен. Это, наверное, потому что в подъезде темно, решила Катя, и, включив свет в прихожей, зорко всмотрелась – но и лампочка ничего не высветила.

«А он тоже умеет держаться. Или научился понемногу. Ему на пользу у нас бывать».

– Родители, похоже, раньше нас вернулись и спят, – сказала Катя, зевая. – Хочешь чаю? Ты ведь толком ничего там не поел. Только свет включать не будем, а то мама проснется и прибежит.

И принесла на кухню волшебный фонарь с медленными плавающими рыбами. Никита поднял крышку большой нарядной супницы – и с радостью обнаружил там еще теплые пирожки, испеченные тетей Верой. Действительно, после дня рождения очень хочется есть.

Танцевальная лихорадка кончилась, и как прежде было хорошо Кате с Никитой, а Никите с Катей. И все та же кассета пела почти шепотом:

*Не спят каналы и мосты,
И полуночные цветы,
Волшебным запахом наполнив все слова...*

Уже засыпая, Катя проговорила возмущенно, как бы сама себе:

– А может, ей не на что было хлеба купить!

И Никита из соседней комнаты тут же откликнулся:

– Батон и пакет молока – бабка всего-то три десятки стянула, и мелочь!

Глава 11

*Братец Лис, ты – не джентльмен!
(М/ф «Братец Лис и братец Кролик»)*

Катя проснулась с безотчетным и очень приятным ощущением, что миновала какая-то серьезная неприятность – только не сразу вспомнилось, какая. Ах да – вчерашняя вечеринка, совершенно прежний Алешка, беззаботный, обаятельный, интересующийся девочками – а не зомби с отсутствующим взглядом, все время исчезающий из дома.

Значит, старуха, ну, то есть та взрослая монструозно-таинственная женщина, о которой говорила мама, больше его не интересуется! Правда, есть повод порадоваться. А «хвосты» – дело десятое, нагонит – Алешка-то, с его девизом «лучше день потерять, потом за пять минут долететь»!

На кухне Катя нашла оставленный мамой список продуктов, которые надо докупить к новогоднему столу, и разных хозяйственных дел. Ходить по магазинам за едой она терпеть не могла. Что ж, записка никому конкретно не адресована, а дома сегодня двое братьев. Сейчас Катя живо распределит, кто чем займется – и все сразу поймут, что она организатор не хуже мамы.

– А ты это куда? – опешила Катя, энергично выходя из кухни и тормозя на полном ходу. На пороге стоял уже одетый Алешка. – У тебя, что ли, опять экзамен сегодня?

В прошлом году, когда брат учился на первом курсе, это было именно так – один из экзаменов назначили на тридцать первое. Но Алешка честно покачал головой и объяснил проникновенным голосом:

– Я в газету. – Шельмец прекрасно понимал, что должен бы сейчас ходить по магазинам!

– А по магазинам кто пойдет? Мама такой список накатала – мне что, разорваться? И чего ты врешь, какая еще работа в праздничный день? Какая в самый Новый год может быть газета? Она уже выходила на этой неделе. Кому-нибудь другому вешай лапшу!

Возмущенная Катя не подбирала выражений и была на себя не похожа. Провести весь новогодний день на хозяйстве, в хлопотах, и притом совершенно одной, не считая Никиту – ей все еще в это не верилось. Ну, мама и папа сегодня работают – но этот наглец, как он смеет ее бросать? Что это за подработка такая невиданная, без праздников и выходных? Или чары старухи не сломлены, и рано она радовалась? Куда он на самом деле собрался?

Алешка, казалось, все понимал и даже сочувствовал, и молвил примиряюще:

– Ну, Кать. Я же правду говорю. Я же мог соврать, что на экзамен иду, и ты бы еще за меня волновалась – но я разве гад по-

следний? Я говорю, как есть – у нас спецвыпуск, новогодний, рекламодатели кучу денег отвалили. Поздравлений всяких мешок. Я расстарался, дедморозов на всех страницах насажал, елочек, шишечек всяких – красиво, сама увидишь! Теперь надо в типографии проследить, чтобы все нормально сделали, потом забрать, распространителей дожидаться, проследить, чтобы сегодня же разнесли... Я ведь всегда этим занимаюсь! Не начальница же будет упаковки тяжеленные таскать. А у тебя еще Никита есть...

– Доброе утро, – выглянул из комнаты Никита, разбуженный громким Катиным голосом.

Катя повернулась к нему:

– Ты по магазинам ходить умеешь? За продуктами?

– Не особенно, – сознался Никита. – Но попробовать можно.

Не дожидаясь второй части ответа, Катя демонстративно развела руками, испепеляя взглядом Алешку, который продолжал все тем же ну очень человечным, покаянным тоном:

– ...А вечером я приду!

– Можешь не приходить, – был ему ответ железным голосом.

– Проваливай.

Глава 12

Счастье – это когда все дома!

(М/ф «Приключения домовенка»)

Вечером Алешка не пришел. Уже и стол был накрыт, а Перехватовы, не сговариваясь, оттягивали время и не садились. Катя очень старалась поддержать атмосферу непринужденности, сначала из противоречия: а мы и без тебя прекрасно повеселимся! – а потом из всё более явного чувства вины. Сказала же брату «пошел вон»...

Но веселья не получалось. Даже у елочки, украшенной новой гирляндой, посидели как-то грустновато и растерянно, мало обращая внимание на по-разному танцующие огоньки. Никита особой

натянутости не ощущал, он без Перехватова-младшего наоборот чувствовал себя спокойней и к тому же привык к его почти постоянному отсутствию, а все остальные ощущали и беспокоились: а вдруг гость заметит натянутость? И изо всех сил старались быть предупредительными и естественными. В который раз посетовали на телевизор, по которому нечего смотреть, покосились на аппетитный стол, предложили Вере Васильевне уже не нужную помощь, опять пощелкали пультом, прогнав все программы.

Катю просто убивал этот вакуум, образованный отсутствием Алешки. Нет, ей ни за что его не заполнить, как ни старайся – ее просто не хватит! По-настоящему праздновать можно только с этим зловредным нахалом. Он бы давно уже всех развеселил, не то что она...

И еще полчаса прошло, уже почти девять. И не пришел, и не позвонил. Уж лучше бы заранее предупредил, что его не будет! В прошлом году, например, он уходил на мальчишник, только уже после двенадцати. Мог бы и сейчас побыть для галочки. Они ни разу не садились за новогодний стол без Алешки! Неужели вот сейчас придется? Но нельзя же бесконечно так ждать! Наверное, и папа с мамой думают то же самое. Катя с жалостью смотрела на родителей и их неуклюжие старания развлечь гостя и еще потянуть время.

Ну, пусть он на нее, Катю, обиделся, или пусть ему важнее всего интрижка или работа – но как он может с родителями так поступать?! Портить им праздник! Они ведь уже совсем немолодые. Она как будто только сейчас увидела совершенно седую голову папы и глубокие морщинки у мамы вокруг губ и глаз. Они поженились поздно, уже за тридцать, у многих их ровесников уже внуки есть, такие же, как Алешка и Катя...

Катя вышла в Арчину комнату и мужественно позвонила брату на мобильник. Если дело в ней и ее грубости, она готова даже извиниться, лишь бы он поскорей пришел, и все стало как всегда. Но абонент не отвечал или был временно отключен от станции. Она не сдалась и послала эсмэску: подключится – прочитает.

– Ну, четверо одного не ждут – с Новым годом! – заявил Дед Мороз, заходя в комнату с мешком подарков.

Общество оживилось. Бессменным Дедом Морозом последние восемнадцать лет был Алексей Иванович – в самом начале этой карьеры ему сшили особенный красный наряд, украшенный ватой и серебряными звездами, и такую же шапку, и такой же мешок. Правда, стихов и песен он не говорил и не пел – этим прежде, когда дети были еще маленькие, занималась мама-Снегурочка – а его актерского дара хватало на то, чтобы от души сказать «с Новым годом!» и одарить всех из мешка. Причем мешок был самый что ни на есть сказочный, и подарки в него попадали явно по волшебству – вынимая их, Дед Мороз иногда неподдельно удивлялся и с интересом их разглядывал, а иногда не знал, кому отдать, и ему подсказывала Снегурочка.

По старой традиции, получая подарок, следовало выполнить дедморозово задание и проскакать на одной ножке вокруг елки, или пролезть на четвереньках под столом, или помяукать, или покукарекать. Никита сначала великодушно подыгрывал Деду Морозу – уж если серьезный-пресерьезный дядя Алексей надел в этот день красный колпак, значит, и правда не грех расслабиться – а потом с удовольствием дурачился вместе со всеми, чего никак от себя не ожидал.

– Это раскраски, что ли? – не понял Дед Мороз, вручая честно помяукавшей Кате какой-то альбомчик.

– Ну что ты, папа, какие еще раскраски! – Катя со смехом листала странички. – А еще Дед Мороз! Это же 3D-картинки, с Гарри Поттером, объемные такие – вот смотри...

– А другие подарки? – напомнила мама, уже не Снегурочка, но Дед Мороз ее послушался, не без сожаления оторвался от альбомчика и продолжал раздачу.

Бывшей Снегурочке подарили красивый настенный календарь со всякими кулинарными рецептами, Никите досталась головоломка в виде красивой многоконечной звезды – он ее тут же разобрал, а собрать уже не смог; еще одну, в виде брелока, без слов отложили на подоконник. А последним Дед Мороз вытащил... новенький колпачок для Деда Мороза.

– Или для Санта Клауса? – усомнился он.

– Какая разница, главное – новый, – подбодрила Катя, – надевай! Тебя давно пора модернизировать.

Все развеселились, Перехватовы – немного, а Никита – как следует, и, продолжая разглядывать подарки, наконец уселись за стол – Дед Мороз прямо в своей новой шапке.

Глава 13

– Кто там?

– Свои!

– Свои в такую погоду дома сидят, телевизор смотрят!

(М/ф «Каникулы в Простоквашино»)

Громкий троекратный стук в дверь поверг семью в недоумение. Замер звон посуды, опустились вилки, все притихли и переглянулись вопросительно. Если бы Алешка, то у него ключи есть, и звонок вообще-то работает. Кто может так дубасить?

– А дверь у нас заперта? – страшным шепотом спросила Катя.

Комната с праздничным столом была нараспашку, чтобы видеть елочку, стоящую в прихожей, и все дружно посмотрели туда, на входную дверь. Стук повторился – громкий, раздельный, настойчивый, явно кулаком. Алексей Иванович начал приподниматься, но тут дверь медленно раскрылась – сама!

На пороге стоял... Дед Мороз. В маске, в таком же сантаклаусовском колпаке, как у Алексея Ивановича, и почему-то в длинной шубе Веры Васильевны, с лыжной палкой вместо посоха. Все, ничего не понимая, не сводили с него глаз.

– С Новым годом! – весело заорал Дед Мороз, вздевая посох и нарушая немую сцену. – С годом Собаки!

И раскрыл мешок – а у него был и мешок! – из которого выскочил с обиженным лаем, отряхиваясь, изумленный встрепанный Арчи.

Арчи кинулся к Кате, а Катя и Вера Васильевна – к Деду Морозу, и с возгласами «Алешенька!» и «Алекс пришел!» начали его обнимать и целовать. Как будто он с Луны вернулся. Никита почувствовал укол ревности, и Алексей Иванович проговорил с ноткой удивления и неподдельной обиды:

– Я столько лет в дедморозах, а меня ни разу так не встречали! Даже с подарками.

– И ты Дед Мороз? – радостно повернулся к нему Алешка, принимавший поцелуи и объятия как должное. – И я Дед Мороз! А говорили, в этот раз Деда Мороза не будет – я и повелся, представляешь! Решил скомпенсировать.

– Кто говорил?

– Какая разница, не будем показывать пальцем... А я тоже с подарками! Сейчас вы у меня покукарекаете!

Дедов Морозов много не бывает, и второй мешок приняли на ура. В нем оказались маски собак разных мастей – их хватило на всех – и хлопущки. Вера Васильевна велела дальше не ходить и палить из них здесь же, в Арчиной комнате – «а то конфетти в ковер набьется». Никита с улыбкой узнал в этих словах свою маму – все-таки она и тетя Вера были родными сестрами.

Хлопушки оказались с сюрпризами – вместе с фонтаном конфетти вылетали оранжевые пластмассовые фигурки, и их подбирали, ползая под елкой.

– Это не просто фигурки, – Катя сделала большие глаза, – это предсказания на следующий год, кому что выпадет!

Вере Васильевне досталась птичка.

– Летать тебе из института домой и обратно! – напроорочила Катя.

– Я и так летаю, – отозвалась Вера Васильевна, – в две смены. А может, на море летом удастся слетать, а?

Алексей Иванович поднял маленькую машинку.

– Наша «десятка»! – влез Алешка. – Чинить – не перечинить!
– Но Катя его строго перебила:

– Ничего подобного! Это мы наоборот весь год будем ездить и не ломаться!

– А вместо сердца – пламенный мотор, – развила и дополнила предсказание мама. – Сердце не будет барахлить.

– А это – знак того, что ты весь год будешь к нам приезжать! – постановила Катя, увидев у Никиты паровозик.

Никита с надеждой взглянул на нее, его захлестнула небывалая волна радости – но Катя была уже на другом конце комнаты и доставала свой сюрприз:

– Ах, вот куда улетел, под кресло... Смотрите, бабочка! Это, наверное, будет хорошее лето!

– ...Крыльшками бяк-бяк-бяк-бяк! – пропел Алешка и выстрелил своей хлопушкой.

Когда осели конфетти, Катя сняла застрявшую в еловой ветке белочку – и затруднилась с прогнозом. Что может значить белка: прыжки? запасы на зиму? Но Алексей вдруг просиял, схватил фигурку с криком «я сам знаю!» – и от полноты чувств закружил Катю по комнате.

– А что это елка не горит? У нас же гирлянда новая! А вы ее хоть покружили? Нет? Да вы что?!

И молодежь азартно начала переключать все семь режимов, в которых плясали огоньки – и бешено-дискотечный, и ровный спокойный, и бегущие, и мерцающие. А потом запустили моторчик, давнее изделие Алексея Ивановича, и елочка начала плавно кружиться – Никита только слышал о танцующей перехватовской елке, и вот наконец увидел ее. Правда, здорово! И вообще все здорово!

А Алешка со вкусом рассказывал, как ему удалось, проникнув в прихожую, вытащить незаметно мамину шубу для своего маскарада, и приманить Арчи, и, коварно обманув его доверие, засунуть в мешок – то есть пакет, очень крепкий, припасенный заранее. А где он шлялся и почему заставил себя ждать, Алешка не рассказывал – да его и не спрашивали.

Потом они все так же увлеченно рассматривали Катин волшебный альбомчик, по очереди поднося картинки к носу и, медленно отодвигая, старались добиться особого размытого взгляда и увидеть, что же прячет обычный рисунок. Алешка поддразнивал, что Катя на самом деле ничего не видит и только притворяется, и

они договорились посмотреть по очереди, а потом одновременно сказать вслух, кто что увидел, и Катя в полном молчании громко выкрикнула: «Змея!» – и все покатались со смеху. Но это получилось необходимо – Алешка сегодня совсем не выпендривался и с удовольствием забавлялся с младшими, в том числе с Никитой.

А Перехватовы-старшие иронически переглядывались, наблюдая, как играют большие дети в собачьих масках, сдвинутых на макушки, а потом уплетают салат оливье и чистят мандарины.

– Я еще сомневалась, – шептала Вера Васильевна, – надо ли делать оливье – такой вроде избитый вариант. И хорошо, что решила совет держать с Катюшкой. А она: как это без оливье? Да как без мандаринов? Да как без Деда Мороза? Что это будет за Новый год? А мы-то с тобой уж было собирались всё упроднить! Я думала, это уже смешно – с Дедом Морозом! А оказывается, Дед Мороз, ну, то есть, мы с тобой, еще нужны!

Глава 14

А нюх как у соба-ба-ки, а глаз как у орла!
(М/ф «По следам бременских музыкантов»)

Когда торжественно пробило двенадцать, Катя перевела дух: непросто на каждый удар загадать по желанию. Каждый год она заранее готовится, и каждый год сбивается! Вроде и куранты бьют с расстановкой, и половина желаний всегда одна и та же: чтобы все в семье были здоровы, чтобы в школе не было неприятностей, чтобы летом куда-нибудь поехать – и всё равно! Иногда разволнуешься – не загадать бы какую-нибудь второстепенную ерунду, пропустив из-за нее что-то важное – и собьешься, и пропустишь один удар, а уж после этого начнешь городить, что попало.

А сейчас она сбилась, потому что вдруг вспомнила об Алешке – и пожелала, чтобы все его проблемы, особенно старуха, рассосались. Значит, одно из собственных желаний пропало! Катя при-

кинула, какое именно – неужели о личной жизни? Ведь ей совсем скоро исполняется шестнадцать, должна же у нее появиться личная жизнь! Ее даже в кино пока никто не приглашал. Нет, теперь из-за Алешки все испорчено! Да стоит ли он таких жертв?!

– А теперь – гулять! – объявил неумолимый Алешка. – А то «Голубой огонек» сейчас начнется. Спасайся кто может.

Никита вытаращил глаза: уже и торт доели, и чаю напились, и так хорошо, тепло и лениво было сидеть у телевизора. Дома они обычно так и сидят, пока спать не захочется. Чего еще Алешка выдумал? Куда можно переться в непроглядную ночь?

– На площадь, к елке, – объяснила Катя, бодро натягивая свою серую кроличью шубку. – Мы всегда там гуляем на Новый год!

Они с Алешкой начали наперебой вспоминать, как не изменили обычаю и в мороз градусов под тридцать, и как один раз, когда все растаяло, все равно почти вплавь добирались до городской елки, стоявшей в луже. А сейчас нормальная погода, как на заказ – ни дождя, ни метели.

Еще не веря, что сейчас окажется в темноте и холоде, ошеломленный Никита полез на вешалку за курткой и меховой сибирской шапкой. Алешка, как всегда, выскочил, не застегнувшись и с непокрытой головой, а родители собирались медленно и сказали, чтобы их не ждать, и что они догонят.

Но на улице Никита воспрянул – там оказалось полно народу! Прямо по проезжей части, где в этот час не было ни одного автомобиля, к площади направлялись целые компании, со смехом, шампанским и бенгальскими огнями. Человек пять в красных колпачках высыпали из соседнего двора, распевая «Кабы не было зимы». Среди не совсем стройного хора выделялся красивый женский голос – Катя прислушалась и, узнав, радостно окликнула:

– Ирина Владимировна! Это моя учительница музыки, та самая, – затормошила она Никиту, показывая на эффектную молодую женщину в ярко-оранжевой шубке.

– Катюша! – тоже обрадовалась та. – Я тебя сразу узнала. Вы на площадь, к елке? Пойдемте с нами! А папа с мамой где? Догоняют? А мы с друзьями отмечаем этот Новый год в кафе «Три пе-

скаря», нас там и накормили, и развеселили, и мы вот решили выйти прогуляться. Правда, не все – самые отъявленные домоседы, включая моего мужа, остались в тепле... А ты ведь уже в десятом классе? И уже решила, куда будешь дальше поступать? А как ваш чудесный пудель поживает? А это твой кузен? Алеша говорил, что у вас гость из Моршанска...

Она взяла Катю под руку и, задавая вопросы и слушая ответы, одновременно рассказывала своим спутникам, что это ее бывшая, самая способная ученица, очень тонко чувствующая музыку.

– Какую историю к пьесе «Горе куклы» сочинила! Целый роман! И с картинками! Представляете, к рядовой пьеске из сборника упражнений, которую все остальные просто тупо барабанили, не проникаясь никаким горем!

Никита чутко вслушивался – не смеется ли она над Катей, может, перебрала новогоднего шампанского – уж слишком не вязались эти восторги с собственно Катиным скептическим отношением к своим музыкальным дарованиям. Но красивый и совершенно не фальшивый голос красивой дамы не оставлял сомнений в ее искренности: она явно была из тех, кто не станет говорить того, чего не думает.

А Катя тоже диву давалась, только по другому поводу. Как мог Алешка что-то ей говорить? И когда? Она, например, практически не встречалась с бывшей учительницей все эти годы – та, выйдя замуж, жила далеко, за городом, в Сосновом Бору, где у них дача. А Алешка и вообще почти ее не знает...

Ирина Владимировна охотно продолжала разговаривать с Катей, причем совсем как со взрослой, без снисходительности и дешевого сюсюканья. И постепенно, слово за слово, начало проясняться, что она и есть та самая «начальница», владелица Алешкиного рекламного листка. Точно, говорили ведь родители, что она какой-то бизнес свой открыла – наверное, это самое и есть... Катя запоздало и торопливо согласилась, что, кажется, «Белогорские вести» действительно похожи на газету, ну то есть это газета и есть – не может же ее любимая Ирина Владимировна, всегда такая горячая, творческая, ерундой заниматься.

Одновременно Катя ругала себя за легкомыслие и непростительное ротозейство: давно могла бы сообразить! Алешка столько пытался рассказывать о своей работе, прямо лез, даже расспрашивать не надо было. А она отмахивалась, затыкала уши! Правда, у него раньше были и другие подработки, с какой стати во всё вникать – но это отговорки! Надо, выходит, вникать, чтобы потом не попасть в такие ситуации...

Ирина Владимировна предложила спеть «В лесу родилась елочка», потому что слова все знают, и хор вступил на площадь с песней. Там то и дело слышалось «с Новым годом!» – народ толпился вокруг нарядной конусообразной елки, поздравляя всех подряд, знакомых и незнакомых.

Но Катя, не обращая внимания на веселящихся, то и дело взглядывала на брата, который воодушевленно, на полном серьезе распевал детскую песенку, стараясь протолкнуться поближе к Ирине Владимировне, и, не замечая никого вокруг, не сводил с нее восторженных глаз.

– Я все сделал, я проследил, и типография не подпортила, и распространители успели, разнесли – я проверил! – говорил ей он в паузе между песнями и чуть ли не забегал вперед, заглядывая в лицо.

– Да, Алеша, спасибо, я знаю, ты же звонил, – немного удивленно отвечала Ирина Владимировна. – Да ты отдыхай, наконец, хватит о работе!

И, как только что Катю, принялась расхваливать своим друзьям Алешку, работника на все руки, которому цены нет, такого же одержимца, как и она сама, готового жертвовать для дела выходными и праздниками – друзья с легкой иронией кивали. Потом вспомнила:

– А в парке, говорят, ледяные горки сделали – пойдете, покатаемся! Вот только у меня подковки специальные, чтобы не скользить...

– Горки? Класс! Пойдемте! – снова вклинился Алешка, буквально наступая на пятки, и даже Катя, давно привыкшая к его гиперактивности, досадливо удивилась: это уже перебор, нельзя же так лезть. Еще подумают, что напился...

На шаг обогнав компанию, Ирина Владимировна и Катя рас-

сказывали Никите, что после часа ночи на площади будет играть городской духовой оркестр, и если они еще не замерзнут, то обязательно вернуться послушать.

А когда подошли к горкам – их было три, разной высоты, с деревянными лесенками и снежным накатанным спуском – навстречу уже летел сияющий Алешка с огромной картонной коробкой из-под телевизора. Добыл, наверное, где-нибудь у магазина. Он положил трофей у ног Ирины Владимировны, захлеб объясняя, что теперь подковки не помеха и что так кататься гораздо лучше и, главное, безопаснее, чем просто на ногах. Веселая компания начала подшучивать, что Ирина неплохо устроилась с таким подчиненным, готовым на всё не только для дела, но и лично для нее – но Перехватова-младшего это ничуть не смутило, а смутило, скорее, саму Ирину Владимировну, посмотревшую на него как-то озадаченно.

Тем не менее все полезли на самую высокую горку. Дам погрузили в коробку, мужчины ухватились за картонные борта – и понеслись с визгом и хохотом. В конце длинного ледяного раската коробку занесло, она повалилась набок вместе с седоками и прицепом, и получилась куча мала. Бывшая учительница, выбравшись из сугроба, заботливо отряхнула Катину серую шубку, а Катя, сняв перчатку, осторожно погладила краешек ее нежно-пушистого оранжевого рукава.

– Нравится? И мне так нравится! – поделилась Ирина. – Это крашенная белочка, я, когда ее увидела, сразу поняла – беру!

Она увлеченно продолжала сообщать, что шубка двухсторонняя, и можно, вывернув, превратить ее в строгую, темно-серую, отправив нарядный вариант на изнанку – а потрясенная Катя всё сидела в снегу.

Она оказалась тем самым жирафом, до которого дошло только сейчас. Оранжевая белочка из хлопущки, сияющее Алешкино лицо, его бестолковая навязчивость! Она никогда в жизни не видела брата смешным – до сих пор! Увлеченным, расстроенным, ехидным, злым, каким угодно – но не в таком бездарно-глупом виде. Он, прирожденный зубоскал, всегда надо всеми потешающийся, и с таким треском провалился сквозь свой пьедестал – просто клоун какой-то!

Выходит, злодейка-старуха, которая загребла молоденького дурачка, – ее Ирина Владимировна?!

В Катиной голове этот абсурд не умещался. Во-первых, эта стильная, необычная, талантливая женщина – никакая не злодейка и совсем не старуха. А что во-вторых, уже не было возможности обдумать, потому что компания бывшей музыкантши собиралась возвращаться в свое кафе, а Алешка всё не отлипал и смотрел на начальницу преданными глазами:

– Если что-то нужно, подежурить или что, ты скажи...

– Ничего не нужно, – все еще с удивлением и почти раздраженно втолковывала редактор «Белогорских вестей». – Рекламода-тели теперь только через неделю проснутся, каникулы до десятого! Я же говорила!

Но он продолжал мельтешить:

– Если буду нужен, звони.

– Алеша, ты не будешь нужен! – уже резко отвечала Ирина под благодушный хохот своих друзей, не зная, как от него отделаться и в то же время стараясь не сорваться и не испортить мальчишке настроение в Новый год. – Отдыхай, пожалуйста, сдавай спокойно сессию...

Катя тянула брата за рукав, но он не обращал на нее внимания и позорно продолжал приставать:

– Я тогда провожу! До кафе.

Новый взрыв хохота. Катя подумала, что сейчас расплатится.

– Да зачем же! – вконец изумилась Ирина Владимировна. – Мы впятером, это совершенно ни к чему. Возвращайтесь на площадь, вас там родители, наверное, обыскались. – И пошла почти бегом, не оборачиваясь, даже не кивнув Кате – она была вынуждена просто сбегать!

Но Алешка выдернул свой рукав и помчался следом.

Катя и Никита остались одни. Рассказывать двоюродному брату об Алешкиных сердечных проблемах Катя и раньше не считала нужным, раз уж родители и ее не посвящают – а теперь и по-давно замолчала, сдвинув брови. Пусть сам соображает, что к чему. А не сообразит – еще лучше.

Они поискали родителей на площади, не нашли и, немного послушав оркестр и подмерзнув, сообщили домой по мобильнику, что возвращаются.

Родители к их приходу уже спали.

– Они о нас не стали беспокоиться, потому что думают, мы с Алешкой – значит, всё в порядке, – саркастически пояснила Катя.

Никита никаких вопросов не задавал – он был слишком увлечен этой волшебной ночью, необычной прогулкой, лихим катанием – и сразу рухнул спать.

Глава 15

Эй ты, птичка, летим со мной, там столько вкусно!..

(М/ф «Крылья, ноги и хвосты»)

Новый год и новый день, словно чистая страница – свежий снег устелил безлюдный двор, запорошив все прошлогодние следы и мусор от петард, фейерверков и хлопушек.

Катя посидела на подоконнике, глядя в пустой двор и проникаясь необычным безмолвием, бывающим только раз в году: спит весь город и каждая квартира, и магазины, и машины, и автобусы – исчез весь фоновый шум, обычно наполняющий жизнь. Как жаль, что эта пауза такая недолгая: кажется, продлись она еще немного, и само собой станет ясно, как жить в этом обновленном мире, чтобы все было правильно, всем было хорошо, чтобы никого не обижать и не повторять старых ошибок...

Но вот уже совсем скоро проедет по чистому снежку первая машина, потом протопает первый пешеход, откроется супермаркет на площади, потянутся к нему те, кто всё ударно съел и оголодал – и жизнь, всё та же самая, опять закрутится, как раньше.

А может, это и неплохо! Например, десять дней каникул и еще не съеденные сладости – не такая уж эта жизнь и плохая, пусть продолжается.

На подоконнике было холодно, Катя с него сползла и, стараясь не нарушать тишину – кроме нее, все спят, даже Арчи не слышно – вышла из комнаты.

Никита сидел в кресле рядом с елкой и собирал свою головоломку. Шесть красных зубчатых деталек никак не удавалось соединить в звезду.

– Ты уже не спишь! – зашептала Катя. – А я-то думала, что раньше всех проснулась! Я обычно просыпаюсь раньше всех в новом году. Ну, что там, под елкой? Ты что, до сих пор под елку не посмотрел?!

Она махнула рукой, чтобы Никита отодвинулся вместе с креслом – под елкой оказались три нарядных пакета с конфетами, и один, большой – с собачьим кормом, тоже праздничный – на уголок нацеплена бумажная снежинка.

– Еще подарки? – изумился Никита.

– Ну да. Бери любой. Они все одинаковые, кроме Арчиного. Можешь поверить на слово, мы много раз проверяли. Мы с Алешкой, когда маленькие были, всегда всё высыпали, пересчитывали и сравнивали – а он тем временем успевал что-нибудь стибрить из моей кучи, я только потом поняла... Иди сюда, собаченька, сейчас я тебя покормлю подарочным «Чаппи»... Как же без подарков под елкой? Дети всегда раньше просыпаются, и их надо нейтрализовать, чтобы дали поспать взрослым, – втолковывала Катя. – Для этого по телевизору показывают мультики, а под елку кладут мешки с конфетами. Если дети начали шуметь – значит, конфеты уже кончились.

Но Вера Васильевна поднялась раньше, чем закончились конфеты. Катя и Никита только-только расправились с «Мишками», «Аленками» и «Красными Шапочками» – есть конфеты полагалось по старшинству, сначала шоколадные. Впрочем, карамелек в подарках почти не было, только любимые Алешкины «Раковые шейки».

Увидев маму, Катя живо вспомнила вчерашние события и свою поразительную догадку и бросилась за ней на кухню – уяснить.

– Мама! – заговорила она напрямик. – Та старуха... та женщина, в которую влюбился Алешка, – Ирина Владимировна?

Вера Васильевна, еще расслабленная после сна, около ми-

нуты думала, действительно ли она проснулась, после чего открыла холодильник и начала его изучать.

– Салаты съели. Как хорошо! Терпеть не могу недоеденных салатов. Доедать их не хочется, а выкидывать жалко... А вот торта немного осталось. Может, хочешь кусочек на завтрак? И Никиту спроси. Или вы оба с конфет начали?

– Мама, – грозно продолжала Катя – она не позволит уйти от ответа! – Мы вчера встретились с Ириной Владимировной, моей бывшей учительницей музыки, и Алешка вел себя, как идиот.

– А мы ходили-ходили вокруг елки, уже и оркестр начал играть, а вас все нет. У Арчи лапки замерзли, мы и ушли.

– Мама! – Катя не даст себя отвлечь никакими лапками! – Над ним все смеялись, а Ирина злилась!

– Знаешь что? Поставь-ка чайник.

– Потом он бросил нас с Никитой и убежал за ней!

– Папа мечтал о домашних пельменях. Сейчас позавтракаем и налепим. Думаю, все будут рады поесть. Мне – тесто, тебе – мясорубка, а лепить будем вместе.

– Я ведь это не к тому, чтобы на него пожаловаться! Я хочу знать, что происходит!

– ...а для начала надо помыть полы. Это тебе ответственное поручение. Везде конфетти, серпантин, дождик, и вон еще что-то сладкое растоптали...

Катя пулей вылетела из кухни, до глубины души оскорбленная тем, что с ней не желают говорить о ее собственном, родном брате. Как будто она пристаёт с простым любопытством! Как будто не ясно, что если это не пошлые шуры-муры – значит, трагедия! Ведь Алешкин выбор – более чем достойный, но и более чем смелый – обрекает его на игру в одни ворота! Ведь непохоже, чтобы ему отвечали взаимностью! А он сам этого не видит, в отличие от всех остальных! Ему же сейчас поддержка нужна!

И ее это не касается?!

Только какая поддержка? Они же взрослые, у них больше опыта в этих делах, они должны подсказать!

Еще поручениями грузят какими-то!

– Не надо мне никаких пельменей и никаких полов! Я весь день буду есть только конфеты!

Глава 16

...Поговорил бы кто со мной!

(М/ф «Летучий корабль»)

– Пойдем отсюда! Быстро! – хватая шубку, скомандовала Катя Никите, и уже на улице, начиная остывать, подумала, что это, наверное, некрасиво: с какой стати она говорит с двоюродным братом таким приказным тоном, можно же обидеть человека – но тут же сказала себе, что ведь Никита мог дать отпор и не послушаться, он же не робот. А раз не возразил – значит, все в порядке.

То, что сама она нуждается в Никите, как в пластыре на рану, нимало Катю не смутило. Не хватало еще одной замерзать на улице! И вообще, она не весь Белогорск ему показала.

– Вот это Сосновый Бор, – продолжила она прошлогоднюю экскурсию. До Соснового Бора обычным шагом было идти минут сорок – они же домчались за двадцать. Зато Катя казалась уже не такой взвинченной. – Здесь своя школа есть – видишь, а многие в нашу гимназию ходят в такую даль, вроде Зоиного Сережки... Если идти по этой улице до конца, можно добраться до нашей дачи. Да ты и сам, наверное, узнал, мы же здесь всегда проезжали. Я на всякий случай напостила – зимой всё другое...

Никита неопределенно кивнул – всё было другим настолько, что он не узнавал ничего. Улица со спящими коттеджами и деревенскими домами – маленьким из красного кирпича, двухэтажным с большими окнами и золотым корабликом на крыше, деревянным теремом в сплошной резьбе – уходила вдаль и там перетекала в дачный поселок, где под сугробами будто бы обитало его необыкновенное лето. Увидит ли он его еще когда-нибудь, как Катя – свой столик со скамеечкой? Да было ли оно на самом деле, кроме как в его голове?!

Никита попробовал смотреть по верхушкам сосен – они одни не изменились – но все равно ничего не выходило.

Что ж, тогда просто к летней картинке прибавится зимняя...

– А в той стороне – причал и пляж. Пошли к озеру, по льду походим! А вон, гляди, рыбаки у проруби, вылезли уже! Или они Новый год прямо здесь встречали? Хотя ведь и мы уже вылезли...

Увидев, что Катя повеселела, Никита облегченно вздохнул: когда она с криком вылетела из кухни, злая, красная, он испугался, что сейчас тетя Вера за ней погонится и выйдет скандал. Потому и выскочил следом на улицу без раздумий и без расспросов – какие могут быть расспросы, если у человека слезы на глазах. Понятно, дело не в том, что она не хочет мыть полы или еще там что-то делать – у Перехватовых, видимо, что-нибудь серьезное произошло. Заочет – сама расскажет.

Но Катя, по пути к озеру, лишь задала риторический вопрос:

– Ну почему мы в одном доме живем, как на разных островах? Ведь только что было так хорошо! Неужели можно чувствовать себя одной семьей только по праздникам? Вот читаешь, как Наташа Ростова с мамой шепчется – прямо завидно! И никто ее маленькой в шестнадцать лет не считает!

– А наши сироты ни с кем не шепчутся – и ничего, не умирают, – примирительно сказал Никита, напоминая об их летнем разговоре и книжных героях, надерганных для примера, – сами со всем справляются, и неплохо.

– Но мы-то не сироты, – резонно ответила Катя. – У нас есть родители, и почему бы им не разговаривать с нами по-человечески? Ты еще какую-нибудь мамашу-монстра припомни, вроде Марьи Алексеевны, тиранящей Веру Павловну – тогда своя жизнь сразу медом покажется. Вы что, эпохальный роман «Что делать?» не проходили? – заметила она недоуменный взгляд брата. – Нам из Чернышевского отрывки задавали для общего развития, а я увлеклась и целиком прочитала. Ну, неважно. Вот с тобой родители откровенны? Или тоже закрываются и втихаря всё обсуждают?

– Да нам особенно и откровенничать не о чем, – пожал плечами Никита. – И проблем вроде нет никаких. Катя, да мне чем

меньше лезут, тем лучше, – поделился он искренне. – Ну, какие такие дела можно обсуждать с родителями? Бытовые какие-нибудь – на что потратить, на чем сэкономить – так конечно, они сами всё это решают, да мне это и неинтересно. Я же пока денег не зарабатываю, чего меня привлекать.

Катя подивилась, что кому-то островное существование может, наоборот, казаться идеальным, и как будто успокоилась. С другого угла зрения чудовищная проблема была не такой уж и чудовищной.

Они сбежали с берега и зашагали по озеру, накрепко замерзшему, но не гладкому и скользкому, как каток, а неровному, бугристому – должно быть, мороз застиг живую воду врасплох, и она застыла, как была, волнами. Блуждали уже больше часа, а холодно не было, даже ноги не мерзли, и яркое солнце, все выше встающее над озером, заметно пригревало.

– Гляди-ка, весна начинается!

Катя присела на корточки, заглядывая в снежную пещерку, образованную с солнечной стороны нанесенного ветром сугробика – там были сосулечные сталактиты и сталагмиты, и с них звонко-презвонко срывались частые капли.

– И правильно начинается! – одобрил Никита. – Весна и должна начинаться сразу после Нового года, потому что зима уже ни к чему. А что, если идти дальше, то и до того берега можно добраться – лед выдержит?

– Конечно. Два часа туда, два обратно. А ориентир на обратный путь – вон та сосна с раздвоенной макушкой.

Никита не мог понять, всерьез она или все-таки шутит, пока Катя не засмеялась:

– Мы с папой и Алешкой правда ходили один раз, мы еще маленькие были. Это у нас называлось поход. Дошли примерно до сюда, а лед был не такой надежный, кое-где совсем тонкий. Мы с Алешкой прыгали, как самые умные, и провалились, и набрали воды в сапоги. А холодно было, не то что сейчас!

– И что? Напугались?

– Да нет, не успели, наоборот интересно было – приключе-

ние! Мы даже не заболели. Папа заставлял нас бежать всю дорогу, чтобы не замерзли, мы и неслись наперегонки.

– А тетя Вера? – заинтересованно спросил Никита, но Катя, снова вспомнив утренний диалог о фоме и ерёме, переменяла тему:

– Нам пора. А на другой берег, может, доберемся когда-нибудь. Там есть волшебный черный камень, исполняющий желания, но родители в него не верят, и мы туда еще не ездили. – И вспомнила о своем загаданном желании, туманной личной жизни и загадочном Isa.

И Никита одновременно подумал, что вот сейчас они вернутся, и Катя опять полезет в свой чат.

Глава 17

Я смогу! Я докажу! Я покажу!

Обо мне узнают. Обо мне заговорят!...

(М/ф «Возвращение блудного попугая»)

Они все вместе лепили пельмени, и тетя Вера расспрашивала племянника, чем отличаются ее пельмени от настоящих сибирских – Никита с родителями, кроме Казахстана и Калмыкии, долгое время жил в Сибири, и передавала, что сказала его мама, – она звонила, когда Никита и Катя ушли гулять. Так это выглядело – их встретили, словно они вернулись с обычной прогулки, без всяких напоминаний об утренней сцене.

– Мама еще спрашивала об обратных билетах, и не хочешь ли ты вернуться домой пораньше...

– Конечно, нет! – засмеялся Никита. – Чего я там не видел? Мне всё кажется, что я и так уже дома, и что вы и есть моя мама.

– А мы тебя раньше и не отпустим никуда! – заявила Катя и, улыбаясь, перевела взгляд на мать – трудно представить большой комплимент хозяйке дома, – но та в первый момент выглядела до-

вольно оторопело, а потом с преувеличенным восторгом начала расписывать «Аиду», которую они завтра поедут слушать.

Никита, только успокоившийся, что не будет никаких нудных разборок из-за их скандального бегства, на информацию об опереотреагировал с легкой тревогой, которую заметила только Катя.

– Ничего, опера – это не смертельно, – утешила она. – Хотя на мой вкус балет гораздо лучше – но мама, конечно, со мной не согласится. И потом, представления сейчас делают недлинные, по четыре часа публику никто не морит, обычно два, три – максимум. С антрактом и буфетом. А еще в этой постановке, я читала, будут какие-то фантастические декорации – там же в Древнем Египте все происходит...

Катя и пельмени лепила, слушая плеер, но еле слышный писк из ее наушников показался Никите незнакомым, и он справился:

– Это не «Корни»?

– Это Рахманинов. – Катя вытерла руку и поделилась с ним одним наушником. – Вот слушай. Я одну музыку ищу. Я ее давным-давно случайно услышала, по радио. Обедала дома одна, и концерт по заявкам играли, а что объявили, я пропустила – и вдруг такая музыка! Я хоть и маленькая была, но тогда уже много всего слышала, а такой – никогда. Это была сама жизнь, и там была весна, и я все так ясно видела – бурлящие ручьи, птиц, звонкие капли, солнце просто ослепительное. Со мной как будто разговаривали на моем языке! Я сразу поняла, что вся музыка, которую я до сих пор слышала, была условной и искусственной, и я с ней просто соглашалась из вежливости...

Вера Васильевна, отходившая в это время к телефону – знакомые, не успевшие вчера поздравить с Новым годом, делали это сейчас, – остановилась в коридорчике и слушала с недоумением, переходящим в обиду. Она и не знала об этой истории, уже такой давней! Дочка с ней никогда не делилась. А для нее это так важно, по ее же словам! А она-то думала, что знает о Кате всё: с кем дружит, что читает, о чем мечтает... Ну, совсем уж всего знать, конечно, нельзя – но так хочется верить, что знаешь о своем ребенке хотя бы самое

главное! Неожиданная обида возросла, когда Катя сказала Никите, что доверила свою тайну учительнице музыки.

– Ирина, – она называла ее уже укороченно, – вычислила, что это Рахманинов, и играла мне разные кусочки, и многое было похоже, но не то же самое. А я так хотела бы опять услышать то! Я до сих пор покупаю разные записи. И сегодня, после пещерки с весной, опять так захотелось услышать ту музыку! Эта кассета про запас лежала...

– И что, это – то?

– Нет, опять нет.

– А может, ты ее не узнала, ту музыку? – усомнился Никита. – Слушала – но не узнала. Может, в записи, или в другом исполнении, и под другое настроение она просто не так звучала? Такое тоже может быть. И потом, ты ведь хочешь, чтобы повторилась не музыка, а то твое впечатление – а такое редко получается, почти никогда... – И остановился, сам вслушиваясь в то, что сказал.

Конечно, невозможно, чтобы то, что было, повторялось в точности! Выходит, и он, со своим необыкновенным летом, гоняется за иллюзиями? Что ж, упрямо подумал Никита, это его иллюзии, и они ему дороги, и они ничем не хуже чьих-то других.

– Все равно, – упрямо сказала Катя, – я же еще не всё переслушала. Вот всё переслушаю – и обязательно найду!

Никита посмотрел через открытую дверь на свою подарочную головоломку, которая так и лежала разобранной. Превратить ее в звезду пока не удавалось, но он почему-то знал, что должен это сделать, так же, как Катя – найти свою музыку. Но не до того же он расклеился, что загадал под это какое-нибудь желание? Новый год вообще провоцирует на подобную чушь... Хотя, если получится собрать, может быть, оно сбудется?

На кухню вошел Алексей, который то ли только что проснулся, то ли сидел все время у себя, не желая выходить. Молча кивнул. Катя настороженно следила за старшим братом. От его вчерашней оживленности не осталось и следа. Переживает, что его так занесло! Или что-то похуже? Неужели она не выдержала и прогнала его? Конечно, если он так цеплялся... Катя перестала лепить и с надеждой смо-

трела на Алешку – может, он все-таки просто устал? может, все-таки появится обычная ехидная улыбочка? Сейчас скажет какую-нибудь дежурную гадость для поднятия настроения, вроде «работайте, негры, солнце еще высоко!». Но Алексей ничего не сказал, и на еду посмотрел с сомнением: вроде надо поесть, а не хочется.

Прибежал Арчи клянуть фарш, Катя обрадовалась – пудель подсказал тему – и начала рассказывать Никите, как они покупали Арчи, а помогала им все та же Ирина, у которой были знакомые в московском клубе декоративного собаководства, и как они выбирали щенка, и как везли, и как имя придумывали, и как здорово всё это было...

В Катином повествовании не было никакой нарочитости, но Алексей отбрасывал звуковой ряд и без труда читал в глазах сестры, которые на него чуть ли не выпрыгивали: «Я твой выбор одобряю! Я тоже ее люблю! Она замечательная! Пусть предки говорят что угодно! Я с тобой! Я за тебя! Держись!» Алексей отставил тарелку и вышел из кухни.

Еще вчера это было бы забавно и трогательно! Но сегодня, когда всё рухнуло, когда он сам всё испортил своим гусарским наскоком, когда ему в глаза сказали, что его воспринимают лишь как работника-энтузиаста и недвусмысленно указали, где его место...

Прагматичным умом Перехватов-младший понимал, что это вряд ли теперь удастся выровнять. Без последствий не обойдется – она всерьез рассердилась. Но упрямство пересиливало: что же теперь, взять и сдать? Отсиживаться дома до десятого, как она сказала? Да ни за что! Дня через три надо будет пойти в офис. Столько выходных – это всё лапша на уши. Она сама завтра-послезавтра прибежит на работу! Не такой Ирина человек, чтобы забросить дела так надолго. Тем более после двух неудач – ведь она уже дважды пыталась начинать бизнес, и с редкой стойкостью опять начинала с нуля. На первых порах ей приходилось быть многостаночником: и редактором, и коммерческим директором, и рекламным агентом – и только недавно, когда стало ясно, что она была права, выбрав эту еще не занятую в городе нишу, что городская газета действительно

нужна и становится рентабельной, появились ей в помощь бухгалтер и он, Алеша...

Он придет в офис как можно скорее и всё исправит! И всё пойдет, как всегда. Пусть она теперь знает, что никакой он не трудоголик, а просто влюбленный пацан, – с этим ничего уже не поделаешь. Пусть это вышло так коряво. Пусть это ее рассердило – а может, и рассердило только оттого, что рядом приятели глазами хлопали. Это ему на них наплевать...

Ну, не выгонит же она его! Он ведь в курсе практически всех дел, и компьютерных, и типографских, и распространением тоже он занимается. И прежде всего это он, Алексей, воплотил ее идею, сделав ее видимой и осязаемой. Сколько дизайн продумывал, сколько перебрал вариантов, чтобы предложить читателю издание, которое захочется взять в руки – современного типа, сделанное качественно и со вкусом. Которое не поскорее выбросят, а принесут домой, потом передадут знакомым...

А сколько он делает сверх договора! Сам подбирал людей на доставку, сам придумал систему контроля, чтобы их газета оказывалась не на помойке и не в углу подъездов кучами – а в почтовых ящиках, как положено. Чтобы их издание работало, чтобы белогорцы к нему привыкали!

А сколько еще идей бурлит в голове!

Конечно, Ирина – женщина решительная, и всякие помехи в своей жизни, деловые и любые, привыкла устранять безо всякой сентиментальности. Алеша сам не раз это видел, наверное, потому сейчас было так не по себе. Но он же не помеха, а наоборот! Да без него ей просто не обойтись! Его разве что двумя-тремя работниками можно заменить!

На самом деле он сам плохо представлял, как смог бы обходиться без того, чтобы не видеть каждый день Ирину, с ее шармом, ее жизнелюбием и энергией. Он машинально взял со стола детальки красной звездочки, повертел, собрал – Никита на кухне даже приуспел, – так же машинально разобрал, бросил и пошел к себе. Мама спросила из-под двери:

– Ты к завтрашнему экзамену готовишься?

Мама всегда в курсе его расписания, даже когда он сам не в курсе!

А почему бы, собственно, и нет? Надо же чем-то занять эти дни.

– Готовлюсь к экзамену. Не мешать, – отозвался он строго. – На хозяйстве пусть Катька побудет.

– Я тебе сейчас пельмени прямо сюда принесу! Уже готова первая порция! – с жаром выкрикнула Катя, озадачив маму: та ожидала, что она, наоборот, сейчас возропщет и скажет речь о каникулах и правах человека.

Глава 18

*Послушайте, ворона,
А может быть, собака,
А может быть, корова –
Но тоже хороша...*

(М/ф «Пластелиновая ворона»)

Дальше каникулы просто полетели: Вера Васильевна и Алексей Иванович, проводивший своих японцев, были свободны и каждый день возили куда-нибудь младших. Алешке тем самым создавалась тишина для подготовки к экзаменам, а гостю уделялось наконец должное внимание.

– Зимой кажется, что надо дома сидеть, и что летом ездить и лучше, и проще, – поясняла Катя. – Но это из области иллюзий, мы уже проверяли. А летом будет казаться, что в жару вообще выезжать невозможно, и что на даче куда лучше, а на пляже еще лучше... Так можно всю жизнь дома просидеть! Многие и сидят.

Никита, честно говоря, тоже посидел бы немного дома, уж слишком уютно было у Перехватовых, да и неплохо переварить впечатления, прежде чем набираться следующих. Но остальных такой ритм устраивал, и гонка продолжалась.

Они уже съездили на оперу, в кино на очередного «Гарри Поттера», по настоянию Кати. А по вечерам еще успевали попадать на каток – этим она словно компенсировала оставшиеся вечерние часы, которые проводила в чате со все тем же анонимным Isa. Наутро же снова оказывалось, что труба зовет: наставала очередь городского музея – Благовещенская усадьба под боком, нельзя же не посетить.

Всё это было неплохо, но когда однажды Никита проснулся с мыслью, куда же они отправляются сегодня, и вспомнил, что никуда, то по-настоящему обрадовался.

Но дядя Алексей сказал за завтраком:

– Не будем же мы дома сидеть? В такую погоду...

Сердце у Никиты дрогнуло, а Катя подхватила:

– Конечно, не будем! Что, Никита к нам приехал дома сидеть? Он дома у себя насидится. А пойдемте в парк, смотреть фигуры! Никит, у нас каждый год бывает конкурс снежных фигур, ты это обязательно должен увидеть! Как мы могли забыть? А то в новогоднюю ночь только до ледяных горок добрались...

В парк они отправились втроем, без Веры Васильевны, выходные у которой уже закончились. Самой внушительной была, разумеется, снежная крепость со стенами в два человеческих роста и четырьмя зубчатыми башнями по углам, напоминающими шахматные лады. Она сразу привлекала внимание.

– На Масленицу тут будет битва, – объяснила Катя. – Одна команда внутри, другая осаждает, и все снежками кидаются. Здорово! Разбомбят, с землей сровняют, и не поверишь, что целая крепость была.

– А достоин она до Масленицы?

– Достоит. Видишь, как плотно снег утрамбован. Это фигурки помельче обычно оттепель не выдерживают...

Они оценили высоченных, ярко раскрашенных Деда Мороза и Снегурочку, в свите у которых были такие же расписные мишка, матрешка и скоморох. Дальше вдоль аллеи выстроились уже не раскрашенные, чисто снежные фигуры. Снежная Королева и Снегурочка, отряд пингвинов и белый медведь, огромная голова богатыря из «Руслана и Людмилы», которая потрясла Алексея Ивановича,

очень много сказочных и просто лесных зверушек: Конек-Горбунок, понравившийся Кате, Змей Горыныч с тремя головами и чем-то похожий на него крокодил – от них пришел в восторг Никита.

Перехватовы обошли выставку несколько раз, а потом заметили на самом краю аллеи еще одну снежную фигуру – ее доделывали, прилепляя что-то к голове.

– А там что? – всмотрелся Алексей Иванович. – Собака на задних лапах?

– Какая же это собака? – возразила Катя. – На зайца похоже, по-моему.

– Такой огромный заяц? – не согласился Никита. – Да это же корова. Смотрите – рога.

– Говорю же – заяц!

– Вообще-то по правилам сейчас уже не положено ни делать фигуры, ни усовершенствовать, – вспомнил Алексей Иванович. – Всё должно было быть готово еще до Нового года.

– Всё равно пойдете поближе, посмотрим!

Загадочного зверя лепила молодая женщина с малышом лет пяти.

– Да мы никакие не участники. Просто смотрели-смотрели, вдохновились – и лепим для души, – смущенно сказала она. – Вот увлеклись, шары для основания накатали слишком большие. Великоват получился зайчишка, ну да прочнее будет стоять.

Катя снисходительно поглядела на спутников: собака, корова! Ничего не смыслят в зайцах. Но Никита не сдавался:

– А зачем рога?

В снежную макушку нескладного существа были воткнуты две палочки.

– Да у нас уши всё разваливались, – не обиделась женщина, – может, так мы их укрепим. Сейчас снежком облепим.

– Знатный заяц, – утешил Алексей Иванович. – Главное – хвост!

И, слепив что-то вроде снежка, прилепнул зверю сзади.

– Мутант-убийца, – шепнул Кате Никита, но она его не поддержала:

– Очень даже неплохо получается! А маленького никто бы и не заметил. А вот можно ему усы из веточек приделать! И глазки!

И она, встав на цыпочки, уже приделывала вместе с малышом элегантные усики и глаза из еловых шишек, а женщина довольно искусно вылепила мордочку – сомнительное создание на глазах превращалось в очень даже похожего зайца. Снег превосходно лепился, увлеченность троих скульпторов была неподдельна, и Алексею Ивановичу с Никитой стало скучно оставаться просто зрителями.

– А мы чего стоим? Давай и мы лепить чего-нибудь.

Они проворно скатали три очень ровных, правильных шара, большой, средний и маленький, и взгромоздили пирамидкой.

– А что это будет? – спросил Никита.

– Сообразим в процессе.

– Пока на снеговика похоже.

– А что? Такой сказочный городок, всё есть, даже крокодил, а снеговика нет! Непорядок. Какая же зима без снеговика!

– Снеговика нет, – подтвердил Никита, еще раз окинув взглядом выставку. – Точно нет!

– Так чего мудрить-то! Пусть это будет снеговик. Давай глаза ему изобразим, вот как у зайца, из шишек. Теперь улыбочку... Веселый парень! Чего еще снеговика не хватает?

– Метлы, метлы не хватает! – подбежал малыш. – Я знаю где, я принесу!

И скоро примчался со сломанной метелкой, которую присмотрел на обочине боковой аллеи еще по пути сюда, на выставку. Мама тогда не разрешила ее взять. Сейчас она увидит, что это никакая не дрянь, а вещь, нужная людям!

– Да, с метлой гораздо убедительнее, – подтвердила молодая мама и тоже приняла участие в создании образа: – А вот смотрите, на ветке шарфик висит, видимо, кто-то обронил. Давайте снеговика наденем! И его украсим, и растеряха скорее найдет, если вернется. Егор, носи сюда! Достанешь?

В нарядном шарфике в красную и белую полоску снеговик стал просто неотразим, но чего-то ему все равно не хватало. Заяц был уже готов, и теперь все окружили снеговика и призадумались.

– Катя, чего хотела? Всем привет!

К ним быстрым шагом подходил Перехватов-младший.

– Ничего не хотела, – опешила Катя.

– А чего эсэмэски шлешь? – Он показал мобильник. – «Алешка! Приходи скорей!» Так душераздирающе. Я подумал, случилось чего-то. А мама говорит – вы в парк пошли.

Катя озадаченно всмотрелась в сообщение. Потом сообразила:

– Да ты на дату погляди! Это я еще тридцать первого, перед самым Новым годом посылала, когда ты куда-то исчез! Ты что, только сейчас получил?!

– Точно, – всмотрелся Алешка. – Вообще-то мобильник не проплачен был, я сегодня утром деньги кинул. Ну, корки! А я все бросил и побежал! Айсберг, что ли, думаю, на них упал? Откапывать готовился, голыми руками. Что ж вы, демоны, мало того что живые, так еще учиться не даете?

– Ничего, зато прогулялся, – добродушно сказал Алексей Иванович. – Смотри вот, какого мы бравого парня соорудили.

Алешка придирчиво оглядел их творение.

– Микеланджело, конечно, отдыхает, пап, он рядом с тобой – пигмей...

– Но?

– Но – у снеговика как будто должен быть нос морковкой. Или это уже неактуально в нынешнем сезоне?

– Нос! – захлопала Катя в ладоши вместе с малышом. – Конечно, носа не хватает! Как это мы прозевали! Пап, давай денег, мы сейчас сбегает в магазин!

– А я с ними, можно? – малыш умоляюще посмотрел на мать.

И молодежь в полном составе отправилась в ближайший овощной. Правда, Алешка на полпути их покинул, решив, что сейчас самое время сходить в «Вести», а здесь и без него справятся.

И они справились! Принесли не только отличную, радостно-оранжевую морковь, но и слегка помятое игрушечное ведерко, зеленое в белый горошек. Оно валялось по пути, во дворе, между песочницей и помойкой – и все-таки ближе к помойке, почему его и

решили подобрать без всяких угрызений. Углядел ведро все тот же остроглазый малыш.

Это были последние штрихи, те самые, которых не хватало. В шляпе из ведра, с лихим морковным носом, перехватовский снеговик смотрелся на удивление живописно.

– Идем за фотоаппаратом, – решила Катя. – Это надо запечатлеть.

– А его пока не развалят? – Никита, который так не хотел сегодня никуда выходить, теперь никак не мог покинуть снежную мастерскую, и всю дорогу оглядывался.

– Не должны. Тут милиционер дежурит.

Глава 19

Птица говорун отличается умом и сообразительностью.

(М/ф «Тайна третьей планеты»)

Выключив компьютер, Катя еще немного посидела перед гаснущим экраном. Не верилось, что сегодня вечером, вот уже совсем скоро, через два часа, ее жизнь по-настоящему изменится – пусть даже незаметно для родных и всех вокруг. И она вернется домой не прежней Катей, знающей о встречах с молодыми людьми только теоретически, из книжек и фильмов – вернется с первого в жизни свидания.

Наконец их виртуальное общение станет настоящим! Собственно, это давно могло бы произойти. В городском чате сплошь и рядом назначают друг другу встречи, едва познакомившись. Она сама тянула все эти дни – но действительно было некогда из-за поездок. Или она просто трусила, как тогда, первый раз на дискотеке?

Неважно. Важно, что она решилась! Надо только придумать уважительную причину, почему она уйдет одна, без Никиты. Девичник какой-нибудь с подружками, всякие гадания, где ему будет

скучно? Рановато, гадают на Крещение. Поход по магазинам? Никита готов таскаться с ней и по магазинам.

А может, сказать ему, как есть, и пусть сам придумывает, почему он останется дома? Катя даже подпрыгнула – как легко! И долго объяснять не придется, Никита же знает об Isa – единственный, кто знает! Он вообще за эти каникулы, да и за летние тоже, как-то незаметно, само собой, узнал о ней больше, чем кто бы то ни было. И не только ни разу не подкалывал и гадостей не делал, что было совершенно непривычно и обезоруживало, а всегда относился с пониманием и сочувствием – как настоящий брат! Ей всегда этого так не хватало! Ему и теперь вполне можно довериться.

А что, если... Еще одна, совсем уж неожиданная мысль привела Катю в полный восторг. Тогда она совсем не будет волноваться!

Где там Никита?!

Никита под руководством тети Веры вешал новые тюлевые шторы, похожие на паруса, которыми она решила украсить комнату к Рождеству. Для этого пришлось отложить «Гарри Поттера» – он сначала увлекся последней, новой книжкой, а потом взялся за предыдущие, чтобы прояснить отдельные моменты. Катя сидела в сетке часами, и читать было когда. Тетя Вера говорила без умолку: спрашивала, действительно ли эта книжка так ему интересна, советовалась, не пора ли выбрасывать елку или пусть еще постоит, а потом заговорила об обратном билете, который Никите уже купили, чем сразу испортила настроение.

Мысль о том, что ведь придется возвращаться, он старался отодвигать до последнего. И вот его так бесцеремонно приводят в чувства! Да, через два дня в дорогу. Но он не просто не хочет, он не может никуда уезжать! И Никита перед лицом угрожающей реальности ясно ощутил: не потому, что так комфортно бездельничать на правах гостя, и не потому, что дома надоело до чертиков. Он просто должен быть рядом с Катей! Вот и всё.

Чуть не сметенный этой догадкой с подоконника, Никита продолжал механически цеплять шторы, уже не слыша разговорчивой тети Веры. И на одно из ее замечаний, требующее ответа – что он, конечно, уже соскучился по дому и по маме, – ответил, не задумываясь.

мываясь, продолжая напряженно размышлять о своем, с неприличным чистосердечием:

– Конечно, нет. Я не маленький.

Удрученного тетиного лица он не заметил.

Наготове было самоутешение: ничего, скоро еще одни каникулы, весенние, и он опять придет к Перехватовым, и снова всё будет хорошо, а в то, что он сейчас случайно осознал, вообще лучше не углубляться. Но мысли упорно возвращались: в Белогорске главное не сам Белогорск, а Катя, и нечего заниматься подменой. Так же, как и в его необыкновенном лете главное – не лето, а Катя. Зачем себя-то обманывать?

Тут Никита весь вспыхнул: то, отчего он действительно хочет к Перехватовым – может быть, недопустимо и стыдно? Потому он и самого себя готов обмануть? Ведь Катя – его пусть двоюродная, но все-таки сестра.

Ну и что?! И он, по Катиной привычке, начал вытаскивать из памяти ряд: Наташа Ростова и Борис, Соня – Николай... «Беда – двоюродные братцы и сестрицы» – это сноска, а на странице по-французски: «кузены»...

– Никита, иди сюда скорее! – На пороге стояла Катя, глядя снизу вверх на Никиту под парусами. – Ну, слезай, слезай – ведь прицепил уже всё! – И, не дожидаясь, побежала в свою комнату.

И Вера Васильевна с изумлением наблюдала, как до сих пор рассеянный Никита вмиг очнулся и прыгнул с подоконника. Кати уже не было – она и не сомневалась, что верный паж последует за ней! И он последовал, причем стремительно! И даже из вежливости не спросил, всё ли они закончили с занавесками, не надо ли еще чем-то помочь. И она видит эту стремительность уже не первый раз! Наваждение какое-то...

А Никита слушал Катю и не мог поверить: она собралась идти на свидание с тем самым Isa... вместе с ним! Уяснив, что это не шутка, он возмутился до глубины души – той самой глубины, только что заглянув в которую, был так потрясен. Но, оказывается, ни одно потрясение не окончательно, жизнь всегда припасёт еще более эффективное, как кроличьи уши из рукава фокусника! И, разумеется,

ни один мускул на лице опять-таки не должен дрогнуть. Надо же, а совсем недавно он обижался, что вот Катя с кем-то общается в чате, а ему не рассказывает – не доверяет. Уж лучше бы и дальше не доверяла!

– Я-то тут при чем? – резко ответил он.

А Катя терпеливо разъясняла:

– Мы просто придем туда вместе, я хочу сначала посмотреть на него со стороны. Если всё будет в порядке, я к нему подойду, и ты сможешь идти домой, а если нет – сделаем вид, что просто гуляем. – И, заметив, наконец, окаменевшее лицо Никиты, тоже возмутилась: – Мне нужна твоя помощь, а ты думаешь только о себе, о том, как будешь выглядеть, и что время потеряешь! Где совесть – ты же брат, к тому же старший!

Да, еще одно открытие за этот день, только подтверждающее первое: то, что он чувствует – самая настоящая ревность! С какой стати?! Он же только что решил, что не имеет права на всё это. И Никита как можно спокойнее спросил:

– И как ты себе это представляешь?

Катя, обрадовавшись, начала говорить, что назначила свидание в парке, на аллее снежных фигур, рядом с гигантским зайцем – там всегда полно народу, и можно, как будто прогуливаясь и не вызывая ничьих подозрений, незаметно посмотреть на ее виртуального донжуана. Будто бы и Никитино мнение ей хочется узнать – хотя он мог бы сказать его сразу, не глядя.

– Так что тебя все-таки смущает? – задал Никита еще один вопрос.

– Ничего. Просто с тобой мне будет надежнее.

Глава 20

Мы в некотором роде не совсем гавайцы.

Скорее даже, совсем не гавайцы...

(М/ф «Приключение капитана Врунгеля»)

Они ходили по аллее уже целых полчаса. И крепость несколько раз обошли, и снеговика своего навестили, полюбовались.

– Нас скоро примут за жури, – заметил Никита, – мы так пристрасно всё разглядываем.

На самом деле они пристрасно, хотя и искоса, смотрели на зайца – но красавец-студент, которого оба нарисовали в воображении, не появлялся. Пару раз, прогуливаясь, остановился рядом с ним Сережка из Зоиного класса – и всё. Конечно, пока никакой тревоги, они же пришли заранее – и все-таки Никита начинал ощущать тревогу, что Катя все-таки вляпалась не пойми во что – одновременно с радостью, что долгожданно-романтическому свиданию не бывать. Катино лицо было непроницаемым – и через десять минут после того, как условленный час пробил, и еще через десять.

Студента-программиста возле снежного зайца не было. Все это время там топтался только Сережа Ларионов, озираясь по сторонам и все чаще поглядывая на часы. Никита припомнил, как этот парень на дне рождения не мог оторваться от подарочного компа и засыпал его, Никиту, специальной терминологией, демонстрируя свои познания. Нет, сегодня уникальный день: его озаряет и озаряет! Но ведь всё сходится. И «компьютерный гений», и lsa – это, кажется, его инициалы, фамилия-имя плюс какое-то отчество.

Никита быстро просчитал, каким ущербом это может грозить Кате. Скорее всего, дылда-восьмиклассник просто хотел познакомиться с девушкой, решив, как и Катя, что вполне тянет на студента, и что только выиграет от повышения социального статуса. И вряд ли он знает, что имеет дело именно с ней. Ее ник ее не раскрывает. Значит, это не приколы – уже легче. Но для нее-то всё равно получается полный конфуз, с ее самолюбием, да еще усугубленный при-

сутствием свидетеля! Как она, наверное, теперь жалеет о своей выдумке взять его с собой!

И что теперь лучше – сделать вид, что он не понял, кто такой Іsa? Бесполезно, она же знает, что он не идиот. Или все-таки идиот – стоит, ушами хлопает, никак не сообразит, как же ей помочь из всего этого выбраться!

Но Катя не ждала никакой помощи. Она признала с достоинством:

– Один – ноль в твою пользу. Ты – прозорливец. Гордись. – И без всякой паузы потянула его вперед: – А ну-ка, пойдём-ка!

Никита поспешил за ней, с ужасом думая, что сейчас будет – Катя шагала напрямиком к зайцу. Может, у нее от обиды крыша поехала? И она сейчас дров наломает – кинется разоблачать малолетнего обманщика, или еще что-нибудь... И тогда уж точно опозорится, а потом не вынесет этого! Остановить ее немедленно! Схватить в охапку и утащить домой!

Но Никита ничего не успел.

Катя, зацепив его под руку, уже прошла мимо незадачливого ухажера, повернувшись к нему с естественной, оживленной улыбкой:

– Привет, Сереж! Твой заяц, что ли? Да ты совсем замерз!

Ларионов уныло махнул головой, видимо, одновременно отрицая и то, и другое, а Катя остановилась на минутку:

– А вот этот снеговик – наш. Вчера лепили... А ты чего такой невеселый?

– Девушка ушла с другим, – подыгрывая, предположил Никита.

– Или компьютер сломался! – Катя дружески помахала рукой на прощанье и пошла дальше, заливаясь искренним смехом – вряд ли только над Ларионовым. – Не горюй, починишь!

Глава 21

Да, но что скажет стая?..

(М/ф «Маугли»)

Не было слышно ни телевизора, ни «Двадцать пятого этажа», ни какой-либо другой музыки. Арчи, повесив уши, скучал на своем кресле.

– Катюшка с Никитой на катке? – определил, заходя в квартиру, Алексей Иванович. – Ужинать? Да нет, я попозже, вместе с молодежью. Вот газету пока посмотрю... – Но через минуту появился на кухне с листочком «Белогорских вестей», показывая Вере Васильевне на мелкие буковки выходных данных, которые обычно не читают. – Смотри! Компьютерный набор и верстка – какая-то Караваева. Уже не Алешка! Ты знаешь, что это значит?

– То, что он там больше не работает. Надо же, а я никогда эту мелкоту и не смотрела.

– А я только это всегда и читал, – признался Алексей Иванович. – Это что же – обе проблемы долой? За ум, что ли, взялся?

– Я надеюсь. Может, все-таки будешь котлеты, пока горячие? Когда еще вернется эта молодежь.

– Действительно! – Перехватов-старший исполнился вдохновения – то ли оттого, что неприятности уже не нависают, то ли от вкусного аромата. – Хорошо, что Катюшка еще маленькая, и у нее нет пока воздыхателей, кроме Никиты, – пошутил он. – И можно сделать передышку перед очередным раундом.

– И ты тоже заметил?

Голос жены стал неожиданно напряженным. Алексей Иванович, увлеченно расправляясь с аппетитной котлетой, как ни в чем не бывало осведомился:

– Что наша Катюшка околдовала бедного Никиту? Да еще летом было видно. Ходил за ней хвостом. Что ж ему оставалось, если Алешка его игнорировал?

Но Вера Васильевна взволнованно перечисляла симптомы,

подмеченные ею у племянника, и описывала разные ситуации, включая вчерашнюю, с занавесками.

– Да верю, верю. Ну, и пусть себе влюбился, – отозвался Алексей Иванович с легкой иронией. – Если бы дети росли вместе, сидели рядом на горшках, дрались из-за игрушек – ничего подобного бы не случилось. А твоя Надя с семьей всегда жили далеко, по всей стране мотались, и вот Никита первый раз к нам приезжает и видит такую взрослую девицу-красавицу – естественно, что сразу взял да и влюбился. А ему говорят, что это его сестра... Да не волнуйся ты так, Вера, не стоит! Они же еще дети. Вот уедет Никита домой и всё забудет. А Катька его вообще не воспринимает, для нее это одна из кукол или Арчи номер два.

– В том-то и дело. – Веру Васильевну успокоительные речи не успокоили, она продолжала оставаться встревоженной и серьезной. – Катюшка пока ничего не замечает, голова у нее чем-то другим занята, и слава богу. А вдруг заметит? А вдруг он сам ей скажет? Что тогда? Не так это все забавно и безобидно! Я два дня места себе не нахожу! После лета полгода прошло, а он ничего не забыл! На это нечего надеяться. Уж отправить бы его, что ли, домой поскорее!

– Вера, да ты что? – Алексей Иванович положил вилку. – Да Никита – нормальный парень...

– Так я за него и боюсь! Ведь что такое Катерина? Это же тихий омут с чертями! Она иногда так вспылит, что я не знаю, что и делать, да и она с собой, похоже, справиться не может. Вот ты предполагаешь, как она отреагирует на Никиту-влюбленного? Я – нет! Может и оборвать, и засмеять, и презрением облить, так что мало не покажется. И что тогда нам делать? Никита – мальчик и правда нормальный, хороший, но очень непростой. Надя же специально к нам его присылает, чтобы он пообщался с ровесниками – он всегда был замкнутым, всегда без друзей...

– Откуда им было взяться с этими бесконечными переездами? – проворчал Алексей Иванович. – Сами всё усложняют, громоздят одну проблему на другую...

– ...Ты же видишь, сколько времени понадобилось, чтобы он вылез из своей скорлупы и просто разговаривать начал нормально!

Чтобы почувствовал себя здесь по-настоящему у родных! И вот – пожалуйста, всё так запутывается. Какие там передышки! Что я Наде скажу? Пообщался, называется! А если он еще и душевную травму здесь получит?! У нас перед этим ребенком особые обязательства, мы не должны этого допустить!

– А ты думаешь, надо что-то говорить Наде?

– А разве нет? Я хотела сейчас ей звонить, пока детей нет дома. Надо же предупредить! Она должна быть готова...

– Вера! – развел руками Алексей Иванович. – Ну, в колокола-то бить зачем? Ведь еще ни коня ни воза. Если ты и сестру так активно примешься обрабатывать, то только напугаешь, она еще навоображает лишнего, того, чего и нет. Вот с Алешкой только что ты тоже рвалась в бой – и что бы было, представь, если бы ты еще раз к нему полезла с разговорами? Или, не дай бог, к Ирине? Я знаю, как трудно не вмешиваться, но надо иногда себя заставлять!

– Но надо же ее предупредить! Мы должны что-то делать! Это Никита, скорее всего, уже навоображал лишнего! Что у него противоестественная склонность к двоюродной сестре, например. Еще только комплекса вины мальчишке не хватало плюс к остальным комплексам! Он же не знает, что он приемный сын!

– А в этой ситуации, пожалуй, рад бы был узнать, – задумчиво произнес Перехватов-старший. – Что между ним и девочкой нет никаких родственных барьеров.

– Ты не соображаешь, что говоришь! – Вера Васильевна рассердилась не на шутку. – Он ничего не должен узнать! Как он воспримет, что мать неродная? Я не представляю! Он и так к ней не особенно тянется! Он за две недели о ней и не вспомнил ни разу! Все это ужасно, но мы сейчас не об этом.

– Да я и не предлагаю раскрывать ему тайну усыновления – это дело его родителей, абсолютно не наше. А с мамашами мальчишки в этом возрасте никогда не нежничают, зря ты это в голову берешь...

– Конечно, не наше! Они столько раз переезжали, чтобы он ничего не узнал! Помнишь, как те соседи пронюхали и начали их шантажировать? Да, ну а ты что предлагаешь?

– Да я только размышляю – может, Катюшке сказать? Если ты за нее опасешься. Под строжайшим секретом?

– Алексей!

– Ну, тогда ей станет ясно, что с двоюродным братцем не носятся, как с писаной торбой, как может показаться, а только стараются быть ему настоящими родными и оберегать от лишних неприятностей. Тогда и она не поступит с ним жестоко, что бы ни узнала или о чем бы ни догадалась. Если отбросить всякие ее закидоны, она же чуткий, добрый человек!

– Не думаю, что имею право что-то рассказывать, – ледяным голосом проговорила Вера Васильевна, – если сестра считает, что знать об этом должны только взрослые.

– Ну, тогда не знаю, – еще раз развел руками Перехватов-старший. – Тогда пусть все идет, как идет. Просто читать Катерине мораль бесполезно, по-моему. Может вызвать обратный эффект. И потом, уедет Никита – а потом опять приедет. Ты их спрячешь, что ли, друг от друга? И перезваниваться они могут, и письма писать хоть каждый день по электронной почте – и тут ты уже никак не контролируешь и ни на что не повлияешь...

Вера Васильевна сделала протестующий жест, но муж решительно продолжал:

– Нет уж, давай на чем-то остановимся! Ты решила, что Кате рано знать о семейной тайне, – хорошо, но тогда позволь себе не брать ответственность еще и за влюбленного племянника! Обязательства перед ним у нас, конечно, особые, но мы не можем уберечь его от всех шишек в его жизни. Пускай получится, что мы не образцовая семья, но не можем же мы сделать для Никиты то, что и для собственных детей не делаем и не считаем нужным – создать идеальные условия какие-то! Переусердствовать тут – не думаю, что правильно...

– Мы победители! Ура!

В кухню, с шумом и смехом, ворвалась Катя, прямо в шубе. За ней маячил Никита.

– Вы что, газету не читали? Вот же она у вас!

Глава 22

Подарок сразу вручат, а может быть, вручат.

(М/ф «Пластилиновая ворона»)

«Белогорские вести» и впрямь становились настоящей газетой. Катя показывала пальцем на колонку новостей, появившуюся на первой странице. Она открывалась итогами конкурса снежных фигур. Алексей Иванович принялся было вслух читать заметку с самого начала, но Катя нетерпеливо ткнула в последние строчки:

– Да вот же где читай! Там – неважно, первое место у головы богатыря... Вот: «Приз зрительских симпатий получил живописный снеговик, точь-в-точь как на картинках в детских книжках: морковный нос, ведро на голове. Автора фигуры просят обратиться к жюри – Ваш приз ждет Вас! Контактный телефон...» Ну, что? Звони скорей – и побежали за призом!

– Да, прославились, – подтвердил Перехватов-старший, еще раз просмотрев заметку. – Но сейчас уже поздно, скорее всего никто не ответит. Я завтра утром с работы позвоню.

Катя испустила недовольный вопль – ей хотелось приз прямо сейчас. Они с Никитой еще в подъезде подобрали Алешкин рекламный листок, и она сразу увидела, что там не только реклама, а уже есть, что читать. Выходит, правду он говорил, новости появились – да еще какие! Но до чего же скучные эти взрослые! Ничем их не расшевелишь, даже таким событием.

Вдруг мама, склонившись над листком, воскликнула:

– Смотрите, смотрите! Тут, кажется, про Алешку!

Все головы разом столкнулись над газетой. В одной из заметок сообщалось, что в Белогорском институте, несмотря на мороз, самые горячие деньки – идет сессия. И дальше студент факультета информатики Алексей П., успешно сдавший очередной экзамен, делился своими впечатлениями. Произведение называлось «Ни пуха ни пера» и было подписано – Караваяева.

– Смотрите-ка, опять Караваяева! – удивилась Вера Васильевна. – Она там что, на все руки мастер?

– Ты думаешь, это точно Алешка? – выразил сомнение Алексей Иванович. – Тут же пишут – успешно сдавший...

– Конечно, он. Кто, кроме Алешки, может ляпнуть корреспонденту: «Халявы не ждем, на шпоры не надеемся»? – резонно заметила Катя.

Глава 23

Он улетел – но он обещал вернуться!

(М/ф «Мальчи и Карлсон»)

Никита выглянул в окно. Вишневая «десятка» стояла у подъезда. На вокзал его отвезет Алешка – у дяди Алексея сегодня загруженный день, он попрощался с ним еще утром, уходя на работу. Час или больше в пути с Перехватовым-младшим, один на один! Ничего, можно будет включить радио...

Во дворе на снегу сиротливо валяются елочки, засохшие, ненужные, наполовину облетевшие, с зацепившимся кое-где серебряным дождем. Вот и закончился, вот и выброшен Новый год. И ему пора к выходу.

Чуть не забыл! Никита собрал с подоконника детальки красной звезды и высыпал в карман рюкзака. Головоломка так и не поддалась. Оранжевый паровоз из хлопушки лежал в нагрудном кармане. Теперь вроде всё.

– Никита, все взял, ничего не забыл? – раздался заботливый голос тети Веры. – Ну, идем, присядем на дорожку.

Тетья Вера и Катя ждали его в Арчиной комнате. Женщины – так договорились – не поедут к поезду. Они прощаются здесь.

Присели, как положено. Но Катя не могла усидеть спокойно – она вертелась волчком, улыбалась и подмигивала, стараясь подбодрить совершенно убитого Никиту. Вспомнила о чем-то, подскочила:

– Я сейчас!

И, сбегав к себе в комнату, принесла мягкую игрушку – снеговика, белого и пушистого, с красным носом, в полосатом шарфике – миниатюрную копию их снежного шедевра. Это и был знаменитый перехватовский приз.

– Возьми с собой! На память!

Никита с трудом поднял на Катю глаза, но увидел лишь искрящееся веселье и удовольствие от собственного широкого жеста: теперь-то братец точно оживится!

– Бери-бери! – подтвердила она свою щедрость, протягивая снеговика. – Будешь дома хвастаться. А я потом тебе наши фотки пришлю.

Их расставание не было для нее концом жизни! Никита слишком хорошо представлял, как она сейчас, захлопнув за ним дверь, устроится, как всегда, с книжкой на диване, или будет звонить своим Светкам и Зойкам, или отправится с ними гулять – все такая же беззаботно-оживленная.

А сейчас – это обычные проводы родственника.

Или все-таки, словами Алешки, – «железная Катеринина выдержка»?!

Тетя Вера велела Никите еще раз проверить билет, документы, деньги, и он механически проверял, а Катя вдруг хлопнула себя по лбу:

– А книжка-то! Подождите!

И опять помчалась в свою комнату. Принесла четвертый том «Гарри Поттера» – Никите в поезде читать. Надо бы третий, да он задевался куда-то.

– Наверное, кто-то взял и не отдал. Жалко, мой любимый том! Ну, ничего, четвертый не хуже!

Никита машинально взял книжку и положил на полку у зеркала. Они уже вставали, и тетя Вера целовала его и говорила последние напутствия.

– Не горюй! – Катя весело чмокнула брата в щеку. – Мы же скоро опять увидимся! Приезжай на весенние каникулы. Обязательно приезжай! А летом, может, все вместе приедете, всей семьей, к нам на дачу!

Никита вскинул на нее взгляд с последней надеждой увидеть хоть каплю искреннего чувства, подобного его собственному – но Катя продолжала болтать чепуху, видимо, от всей души стараясь развеять его печаль.

Никакая это не выдержка. Рядовые провода.

– Я приеду.

Даже Арчи не прыгает, как обычно, а нерешительно стоит рядом, робко помахивая хвостом. Собаке, и той передается его тоска, и она понимает, что не время радостно скакать!

А в дверях Алешка, присевший завязать шнурок, смотрел на Никиту пристально, не отрываясь.

Хлопнула последний раз дверь подъезда, вишневая «десятка» развернулась. Никита сидел впереди – там, где и мечтал когда-то сидеть. Перехватовы-женщины махали из окна – он не в силах был смотреть, но знал, что они машут.

Теперь к лету, которое хранится в памяти, прибавилась зима – она еще не закончилась, но Никита уже сворачивает ее и бережно укладывает. А весна и следующий приезд – кто знает, какими они будут, и какими будут тогда он и Катя. Всё так меняется. Но никогда не изменится то, что уже есть, и оно принадлежит ему – навсегда!

Надо сказать Алешке, чтобы включил радио.

Глава 24

– Слово пиратское свято:

Будем дружить навсегда.

– Я уважаю пирата!

– А я уважаю кота.

(М/ф «Голубой щенок»)

Радио не понадобилось – Алешка сам говорил без умолку, прямо как тетя Вера. Никита очнулся и обратил на это внимание, только когда они уже выехали из города. То, что двоюродный бра-

тец, обычно снисходительно-высокомерный, общавшийся с ним исключительно из вежливости и увиливавший от всех Никитиных попыток сблизиться, теперь разговаривает столь дружески и охотно, было необычно само по себе. Но еще больше удивил Никиту его беспечный, почти как прежде, вид: последнее время Алексей ходил мрачнее тучи – должно быть, из-за сессии. Никита слышал, что там всё запущено.

А Алешка продолжал многословно рассказывать об институте, об экзаменах, о своей новой работе в одной из отцовских лабораторий – он туда уже сходил один раз, для знакомства. А после сессии, с которой уже задолбался, но которая уже подходит к концу, приступит по-настоящему...

Никита не понимал, чем вызвано дружелюбие – не радостью же, что он наконец сваливает домой! – но из пучины отчаяния начал понемногу вылезать. Следовало поддержать разговор, сказать хоть что-то. И он спросил:

– И что, в лаборатории лучше, чем в газете? Тебе там вроде так интересно было – не будешь скучать?

Долгая пауза дала Никите понять, что он, кажется, промахнулся. Неясно почему, но об этом лучше было не говорить. Перехватов-младший даже в лице переменялся. Черт возьми, но Никита же не знает ничего о его делах и тем более о неприятностях! Конечно, он не слепой, и замечал, что вокруг Алешки постоянно витает какая-то напряженность – но ему никто ничего не рассказывал, даже Катя – а он и не спрашивал. Не в его правилах совать нос, куда не просят! А этой работой в рекламном листке Алешка и правда так горел...

– Что кончено, то кончено, – наконец заговорил Алексей, прервав молчание. – Ты же видел Ирину. Можно скучать хоть до пенсии. Такие женщины не кокетничают, а четко дают понять, что им нужно или не нужно – и застревать на этом нечего...

Никита с ужасом начинал понимать, что влез не просто не туда, а во что-то очень личное! Он растерялся – как же теперь все исправить, но Алексей и не думал его осаживать, а продолжал объяснять, время от времени отводя глаза от дороги и внимательно взглядывая на двоюродного брата:

– Я в офис пришел в тот день, вы зайца лепили. А там сидит эта Караваяева. Они уже рождественский выпуск сделали! Без меня! Она без меня его делать решила! А я там, оказывается, уже не работаю. Она мне прямо так и сказала. Мол, нашла удачную девицу, которая будет и верстать, и принимать рекламу, и даже новости писать – а я будто бы временный студент, а ей постоянный человек нужен. Вот так! «Ты работник золотой, но ты же учишься!» Вот так! Это тебе не дома, где сорвешься – а все потом делают вид, что ничего не произошло... Тут сразу получай, что заслужил. А еще Караваяева прицепилась: ой, вы студент! Ой, а расскажите про сессию! Ой, а какие у вас впечатления – я информацию сделаю! Еще и байки пришлось травить, прежде чем дверь закрыл с той стороны. Ладно. Всё, что не убивает, делает сильнее. Это можно пережить. И ты переживешь!

Он говорил все более свободно, как будто даже с облегчением, доверяя двоюродному брату то, что никогда не сказал бы ни женщинам своей семьи, ни отцу, ни приятелям – и что, он был уверен, останется только между ними.

Никита слушал, не всё понимая, но стараясь схватывать суть. А последние слова заставили его вздрогнуть. Но Алексей смотрел на него спокойно, это был его обычный взгляд насквозь, и Никита понял, что и на этот раз от Перехватова-младшего ничего не утаилось. Вот только тон у брата был непривычный – понимающий и даже сочувственный.

– Нам обоим нечего ловить. Ты это тоже поймешь, если еще не понял. Мне вот клин клином вышибло сейчас, в прихожей, когда ты с Катькой прощался. Одним махом! Я как будто себя со стороны увидел. И я больше никогда не стану смотреть на женщину такими жалобно-щенячьими глазами! Я себе это не позволю! И тебе не советую. Летом же еще говорил – ты для нее только брат по разуму.

Никита не обиделся на щенячьи глаза. Неслыханная степень понимания и доверия сбила его с толку, и он не сразу пришел в себя.

И первая мысль: уж если самому Алешке было необходимо вот так выплеснуться – значит, нет ничего постыдного и в том, что он догадался о его, Никитиной тайне. И тем более нет ничего постыдного в ней самой – если брат так не считает. Так всерьез можно

говорить только о настоящем, об имеющем право на существование. Пусть даже сам Никита понимает, что надежды действительно почти нет...

Зато теперь он знает, что у него есть настоящий, а не формальный брат! Судьба что-то отбирает, а что-то и дарит – из рукава вместо кролика неожиданно вылетела птичка. Никогда бы не поверил, что такое возможно! Выходит, не так уж и мало между ними общего, если они переживают сейчас фактически одно и то же.

Молчать дальше казалось нелепо, но Никита боялся опять сказать что-нибудь не то. А Перехватов-младший и не ждал каких-то особенных слов – он увидел ответ в благодарных глазах двоюродного брата и удовлетворенно подвел итог:

– Вот так! Держать удар – и жить дальше.

И включил радио.

Привычно распевали «Корни» – как будто Никита и не уезжал из перехватовского дома:

*Ты веришь птицам и стихам,
Стекают звезды по щекам,
И в темных лужах отражаются огни.
Бензином город весь пропах,
И мятным снегом на губах
Растает сказка о любви и эти дни!*

Глава 25

Ах, какой был слон, какой был слон!

(М/ф «Следствие ведут колобки»)

Было непривычно пусто, и в комнатах, и на душе. Катя хотела спокойно почитать, не испытывая наконец угрызений, что надо уделять внимание гостю, а она не уделяет – но что-то не читалось. Когда позвонила Зоя с приглашением на каток, она обрадовалась, но и на

катке оказалось как-то скучновато – надоела вся эта зима с катками и холодами. Или это каникулы уже надоели? Катя представила школу и поняла, что – нет, нет! – каникулы совсем не надоели! И все равно пошла домой, сказав девчонкам, что замерзла.

Пустота продолжала тащиться следом. Катя натыкалась на нее каждый раз, когда вспоминала что-нибудь важное или интересное – и тут же собиралась рассказать, и когда мимо пронесся невиданный розовый лимузин – интересно, чей? – и потом, когда увидела афишу – открылась выставка кошек, может, сходить? Но ее верного второго «я», с которым она так привыкла всем делиться, и который везде обычно следовал за ней, не было. Надо же, а поначалу он так раздражал именно тем, что всё путался под ногами! Жаль, что у нее нет такого же совсем родного брата, который бы всегда был рядом...

Даже после развоплощения Isa не ощущалось ничего подобного, хотя уж с ним-то связывались такие надежды, столько было в переписку вложено времени, души и остроумия...

Катя еще раз подивилась тому, что, оказывается, совсем разучилась ходить по городу одна.

В «Белогорский пассаж», бывший магазин «Культтовары», заходила элегантная дама в серой шубке. Катя вспомнила, что там есть отдел с кассетами и дисками, и тоже зашла. Увидела свои «Корни» – появились новые сольные записи, постояла у Рахманинова – есть у нее второй концерт? На кассете – кусочки из него. Вроде нет, но стоит ли слушать минор? Потом вспомнила, что сказала Никите – переслушает всё. Ну, всё так всё...

– Добрый вечер. А я тоже заскочила записи посмотреть.

Перед ней была Ирина в строгом, сером – ну да, это тот повседневный вариант, она еще о нем говорила. Праздничная оранжевая изнанка – внутри. Катя смешалась. Женщина, которой она так восторгалась, и из-за которой теперь страдает ее брат – как с ней разговаривать? Язык к тому же прилип, и рот не раскрывается... «Если не знаешь, как поступить, – поступай порядочно» – это мама когда-то вычитала. Афоризмы и рецепты обычно раздражают, но этот сейчас кстати.

– Что-нибудь купили? – спросила Катя будничным голосом, поддерживая необязательную светскую беседу.

– Нет. Искала Джо Дассена, для мужа – он музыку почти не слушает, а Джо Дассен ему нравится – но здесь не оказалось. Говорят, уж слишком ретро. Дома с компьютера можно слушать, но я хотела купить компакт для машины, чтобы в пути не скучал. – Ирина была, как обычно, приветлива, говорила легко и совсем не натянуто.

– Может, на рынке?

– И там тоже нет, я там уже была. Думала еще к Новому году подарок сделать, потом к Рождеству – не получилось. Теперь двадцать третье февраля надвигается. В Москве посмотрю... А ты что-то выбираешь?

– Пока присматриваюсь...

В голове пронеслась одна из тех безумных мыслей, которые обычно сам же сразу смущенно отбрасываешь. «Если сейчас вспомнит про мою пропавшую музыку – значит, она не виновата, и не была с ним жестокой!»

– Рахманинов? – Ирина проследила за Катиным взглядом на витрину. Отдел классики довольно скромный, но все-таки не меньше двух десятков разных записей. – Так ты все ищешь? Так и не сдалась?

– Нет! – улыбнулась Катя с облегчением. – Я найду. Я еще не все переслушала.

Они вместе вышли из магазина, отражаясь в зеркальных дверях – серый кролик и серая белочка. Ирина предложила подвезти, но Катя махнула рукой:

– Да вот же наш дом, я уже пришла.

– А я тут рядом работаю! Значит, часто будем теперь встречаться. А то я тебя лет восемь не видела, хоть и живем в одном городе.

– Я читаю вашу газету. – Катя подумала, что редактору «Вестей» будет приятно это услышать. И честно добавила: – Теперь, когда есть, что читать.

Ирина от души рассмеялась и подтвердила:

– Да, мы растем. Скоро заманю к себе настоящего журналиста, выпускника МГУ!

– А Караваева – ненастоящая?

– Нет, Караваева тоже молодец. Но Алеша, конечно, был лучше – даже не сравнить! Он же всё начал с нуля, остальные придут на готовое. Мне его очень не хватает! Но учеба безусловно важнее.

Катя слушала внимательно и смотрела, не отрываясь – Ирина не лукавила. Она всегда говорит то, что думает, словно считает ниже себя притворяться и лицемерить.

– Я вас, наверное, задерживаю? Пойду, меня Арчи поджидает, пора гулять – на каток я его не беру.

Ирина серьезно попросила передать пуделю привет.

– А у вас какая собака? – спросила растроганная Катя, чтобы ответить тем же. Ирина собак обожала, и, кажется, у нее был пожилой эрдельтерьер с рассудительной физиономией...

– Сейчас никакая. Старый Джерри умер, и мы пока не готовы... Помнишь, такой старый эрдель? С хвостом. Когда был щенком, не купировали, он потом из-за этого в выставках не мог участвовать. А хвост, – Ирина, не мигая, смотрела на Катю, – надо рубить вовремя. И сразу, не по кусочкам.

Арчи и правда заждался. Едва хозяйка открыла дверь, он без приглашения понесся вниз по лестнице, во двор. Катя еле за ним поспевала.

Немного коробило, что чувства ее брата – хвост.

Но по сути Ирина права.

Глава 26

*Важно – неважно... Неважно – важно...
Какая разница?*

(М/ф «Алиса в Зазеркалье»)

Вернувшись с прогулки, Катя бросила перчатки на полочку у зеркала – а там «Гарри Поттер»!

– Мам, смотри, Никита книжку забыл! – показала она. – Вот растяпа. Так я и знала – что-нибудь да забудет. Вечно с ним всякие истории!

И начала со смехом рассказывать, как в музее отдала Никите билеты, а в другом корпусе, где современная живопись, их снова надо было показывать, и Никита долго рылся в кармане, и вдруг вытащил из него вместо билетов – лоскуток в клеточку! Наверное, завалился с портновского стола, когда он еще выкройку чертил. Ну, хохма! Еще бы метровую линейку в карман засунул или надел на голову сковороду, как классический Рассеянный! И, главное, сам растерялся, покраснел до ушей, роется везде, и в куртке, и чуть ли не в шапке, и не находит – сзади целая очередь собралась!

Вера Васильевна слушала повествование в замешательстве, переходящем в ужас: с каким удовольствием Катька все это расписывает! Как отчетливо звучат издевательские нотки – спокойная рассудочная дочка стала вдруг похожа на сына-насмешника, не щадящего никого и ничего ради красного словца.

То, чего она и опасалась! Это был именно тот смех, который мог бы не просто ранить, а напавал убить Никиту, услышь он его. А вдруг случайно услышит когда-нибудь?! Как же дети могут быть жестоки, пусть и неосознанно! Катя все твердила ей, что братец слишком избалованный, изнеженный, и ему бывать у них на пользу – хоть немного научится правильно держаться. А вдруг ей еще вздумается преподавать ему какой-нибудь урок из лучших побуждений?!

Вера Васильевна полагала, что уже согласилась с мужем и со здравым смыслом – не стоит на каждом шагу влезать в дела взрос-

леющих детей, невозможно дышать и жить за них, нельзя постоянно бежать впереди, подстилая соломку... Но сейчас она должна что-то сделать! Катя сама ничего не поймет. Алексей Иванович уже вернулся с работы, но собирать военный совет некогда.

Дочка уже переделалась и двигалась в сторону ванной, на ходу разглядывая какой-то пузырек.

– Это что? – спросила Вера Васильевна, чтобы выиграть время.

– Оттеночная пенка, – ответ прозвучал довольно раздраженно. – Хочу попробовать. Зоя подарила. «Красное дерево». Не бойся, через шесть–восемь раз она полностью смывается – так написано!

Дернул же черт попасться маме именно в эту минуту! Сейчас пойдут разговоры, занудство на полчаса, и призванный на помощь папа подключится: ну, дочка, ну, ты же у меня красавица, зачем тебе это надо... Хотела ведь преподнести «сюрприз»! Что было бы самым разумным. По-пластунски, что ли, в ванную пробираться?!

Но мама неожиданно предложила:

– Давай помогу. Длинные волосы сложно самой намазать. – И крикнула папе: – Мы с Катей в ванной, нам не мешать! И Алешка вернется – пусть на кухне руки помоеет, не рвитесь к нам никто!

И они закрылись.

«Зефир» был самым древним домом в городе, еще с газовыми колонками. Их собирались заменить во время капитального ремонта, но он всё откладывался. Была в них и определенная выгода: летом весь город мучился без горячей воды, а жильцы «зефира» этих мук не ведали. Но Катя всегда боялась колонки. Она помнила те времена, когда их запросто сажали в ванну вместе с Алешкой, и ей доставалось именно то неприятное место с краном, нависающим над головой, со страшной дырой, заткнутой ненадежной пробкой, и близостью колонки, которая шумно, равномерно выдыхает теряющий пламя газ. Алешка подлый нарушает границу двух половин и теснит ее к возможному взрыву, а вода так горяча – и непонятно, что хуже.

Давно прошли и те времена, когда отец заскакивал в ванную во время ее купания – запросто за бритвой. Только мама может войти потереть спинку – а заодно и ручку – а заодно и ножку...

А сейчас она большим гребнем с широкими зубьями расчесывает Катины волосы, намазанные пенкой, уже, кажется, не крамольной. Удивительно, но мама в духе, судя по ее обычному разговору, из тех, что Катя так любит: с одного на другое, сиюминутные дела, куски семейной хроники.

– ...и тогда в подъезде под их дверью оказалась корзинка с грудным мальчиком...

– Ну и ну! В те времена еще такое было! А тетя Надя не могла сама родить?

– Это давно все знали, я думаю, потому и поставили под их дверь.

– Выходит, он мне – никто? В смысле – не родственник?

– Да нет, он всегда рос, как родной, и сам, конечно, считает себя братом тебе и Алеше. Я так рада, что вы его приняли и дружите – а поначалу опасалась немного, что вдруг не сойдется, начнете насмешничать. Он все-таки немного не такой, как все, а вы с Алешкой – порядочные язвы...

– Ну что ты. Матрос салагу не обидит, – покровительственно заявила Катя. – Не бойся, мам, я Никиту люблю – почти, как Алешку! И эта история ничего же не меняет. Это совершенно неважно! Мне наплевать, что он не кровная родня – все равно он наш!

У Веры Васильевны отлегло от сердца. Она правильно выбрала момент! И дочь ее поняла правильно! Все-таки стоит доверять материнской интуиции.

Катя была довольна: цвет получился не искусственный, не резкий, а очень интересный и оживляющий. Видно даже по мокрым волосам. А вот сейчас она их высушит... А мама все же – молодец! Они с ней не на разных островах! Наконец она поняла, что дети – на их стороне, и родителям нечего прятаться от них по углам и секретничать.

– А почему ты сейчас решила рассказать?

– Для тети Нади все это очень болезненно – она считает, что об этом должна знать только семья, и только взрослые. Ну, я и решила, что уже пора. И начала с тебя, а не с Алеши – мне показалось, что тебе важнее знать, ты с Никитой больше сблизилась...

– А Никита сам ничего не знает?

– Конечно, нет. Надеюсь, что и не узнает. Представляешь, как бы все для него перевернулось. По-моему, это для кого угодно было бы тяжело, а для него тем более, он такой...

Катя думала, что мама скажет о чувствительности двоюродного брата, но она завершила неожиданно:

– По-моему, он и так не особенно привязан к матери. Помнишь, тогда отчудил – ему, мол, кажется, что я и есть его мама. Надо же такое сморозить! Конечно, это глупый возраст, родителей по-настоящему начинаешь ценить, когда вырастешь, но я всё так болезненно воспринимаю из-за Нади. Поневоле думается, что это называется чужая кровь – а ведь это просто ребенок...

– Ну, мама, что ты говоришь! – рассмеялась Катя. – Это у тебя уже глюки! Вы же с тетей Надей так похожи, потому он так и сказал! Ничего тут нет обидного!

– Наверное...

Да, тяжело бедным взрослым – и все-то им мерещится, из-за всего они заморачиваются, всего боятся. Такой иногда ерунды напридумают – просто хуже маленьких! Ничего, она всегда будет рядом, чтобы в случае чего успокоить и поддержать. В конце концов, они женщины, и всегда поймут друг друга.

И пусть мама с папой по-прежнему шепчутся на своей кухне – у них с мамой есть ванная, где так здорово вместе наводить красоту и вести свои разговоры.

И, разумеется, не требовалось слов, что Катя будет хранить втайне то, о чем свободно говорилось в семейном кругу.

Часть II

ПОКА РОДИТЕЛИ В ОТПУСКЕ

*«Я с тобой не стану пить вино,
оттого что ты мальчишка озорной»*

Дома царил дух свободы. Катя сразу уловила его, переступая порог, – сильно накурено, что при родителях было немыслимо. Уже в маленьком тамбуре между входными дверями, где у Перехватовых принято менять уличную обувь на тапочки, были слышны веселые голоса брата Алешки и его гостей, мальчишек-студентов.

А дальше распахивались двери и начиналась та чудная прихожая, которые встречались только в их старинном «сталинском» доме – квадратная, огромная, как зал, и уже из нее уходили во все стороны коридорчики, ниши кладовок и двери в комнаты. Если те, кто проектировал такие квартиры, и впрямь предполагали, что здесь будут вешать пальто, и если Перехватовы решили бы так и сделать, то вполне могли бы разместить целый театральный гардероб.

Но они устроили вдоль стен книжные стеллажи с пола до потолка, поставили телевизор, круглый стол и уютные кресла – и получилась замечательная гостиная, где семья, вся или по частям, уж как получалось, любила попить чайку, обменяться новостями и что-нибудь посмотреть интересное. По сути лжеприхожая была любимым местом в доме. Здесь не боялись насорить и крошить, здесь чувствовали себя вольготно, здесь можно было забраться в кресло с ногами – в том числе пуделю Арчи.

Единственное, чего здесь не хватало – это форточки. Кате это пришлось в голову только сейчас.

Сквозь клубы табачного дыма она увидела знакомые с детства физиономии мальчишек – и пару незнакомых.

– О, Джим! Привет! – завопили знакомые.

Алешка, картинно развалясь в кресле, очень вкусно что-то рассказывал, но тут прервался:

– Не советую называть Катю детским прозвищем! Маленькие на такие вещи обижаются – не знаете, что ли.

Катя вспыхнула и напряглась, не зная, как отреагировать, – не книжкой же по голове и традиционным «дурак», как в совсем еще недавние времена. Уж кто-то из них двоих должен уметь вести себя нормально. Но и не ответить нельзя! Тогда он может совсем распусться. Вот всегда она так – молчит и не знает, что сказать, когда самое лучшее – сразить обидчика наповал молниеносной остротой. Но все остроумные фразы обычно приходят в голову потом, когда уже поздно, – в отличие от зубоскала-Алешки с его великолепной реакцией.

Он всегда был умнее и на высоте. Если Катя училась в третьем классе, то он – уже в седьмом, и изучал уже зоологию, и знал много непонятных, а потому обидных слов: одноклеточное, амёба. Похвалялся. Изводил своими познаниями до того, что Катя утром просыпалась и писала записку: «Сам ты амляба!». Забыла, как правильно, и опозорилась на всю жизнь.

И сейчас она не нашла ничего другого, как с высокомерно поднятой головой пройти на кухню. Жесты ей всегда удавались лучше.

А Алешка продолжал информировать своих приятелей, видимо, о родителях:

– ...на юг, почти на целый месяц... Конечно, классно, если бы не сессия, да еще вот за Катюй присматривать...

Катя открыла холодильник – мама перед отъездом набила его до отказа, чтобы дети не сразу умерли с голоду, – и приготовила себе блюдо, одно из тех немногих, что умела готовить: сыр и копченая колбаска, нарезанные тоненько-претоненько, и один кусочек хлеба, так, из вежливости. Композиция на тарелке: две горки и кусок. Запчасти для бутерброда. И Арчи надо дать немножечко, уж так умильно пляшет. Когда процесс приготовления был уже завершен, в дверь заглянула голова Алешки, поводила носом:

– О! Катя! И нам нарежь бутербродиков!

Совсем обнаглел! Катя облила брата через плечо презритель-

ным взглядом, но от него презрительные взгляды отскакивали, и он как ни в чем не бывало повторил просьбу. В ответ услышал:

– Сам нарежь. Твои гости.

– Ну, ты же теперь хозяйка, – объяснил Алексей, заходя на кухню полностью.

Катя посмотрела на него подозрительно, но не уловила в голосе ни насмешливой нотки, ни подхалимской. Кажется, в понимании Алешки роль хозяйки теперь и в самом деле автоматически перешла к ней. Что-то в этом было по-новому приятное.

И сестра сменила гнев на милость. Быстро нарезала стандартных уже бутербродов, которые гости встретили восторженными возгласами.

– И хватит дымить! – кратко пожелала хозяйка вместо приятного аппетита.

Мальчишки, нисколько не смутившись, с удовольствием начали жевать, одновременно предлагая ей свои пиво и тоники. Алешка против ожиданий ничего не ляпнул – но Катя сказала, что любит не пиво, а кока-колу, а ей отвечали в том духе, что им тогда больше достанется.

– У меня есть кола в машине. Хочешь, принесу? Здравствуй, Катя.

Она только сейчас заметила, что в комнате прибавилось еще одно лицо.

Прислонившись к входной двери, стоял мирный викинг лет тридцати, высокий, худошавый, светловолосый. Это был Роман, сын папиных сослуживцев, их соседей по подъезду. Он давно уже жил где-то у жены и здесь появлялся нечасто. Он помнит ее имя! Смутившаяся Катя затрясла головой, утверждая, что совершенно не хочет колы, и тихим голосом пригласила гостя к столу. Алешка ее громко поддержал, и блюдо с бутербродами повторилось, все так же на ура.

Катя собралась было уйти в свою комнату, но Роман ее о чем-то спросил, и она задержалась – да так и осталась за круглым столом, который они с Алешкой когда-то щедро уляпывали пластилином, и клеем, и красками, а теперь за ним же, накрытым красивой скатертью, совсем как большие принимали гостей.

Как же был не похож Роман и на мальчишек с их приколами и глупыми шутками, и на взрослых с их вечным снисходительно-насмешливым тоном! Если он о чем-то спрашивал, видно было, что ему это действительно интересно, и отвечал не для галочки, и рассказывал что-нибудь к месту. И как-то умудрялся, совершенно не улыбаясь, в то же время оставаться заинтересованным и приветливым.

Правда, Алешка не мог не мешать и чуть было все не испортил. Когда Роман спросил, чем Катя собирается заняться на каникулах, и она ответила, что записалась на компьютерные курсы, Алешка охотно влез:

– Это я ее достал, сама бы ни в жизнь не пошла! Представляешь, мне как-то раз надо было перегнать информацию, и я ее попросил, и оказалось, что она не умеет ни заархивировать, ни даже письмо элементарно по электронке отправить! Кошмар! Шестнадцать лет! Десятый класс окончила!

Катя снова вспыхнула – и опять растерялась. Но Роман, с его доброжелательно-ровной манерой разговаривать, и Алешку сумел как-то выровнять, рассказав, как сам был абсолютным чайником, пока на работе не потребовалось всерьез влезать в компьютер, и какие книжки действительно помогли, а на какие можно не тратить время, и еще надавал Кате кучу практических советов, на что надо обязательно обратить внимание на курсах. Алешка отцепился, а она с благодарностью слушала, все больше проникаясь симпатией к своему взрослому гостю, такому серьезному, такому умному, такому деликатному – и такому красивому. Его узкое лицо и темные брови при светлой шевелюре казались Кате особенно породистыми.

И в собаках ее собеседник знал толк, уделив внимание ее любимому Арчи: расспросил о масти, а она была у пуделя редкой – абрикосовой, о родословной, рассказал, что сам мечтает о собаке. И еще успевал со всеми остальными перебрасываться какими-то фразами, в то время как Катя смотрела только на него. Она совершенно не думала, зачем же Роман к ним зашел, ей только хотелось, чтобы он не уходил как можно дольше. Но он, выбрав момент, отлучился с Алексеем в другую комнату и, переговорив о чем-то, стал прощаться.

После его ухода Катя сразу скисла и ушла к себе. Было уже совсем поздно и время ложиться спать, когда брат к ней заглянул:

– Мы пойдем погуляем.

– Чего сейчас гулять! – удивилась Катя. – Днем гулять надо.

– Днем – солнце печет, – наставительно сказал Алешка, – а вечером – приятная прохлада. Когда начнешь понимать?

Июнь выдался холодный, и днем-то зуб на зуб не попадал, и все вытаскивали назад уже убранные свитера и куртки. Но Катя, проглотив издевательство, спросила:

– А зачем Роман приходил?

– По делу, – все таким же «отеческим» тоном ответил Алешка.

– Пока. На цепочку не запирайся.

«Кто спит по ночам? Никто не спит!»

Заснуть было решительно невозможно, хотя рассудительная Катя и отложила «Дневной дозор»: начнешь читать – не остановишься, а утром вставать на курсы. Нужна будет свежая голова. Правда, книжку Алешка у кого-то взял на время, особо тянуть не стоит, ну да ведь – каникулы! И все успеется.

Вот только сна ни в одном глазу. А в голове – сегодняшняя музыка, обрывки разговоров вертятся без конца. Чтобы переключиться, Катя потянулась к полке с маленькими томиками – попалась Цветаева – и раскрыла наугад. Такое чтение неопасно, как раз на ночь. Но выпало «Настоящее, первое счастье, не из книг!», после чего вся встреча с Романом завертелась в голове заново.

Было глубоко за полночь, но глаза и не думали слипаться. Наоборот, Катя прекрасно различала в темноте очертания вещей и даже буквы на корешках книг. Квадрат света от фонаря за окном падал на картину: девочка в ночной рубашке тянется к блюду с фруктами, а на ковре дремлет большая желтая собака. Когда Катя была маленькая, то думала, что это нарисована она, а собака – Пальма с соседской дачи...

Вздыхнул на своем коврикe Арчи – осмысленным человеческим вздохом, как только собаки умеют. Как же тихо! И Катя

внезапно ощутила всю пустоту большой квартиры, где живых-то – только она да пудель.

Пустота была непривычна тем, что она настоящая. Родителей и раньше постоянно не было дома, особенно после того, как Белогорский научный институт развалился на куски, и папа стал директором одного такого куска. А в мамином институте как раз в июне всегда сессия, и она тоже пропадает на работе. Они с Алешкой привыкли быть самостоятельными. Но все равно родители, хоть их и не было, всегда как бы были. А вот сейчас их нет по-настоящему – совсем далеко, и вернуться совсем не скоро.

Катя не то чтобы скучала, а прислушивалась к себе – вроде когда-то уже была такая же пустота. И точно, была. Давным-давно, лет пять назад, когда мама попала в больницу, а папа был в заграничной командировке. Они с Алешкой были еще маленькие, и их разобрали к себе разные родственники.

Она попала к дяде.

Изо всей жизни, прожитой у него, Кате особенно отчетливо запомнился деревянный пол. Чуть искривленные линии досок, гвозди и трещины в них и щели между ними. Должно быть, она упорно глядела вниз, потому что тетя всё пыталась добиться ответа на вопрос: «Ну, чего под ноги уставилась?». А лица тети и дяди почему-то не запомнились – в отличие от трещины в полу, похожей на дерево с ветвями.

Родственники не были злыми или жадными людьми. Тетя всегда пододвигала Кате большую тарелку, доверху наполненную едой, и с пристальным вниманием глядела, как она ест. Ложка опускалась. «Во, опять не ест ничего!» – словно бы победоносно заявляла тетя. «Не ест – значит, не хочет, – резонно и медленно отвечал дядя, ковыряясь в часах. – Захочет – поест».

Катя изо всех сил старалась казаться незаметной. Она или гладила потихоньку хозяйскую болоночку Шпульку, или, сидя на полу, рисовала дорогу. Дорога пересекала лист, и по обеим ее сторонам располагались леса, поляны, лужайки – веселые, с цветочками. К одному листу приставлялся другой, и дорога продолжалась, менялись только окрестности. Разложив десяток листов в одну линию, можно

было видеть всю дорогу от начала до конца. Впрочем, конца у нее не было – в этом и заключался замысел. Кате не надоедало. Но и ее рисование раздражало родственников. «По дому скучает», – как бы уличая ее в чем-то постыдном и оскорбительном, комментировала тетя. А дядя, не поднимая глаз от часов, отвечал: «Займи ее делом. В магазин пошли, что ли».

В магазине Катя брала сдачу, не считая, – она не надеялась на свои математические способности. Продавщица же профессионал, у нее это лучше получится, а Катя будет долго вычислять, запутается и только задержит усталых людей, стоящих в очереди. «Опять! – торжествовала тетя, когда Катя отдавала ей сдачу. – Опять ее на полтинник обсчитали!». Дядя не сразу поднимал голову. «Да ты погляди на нее, – медленно говорил он, медленно привинчивая колесико. – Ее же так и хочется обсчитать».

Он словно радовался любому подтверждению никчемности племянницы, но вместе с тем эта никчемность выводила его из себя. Катя не шумела, не бегала, не путалась под ногами, не приставала с глупыми детскими вопросами. Но именно это спокойствие и раздражало дядю. Он ощущал в нем нечто противоположное собственной природе, но придрасться хотелось к чему-то конкретному – а повода не возникало. Приходилось начинать без повода либо использовать устаревший. Это неприятно нарушало логичность обвинения. А очевидность того, что столько эмоций вызывает существо ничтожное, взятое в дом из милости, становилась последней каплей.

«Суть не в полтиннике, – толковал дядя, подняв указательный палец. – Суть в человеке. Не полтинника жалко, а что такие люди неизвестно для чего живут, да еще и вырастают. Я с одного взгляда скажу, из кого толк будет, а кого природа так, в придачу создала». Катя догадывалась, что ее природа создала в придачу.

Дома она представляла ценность, не подлежащую сомнению. Никому в голову не приходило требовать, чтобы от нее был какой-то толк. Она удивлялась, как дядя этого не понимает. Но здесь, у дяди, обнаружилось, что есть мерил человека, и по этим мерилам выходит, что ценности в ней нет. Речь была длинная, не слушать ее было невозможно, но Катя запоминала лишь интонацию:

видовые различия между ней и дядей были столь велики, что дядино-го языка она не понимала.

А дядя во что бы то ни стало хотел доказать ее ничтожность – но чтобы и она это увидела. «Это дома тебя избаловали вконец! К чему приспособлены твои голова и руки? У таких, как ты, они ни к чему не бывают приспособлены. Сметливости в тебе нет, расчетливости нет, да ничего нет! И если оставить всё как есть, то вырастет урод, не умеющий ни другим пользу принести, ни себя устроить в жизни! Нет, если в десять лет ты только и умеешь разбрасываться чужими полтинниками, то дальше и подавно не будет толку! Таких, как ты, надо ломать!»

Дядя прямо-таки загорелся идеей бороться с Катиной ничемностью. «Вот ты молчишь всё и думаешь, какой дядя плохой. Ты нас словом не удостоишь, будто ниже себя считаешь. А может, покажешь, на что способна? Я в десять лет уже умел зарабатывать деньги! Опять молчишь? Неприятно слушать? Вон Шпулька щенков принесла, не знай, куда девать. Неси-ка их на базар, будет картинки рисовать!» – входя во вкус, выкрикивал дядя. «Чего разошелся? – осадила его тетя. – Связался черт с младенцем. На какой базар посылаешь? В магазин-то нельзя послать». «А ничего! – восклицал дядя. – Пускай! Всё на пользу пойдет! Ну, где твое самолюбие?»

В Кате в тот момент не было самолюбия. Она не хотела на рынок.

«Ходи и предлагай: породистые щенки! и нахваливай, да как следует, – азартно поучал дядя. – По десятке с хвоста дадут – и то дело. Ну! Прямо сейчас и отправляйся!» «Да будет тебе», – опять вступилась тетя, но он решил довести дело до конца.

«Ах, ты никак? А я вот так!» Он вмиг притащил ведро с водой и двинулся к балкону. Шпулькины щенки лежали в пустом цветочном ящике, поставленном на бок. Они были мелкие и слабенькие, с тонкими скрюченными лапками, похожие на крысят, но с курносими мордочками: их папой предположительно являлся японский хин из соседнего дома. И Катя очнулась.

Она понесла их в коробке из-под обуви. Дядя ликовал.

В Кате действительно не было сметливости. Она даже не по-

пыталась пристроить щенков у знакомых или найти Алешку и все рассказать ему, а пошла, как было сказано, – на базар. Хотя совсем не знала, что будет там делать. Было ужасно стыдно. Но речь шла о жизни и смерти. Остановилась у ворот, притворившись, что читает объявления. По обе стороны ворот, у одинаковых тележек, стояли две торговки и продавали одинаковые пирожки. Встать где-то здесь, рядом, и тоже начать торговать?!!

Держа перед собой коробку, Катя медленно побрела по рынку, ни на кого не глядя и словно прогуливаясь. Если бы кто-нибудь к ней обратился, она бросилась бы бежать. Но вот над ухом раздался бас: «Продаешь, что ли?». Катя умерла на месте, а когда подняла глаза, человек уже прошел мимо. Это был покупатель! Он мог купить щенка и сократить это ужасное хождение, конца которому, наверное, не будет! Но он уже ушел...

А дорога неумолимо вела дальше, слева и справа – прилавки, торговки, прохожие. Конца тут действительно не было: круг кончался, и начинался новый круг. Катя шла, уже поднимая глаза на встречные лица – с надеждой – но на нее не обращали внимания. Страх исчезал. Время пошло медленнее. Прилавки, торговки, прохожие слева и справа стали отчетливее, словно на них навели резкость. Уже дважды она сумела объяснить любопытным, что это за звери в коробке. Знакомые не встречались. Никто ее не прогонял, не стыдил. Скоро ей уже было не стыдно – она была уже не она. И даже когда подошел милиционер и заявил, что здесь нельзя торговать животными, нагло спросила: «А вам не надо щеночка?». «Нет», – ответил милиционер и ушел.

После первой удачи – одного щенка купила симпатичная женщина – Катя шла мимо тех же прилавков и торговых, но только важная и радостная. Оставшиеся щенки уже не были несчастными, которых надо спасать от ведра с водой. Они были товаром. Катя расписывала своеобразие и уникальность их породы и просила за каждого десять рублей. Молодая парочка взяла одного, покрупней и побойчее. Но последнего, щуплого, сморенного солнцем, никто не хотел брать. А базарный день кончался, торговцы сворачивались.

Мимо опять прошел милиционер, но Катя даже не повернулась в его сторону.

«Куплю детишкам!» – пьяный дяденька шарил в кармане. Но Катя, прижав к себе коробку, проскочила дальше. Почему-то представилось, что пьянчужка сунет ее задохлика в этот свой карман и раздавит – или потеряет по дороге. Она бродила по рынку, пока не отдала его в более надежные, вроде бы, руки. За полцены. Но это уже было неважно. На рынке остались только Катя, милиционер и две торговки с одинаковыми тележками, продающие одинаковые пирожки.

По лестнице Катя взбегала все еще с победным видом, размахивая пустой коробкой. Потом роль кончилась. Она устало позвонила в дверь. С усталостью и отвращением посмотрела на дядю. Она прекрасно понимала, что он не начнет ее любить.

Еще она твердо знала, что ни к чему рассказывать родителям все подробности ее жизни в разлуке с ними. Катя ни за что не стала бы их расстраивать, и совершенно равнодушно смотрела, как папа и мама рассыпаются в благодарностях дяде и тете и, смущаясь, что-то им дарят. Пусть это компенсирует им те полтинники. Двадцать пять рублей ведь явно мало.

Что это вдруг всплыла та давняя история? Катя когда-то приложила немало усилий, чтобы ее забыть. Ах, да – тихо, пусто. Мамы с папой нет. И неожиданно Катя ощутила радость, почти подпрыгнула: она теперь большая, она взрослая, сама себе хозяйка, в своем доме! Не будет никаких дядей! Никто и никогда больше не посмеет над ней издеваться!

И это совсем по-другому расцветило разлуку с родителями, по которым она все-таки скучала.

«Желанная всюду гостья: всем спать не даю»

Прогресс мчался вперед, а компьютер отставал от него и смешил своих пользователей, наивно предлагая поменять в тексте «интернет» на «интернат» и «мобильник» на «могильник». Катя предложила старенькому пентиуму, который ей достался, запомнить новые

слова, и ощутила что-то вроде равенства: она здесь не только учится, но и сама может кое-чему научить железаку.

Курсы ей понравились: теорией о том, как устроен компьютер, которая все равно не задержится в памяти, не заваливали, сразу перешли к практическим вещам, учитель попался толковый, и ее гуманитарной – и все-таки не совсем выпавшейся – головы на первые два часа вполне хватило.

Но, как оказалось, не все оценивали занятия только по этим параметрам.

– С ума сойти, одни девчонки! А я-то думала, одни мальчишки будут.

Катина ровесница, вышедшая вместе с ней в перерыв на крылечко, тряхнула рыжей челкой, и широкая улыбка расплылась на лице, которое совсем не портили веснушки. Катя вежливо улыбнулась, отметив про себя, что девчонка, видимо, из тех, кто специально залезает в автобус через заднюю дверь, потому что там обычно заходят мужчины. Такого добра и в ее классе полно – с тоски помрешь, слушая болтовню о мальчиках и тряпках.

Но с Лилькой помереть с тоски было невозможно. Она трещала – но совсем не нудно, а так захватывающе, так лучезарно, без тени сомнения, что ее болтовня может быть неинтересна собеседнице. Через десять минут Катя уже знала всё о ее классе, о ее поселковой школе в Сосновом Бору, и, главное, о ее тусовке. Встряхивая рыжими кудрями, жуя, жестикулируя булкой и широко улыбаясь, Лилька тараторила не переставая:

– Ольга, знаешь, какая девка подлая, с ней сейчас налаживает отношения Кирилл, так она до этого ходила с Юркой из одиннадцатого класса – он теперь с Вероникой из десятого «Б» – а сейчас ей нравится Олег, он вообще не наш, с другого конца города, а у него своя девчонка есть, Алька, хорошенькая такая, а за Кириллом Ольга сама увивалась одно время, чертова вешалка...

Катя не знала ни Ольгу, ни Кирилла, ни всех остальных из Лилькиной тусовки, но увлеченность, с которой всё это рассказывалось, веселила ее, как воробьиное чириканье. Невольно вспомнилась считалка «Жили-были три японца»:

*Вот они пережились:
Як – на Цыпи,
Як-Цидрак – на Цыпи-Дрипи,
Як-Цидрак-Цидрак-Цидрони –
На Цыпи-Дрипи-Лимпомпони.*

Она не сдержала улыбки, но тут же вогнала ее в рамки заинтересованности разговором – и Лилька воодушевилась еще больше. Повествование кружилось в основном возле Кирилла, который, судя по ее словам, был чем-то вроде предводителя, имел самую большую коллекцию пробок от бутылок и умудрялся наскандалить везде, где появлялся, даже во время собственного Последнего звонка. Потом в честь этого события вся компания отправилась встречать рассвет на озеро, а потом в столовку – греться, что куда прикольнее, чем кинуть дома у телевизора. С чем нельзя было не согласиться.

Лилька совсем обворожила Катю своей непосредственностью, и домой после курсов они шли вдвоем. Сначала Катя провожала Лильку почти до самого Соснового Бора, а потом Лилька, в упоении от новой дружбы, отправилась проводить Катю до дома.

– О, да ты в «зефире» живешь! А я в нем не была ни разу!

Так назывался в народе их дом – розовый с белыми карнизами, когда-то привилегированный, построенный одним из первых в городе для сотрудников папиного НИИ. Такой же в Белогорске престижный, как Дом на набережной. И, не в силах расстаться с новой подругой, Лилька оказалась у Кати в гостях.

Полная свобода и перехватовская прихожая привели ее в восхищение. Лилька порхала от шкафа к шкафу, ей все было интересно и все хотелось потрогать. Например, статуэтку темного дерева: два пузатых кривоногих человечка поддерживают над головами плоскую тарелочку. Катя показала, что если их перевернуть, пузики превратятся в головы, ноги – в руки, а подставка под ногами – в тарелочку, которую два таких же точно чудака опять будут держать над головами.

Лилька была в бурном восторге от перевертыша, и пришлось показать ей еще один, уже из посудного шкафа: обычный пейзаж на старинной фарфоровой тарелке, с холмом, ведущей к нему дорогой

и деревьями на лугу, если повернуть его на бок, превращался в голову великана в профиль. Деревья становились шевелюрой и бородой, замок – носом, домики – глазами. Лилька заливалась смехом, снова и снова вертела тарелку, и положила ее на место только после того, как увидела графинчик со стеклянным чертиком внутри.

Чертик торжественно поднимал бокал, который всегда чудесным образом оказывался полон – хоть переверни графин вместе с чертом вверх ногами. Правда, вместо положенной водки Перехватовы наливали в него настоящую родниковую воду, которую не ленились возить для питья. Воду девчонки тут же выпили для чистоты эксперимента и заели конфетами. Лилька и переворачивала графин, и трясла – но у хитрого черта не выливалось ни капли – и под конец, обхохотавшись, упала в кресло и заявила, как же здорово у Кати в гостях. Катя была польщена.

А Лилька увидела магнитофон, без спросу включила музыку, потом заметила в Катиной комнате большое зеркало и переместилась туда. Тут же ей захотелось посмотреть Катини наряды, а потом – примерить их. Катя от души веселилась вместе со своей необычной шумной гостьей, надевая разные тряпки в немыслимых сочетаниях и прыгая в них перед зеркалом, чего никогда от себя не ожидала – но тем это было прикольнее. Давно наступил вечер, но они обе этого не замечали. Лилька продолжала развлекаться, накручивая им какие-то немыслимые чалмы из цветных полотенец, накидывая развевающиеся шали и покрывала и навешивая на шеи и на руки гремящие бусы и длинные цепочки.

Вернувшийся домой Алексей увидел в комнате своей серьезной сестры пляски дикарей и полный разгром.

– Обучение началось, – проговорил он, видимо, имея в виду компьютерные курсы.

Новая Катина знакомая очаровательно ему улыбнулась, а взглянув на часы – стрелки подходили к одиннадцати – ахнула и заторопилась к выходу, стаскивая с себя чалму. Уже на пороге ее осенило:

– Надо тебя с нашими познакомить! Ты такая прикольная девчонка! Добром спрашиваю – классная идея?

Не слушая ответ и уже сбегая по лестнице, Лилька всё развивала свою идею и кричала Кате какие-то указания.

***«Нежный призрак, рыцарь без укоризны,
кем ты призван в мою молодую жизнь?»***

– А ты что-то рано! – язвительно сказала Катя, проходя в свою комнату и не глядя на брата. – Совсем не погулял сегодня!

Кто его знает, вдруг начнет взрослого из себя корчить и что-нибудь ей выговаривать. Лучшая защита – его опередить. Но Алексей не расположен был выпендриваться.

– Какое гулять, холод собачий, – сказал он, пожав плечами. – Правда, Арчи?

Пудель, согласно скуля, подпрыгивал, кланялся и молотил хвостом по полу. Ждал, что потреплют по хохолку. «Подхалим, – подумала Катя. – Я – хозяйка». Но пес продолжал прыгать вокруг брата, на плече которого – она только сейчас заметила – висела розовая дамская сумочка. Катя уставилась во все глаза и наконец нашлась:

– Тебе к лицу.

– Балда, – необходимо отозвался Алешка, – это тебе к лицу, – и всучил ей сумку.

Катя принялась вертеть ее в руках – новая, с этикеткой, а Алешка рассказывал:

– Кидали дробинки в парке, размялись немного. Это приз.

– Робин Гуд, – отвечала Катя, – спасибо. – И не удержалась: – Больше, что ли, некому подарить?

– Ты у нас на даче не была? – не отвечая, спросил Алешка.

– Нет. Что мне там одной делать?

– Так, мало ли. Ромка с женой поссорился, а родители его уехали. И ключ от их квартиры он, как на грех, куда-то задевал. Дома скорее всего оставил, а возвращаться не захотел. В общем, я ему дал вчера ключи от нашей дачи. Не в машине же ему было ночевать.

Брат смотрел вопросительно. Конечно, это по-дурацки – вот так сообщать ей задним числом. Ее формальное согласие, разумеется, ему и вчера было не нужно, а надо, по-видимому, только чтобы

она родителям не наболтала лишнего. Как будто она когда-то что-то болтала! О сигаретах, которые он таскал у папы, когда тот еще не бросил курить! Или о том, как он вечерами на даче убегал к друзьям, оставляя ее одну! Никогда никакой благодарности! Сказала бы ему, если бы речь шла не о Романе!

– Конечно, пусть живет, – сказала Катя. – Сколько нужно.

– Ну вот и ладно, – зевнул Алешка. – А я спать. Завтра экзамен.

– Нет чтоб шпоры писать до утра, как положено.

– В ломак. Перед смертью не надышишься.

Катя убрала разбросанные вещи и еще раз посмотрела на себя в зеркало. Высокая, но не каланча. Это плюс. Прямые каштановые волосы ниже плеч, густые, с искоркой. Тоже плюс. Глаза в детстве были ярко-синие, а теперь просто серые. А у Алешки синие остались, даже завидно. Зачем ему? Ей бы нужнее. Ресницы, в принципе, можно и не красить, но покрашенные все-таки лучше. Да и хорошая тушь уже куплена, не пропадать же ей. Проколотые недавно уши уже не распухшие, можно их волосами не занавешивать. И новенькие сережки хороши! Но на несколько плюсов тут же нашлась куча минусов, хотя мама и утверждала всегда, что только сама Катя их видит.

Маме хорошо, она – красавица, прямо как артистка. Счастливый классический тип красоты, когда и в любом наряде хороша, и любая прическа идет, и косметики почти не надо. Почему родители не могут полностью повторяться в детях? Она бы не отказалась... Мама говорила Кате в утешение, что у нее просто другой, более современный тип внешности. А может, это правда? И, может, это тоже хорошо? Катя попыталась посмотреть на себя посторонними глазами, но осознав через какое-то время, что это глаза Романа, резко отошла от зеркала.

Спать! Не думать о глупостях! Он недосыгаем. У него своя, взрослая жизнь, которая с ее, Катиной, никогда не пересечется. – Он свободен! Он из этой своей жизни сбежал! Сказал же Алешка!

Он далеко. Он всегда был и будет далеко. – Он почти рядом! Он сейчас у них на даче! Может, даже в ее комнате! И невольно думает о них... и о ней!

И томик стихов ей заявил: «Целую Вас через сотни разъединяющих верст!». Глупости!

Катя открыла другую страницу, тоже произвольно. «Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес». Колдовство какое-то! Надо взять другую книжку.

«Надоело мне быть незнакомкой, быть чужой на твоём пути». Еще раз, вернуться в первый томик!

«Я старых встреч при нашей новой встрече не утаю».

Стихи не сдавались и раз за разом упорно твердили о любви.

Старые встречи. Их было немного – настоящих, кроме «здрaсте» на лестнице. Родители Романа иногда заезжали вместе с ним к ее отцу, на дачу. Но он всегда был недосыгаемо взрослым, ему тогда и с Алешкой-то не о чем было разговаривать. Он просто, вежливо скучая, ждал, когда закончится пикник. А их детская компания бурно обсуждала фильм, кажется, одну из серий «Звездных войн», на которую Катю не взяли.

Алешка иногда позволял себе такие гадости. Обычно они ходили в кино в соседний Дом культуры на все фильмы, и эротические, и фантастические, и ужастики, всей компанией – и кому за пять, и кому за десять. Кино для дачников крутили без особых строгостей. Старшим братьям и сестрам, выполнявшим воспитательные функции, пока родители на работе, проще казалось везде таскать младших за собой. Особенно по вечерам. Может, лесная обстановка напоминала «Гуси-лебеди». Зевающему контролеру показывали длинную ленту билетов (ёлки, не считать же) и проходили в зал. Малыши незаметно путались под ногами.

Катя уже не помнила, за что тогда Алешка на нее взъелся. Не за то, что она что-нибудь натворила. Она никогда ничего не творила. Наверное, просто из вредности. Ведь в детстве разница в три года – повод не для снисходительности, а для произвола. И неоспоримый резон напоминать, где твое место.

А этот фильм так ждали! Даже Светика, ее подружку, протащили, а ей тоже было шесть! В общем, во время обсуждения «Войн» оставалось только сохранять достоинство. Не выглядеть несчаст-

ненькой. «А Джима не взяли!» – это правда кто-то хихикает или показалось?

Джим был их серый охотничий песик с длинными черными ушами. Он очень долго жил у Перехватовых, а потом уже появился Арчи. Когда старшие играли в теннис и мячик укатывался, Джим приносил мяч. Джим вскоре умер от старости, мяч стала подавать Катя, и, конечно, ее стали звать Джим. «Джим, лапочка, – мячик!»

Ничего унижительного в таскании мяча не было (кстати, после того Джима он был слюнтявый, а после Кати – нет), Катя любила и теннис, и старших, когда они не вредничали. А такое замечательное имя выгодно отличалось от заурядных «Серый», «Длинный», «Рыжая».

Вот Светка просто Светик. Светик-детик. Подсаживается дружески, но с превосходством: «Хочешь, перескажу, что там было?». Изо всех сил непринужденно: «Мне мама рассказывала». Не хватало еще доконать ее благотворительным пересказом.

Дети, расположившись за импровизированным столом, что-то жевали. Взрослые уже перекусили и пошли прогуляться на озеро. Роман остался, сидел поодаль и смотрел поверх голов – а все наперебой говорили, что он похож на главного героя.

Длинный летний вечер превращался в ночь. Звезды летали стаями и рассаживались в гнездах сосновых крон. Все хотят спать. Или только Катя? И пить хочется... «Дайте водички!» Под смеющийся шепот ей протянули стакан. Она спокойно отхлебнула. Что было дальше, Катя совсем не помнила. А после этой выключенной из сознания минуты она увидела Романа уже не в стороне – он раздавал тумачи, а ее обидчики слезливо оправдывались, что нечаянно налили водки вместо воды.

Старые встречи! Расправа вспоминалась смутно, какими словами утешал ее защитник – тоже. Но Катя и теперь отчетливо и живо помнила запахи сосны и полыни, и как они сидели вместе под сосной. И это было ее лучшее в жизни воспоминание! Роману было тогда, кажется, девятнадцать, он казался таким же взрослым, как родители. Время утешения давно истекло, и она никак не могла понять, почему он не идет в свой интересный взрослый мир...

Во взрослом мире он был студентом. Мама говорила, что у него «светлая голова», и она советует ему поступать в аспирантуру. Кто-то еще говорил так же. А однажды Роман пришел к ним в квартиру, к маме, с зачеткой, так как отчего-то не получил (или не сдал?) зачет со всеми. Его попросили подождать немного. Действительно, светлая голова – полумрак прихожей осветила его шевелюра.

Катя в тот момент рылась в книжном шкафу, сидя на корточках, и смотрела на него снизу вверх. И он даже вспомнил ее имя. «Тебя зовут Джим – как в "Оводе". А почему?» Она тогда еще не читала «Овода». И после некоторых колебаний рассказала о собаке. И оказалось, что он помнит их серого Джима! И других собак на их дачах! Он потом часто там бывал. И желтую Пальму с хвостом-веером!

Потом Катя сообщила Светику безразлично: видела такого-то, – и с восторгом: он помнит Пальму! А у Светика оказалось свое воспоминание, связанное с Пальмой: как Роман и одна девушка, самая красивая, помнишь? – шли по берегу озера и целовались под пляжным грибком, а Пальма бежала за ними и махала веером-хвостом. Он будто бы тогда влюбился и зачастил к той девице.

Проклятый гриб! Он так и вспыхнул в глазах – гром и молнии! Ну нет. Пусть исчезнет! Это было, значит, этого уже нет. Она не даст всё испортить.

Катя и сейчас решительно задвинула в сторону этот кусок воспоминаний. Ведь было уже решено, что ей нравятся брюнетки, и вот в ее жизни опять появилась светлая голова! Это не может быть случайным и ничего не значить. Есть только сегодняшний день, есть новая жизнь, когда они оба взрослые и свободные, – и нет никаких бывших красавиц и поссорившихся жен. Почему бы и в самом деле не заглянуть на дачу? Ну, может, прогуляться где-то там, поблизости. Катя представила, как Роман проезжает мимо – кстати, а какая у него машина? – как замечает ее, тормозит и предлагает подвезти...

А разговор с ним – ее тайным детским Воспоминанием, чье имя волшебным образом могло превращаться и в книгу, и в сердечное увлечение – продолжался уже во сне.

*«Наступило прохладное лето,
словно новая жизнь началась»*

– Ну что, сдал? Весь в пятерках?

– А то! – гордо отвечал Алексей. – Главное – что? Правильно выглядеть!

Выглядел он настоящим франтом: от одной только белой рубашки, которую заранее нагладила мама, можно было потерять дар речи. Интересная бледность на интеллигентном лице молодого человека и умный, несколько утомленный взгляд не оставляли сомнений, что он ночь напролет сидел над книгами, но, несмотря ни на что, экзамен для него – праздник.

– Вот ты – препод. – Алексей проникновенно посмотрел на Катю. – Ведь мне же хочется поставить пять?

Катя, сидя на подоконнике, вертела маленький, маминих еще времен калейдоскопик, найденный в шкафу, когда они бесились с Лилькой, и ответила не сразу.

– Конечно, хочется. Тебе заранее положены пятерки с плюсом. Ты же преподавательское детище, маменькин сынок. Куда им деваться? Вот я ни за что в этот институт не пойду!

– Потому что мозгов не хватит, – доброжелательно пояснил Алешка, снимая роскошную экзаменационную рубашку и доставая обычную майку с джинсами.

Вместе с костюмом полностью изменилась и его живая физиономия: взамен интересной интеллигентности вылез постоянный ехидный прищур, губы сжались в скептическую улыбочку: плавали – знаем.

Катя, не глядя на него и не реагируя на колкость, вдруг начала крутить калейдоскоп в другую сторону.

– Вот только что была! Такая красивая картинка! Я хочу разглядеть ее еще раз!

– Назад, что ли, крутишь? Бесполезно, – авторитетно заявил Алешка. – Что с возу упало – не вырубишь топором. Там же несколько тысяч композиций! Это ж калейдоскоп, соображать надо.

– Значит, не поймать? – безнадежно спросила Катя.

– Да плевать на нее. А ты чего не пляшешь сегодня? Где эта рыжая?

– Лилька? Она на курсах что-то не была, – ответ получился даже грустный какой-то: кажется, Катя успела привязаться к взбалмошной подружке. А они и телефонами не обменялись!

– Обучение завершилось, – констатировал Алексей. – А чего сидишь киснешь?

– Холодно. Мы с Арчи только вышли – и тут же назад. И нет никого: Светик на море с предками, Ада на даче.

Это были подружки. Катя и раньше на летних каникулах виделась только со Светиком, потому что их дачи рядом.

Летом Катю и Алешку, как только кончались занятия, всегда вывозили на дачу в Сосновом Бору. И хотя она была недалеко от Белогорска, жизнь там шла совсем другая, дачная. Только иногда они заезжали в городскую квартиру за вещами, и Катя с удивлением смотрела на валики тополиного пуха на асфальте, и сам асфальт был другой, раскаленный, а их подъезд, наоборот, – прохладный, гулкий и таинственный, совсем чужой. И квартира была другая, полусонная, с отчужденными, оцепеневшими вещами. А на улицах расклеены афиши с обещанием яркого и праздничного – какие-то артисты приезжают. Словом, лето в городе было совершенно особенным, заманчивым и незнакомым.

Кате так хотелось его попробовать! Она потому и придумала компьютерные курсы, пока у Алешки сессия, чтобы не отправили на дачу. Ведь жизнь должна меняться, должно быть что-то новое. И так все началось здорово! Только вдруг пошло по затухающей. Наверное, из-за холода – какое же это лето, в свитере у обогревателя. До настоящего тепла должны были пройти, как всегда, какие-то девять холодов, но вот этот холод уже просто ненормальный. Какие уж тут прогулки – под противным дождиком – в сторону дачи!

Только Алешке холод нипочем – опять куда-то намылился. Наскоро покидал в рот какие-то куски и стоит уже в прихожей.

– Дротики кидать? – спросила Катя.

– Надо же отметить. Сдали же! Слушай, а ты еду покупаешь?

– Нет пока, еще не все съели, что мама накупила.

Алексей полез во внутренний карман куртки, достал деньги – вот, оказывается, сколько родители им оставили! Ну, ему будет на что отмечать, хоть каждый день. А ей сейчас щедро даст три рубля на мороженое или что-нибудь вроде того...

Но брат аккуратно поделил сумму пополам.

– Вот. Это тебе. Так будет техничней – вдруг мы не всегда сможем пересекаться. Я в поход на какие-нибудь выходные собираюсь, и вообще...

Не успела Катя опомниться, как он, подумав, отделил от каждой кучки по несколько бумажек:

– А это будут деньги на всякий случай. Мало ли чего. Куда бы их?

Взял с полки статуэтку с пузатыми человечками – одна из плоских тарелочек над их головами, если присмотреться, была двойная. Свернул рубли, запихнул в щелку – незаметно.

– Вот так. Вынимаем только вместе! Пока. Меня не жди, на цепочку не запирайся. А хотя... можешь и запираться!

И поскакал по лестнице.

Катя пересчитала свою долю. Столько денег она держала в руках первый раз. Значит, она действительно взрослая, если уж Алешка решил так распорядиться деньгами.

Кажется, и в самом деле началась новая жизнь!

«И страстно стучит рок в запретную дверь к нам»

Пушкин, Толстой и другие классики были книгами. Ну, самое большее, памятниками. Но все-таки больше книгами – родительскими собраниями сочинений с золотым тиснением на корешках. И когда вечером из полураскрытой двери в западную комнату в прихожую попадал закатный луч, застекленные полки наполнялись необычным богатым светом, и красные, синие, зеленые ряды книг начинали полыхать и становились живыми.

А вот «серебряные» поэты почему-то для Кати книгами не были, а были людьми, с фантастически интересными жизнями, больше похожими на романы, которые их творчество лишь допол-

няло, служа своеобразным дневником событий. И сами книги – их и о них – приходили в дом необычными путями: какие-то «удалось достать», как говорила мама, еще в те времена, когда книги доставали, а цветаевский «Лебединый стан» – настоящий самиздатовский, машинописный – маме тогда же продал на Тверском бульваре таинственный незнакомец. И мама от души сочувствовала Кате, что те имена, которые для нее были собственным открытием, теперь оказались причислены к школьной обязательке.

Но теперь маленькие карманные томики «серебряных» поэтов вдруг перестали быть вещью в себе и один за другим переместились в Катину комнату – они начали говорить с ней и о ней. Вечером уже полагалось их полистать и помучить вопросами. Но сегодня предсказания выпадали сплошь невнятные, расплывчатые – похоже, с ней не желали разговаривать. Значит, пора приниматься за «Дозор» – он наверняка заполнит весь вечер без остатка.

А когда от «Дозора» было уже не оторваться, раздался звонок в дверь. Катя неохотно потащилась открывать, и, посмотрев в глазок, оторопела – Роман!

Он, как всегда, не улыбался, но был приветлив. Узнав, что Алешки нет, проходить не стал и протянул Кате связку ключей:

– Передай ему, пожалуйста. А это вам к чаю.

Катя машинально взяла протянутый торт. Дверь закрылась. И это всё?!

Ничего больше не будет. Размечталась! Ключи от дачи – они ему больше не нужны. Но не обязательно же это значит, что он вернулся домой! Может же он перебраться к друзьям, к родителям!

Катя набрала Алешкин номер. Пусть думает о ней что угодно, что она маленькая дурочка, которая послушно докладывает старшему о каждом чихе, – но пусть что-нибудь скажет, если знает. Это лучше, чем мучиться в догадках и домыслах. Брат долго не отвечал, потом никак не мог ее расслышать, а услышав о ключах, отозвался:

– Да, я знаю уже, он с женой помирился, там все в порядке. Чего? Какой торт?

– Хороший торт. «Шоколадная бомба».

– Начинай без меня! – великодушно разрешил Алешка, как будто требовалось его разрешение. – Оставь только мне половину.

Ну что ж, все равно ей целиком его не съесть. Катя взяла самый большой и острый нож, настоящий тесак, прицелилась, изловчилась, чтобы не поломалась глазурь. Потом как тяпнет – да пусть ломается. Плевать. Решительно раскрыла книжку, устроилась на диване поудобнее. Сегодня она разрешает себе читать до утра, свежая голова – предрассудки. Под бок подкатился калейдоскопик. Катя его отбросила локтем: несколько тысяч картинок! Ту, что ей нужна, все равно никогда не найти.

«Сегодня я с утра молчу, а сердце – пополам»

День не задался. Осадок обреченности, оставшийся со вчерашнего вечера, утром взболтался заново и отравил весь день. А потом еще в магазине не захотели поменять испорченную консервную банку, под предлогом, что у Кати не сохранился чек и мало ли где она могла купить тухлую кукурузу – как будто не она ходит к ним почти каждый день, и как будто есть на свете образцовый Великий Педант, скрупулезно собирающий все чеки в продуктовых магазинах. Да, в магазинах ей исторически не везет. И магазинное поражение усугубило подавленность.

Лилька, которая изволила сегодня прийти на занятия, могла бы все исправить – она, как мотылек, опять порхала, излучая веселость – но она все испортила.

– Привет, как жизнь, не забыла, о чем договорились?

– Нет, – не совсем отчетливо помня, о чем она, ответила Катя.

– А что ты вчера не приходила?

– Да вчера такое было, наши ребята с теми дрались, ой, смех, представляешь, Кириллу кто-то не понравился, и началось, он одного в мусорницу сунул, другого еще куда-то, недаром им детей пугают. Это я к тому, чтобы ты не пугалась, Кирилл малость потрепанный будет. Поняла, что ли? Я знакомлю тебя с Кириллом!

– Что? – Катя никак не могла вникнуть в смысл Лилькиной трескотни.

– Вот прямо сегодня и устроим это дело, только приведи себя в порядок, всё такое...

Катя словно начала медленно вращаться в другую сторону.

– Ты что, совсем того?

Лилька замахала руками:

– Не говори мне ничего, сама ты того, я его еле уломала, написала: красивая, умная! Еще спасибо скажешь! Он же сейчас не занят, Ольга скрылась в тумане! Прямо к парку из своего «зефира» выходи, и он уже там будет, в начале аллеи, в семь часов, слышишь!

Катя пыталась возражать – знакомство с местным терминатором, рассаживающим по мусорницам своих противников, ее совсем не привлекало. Но Лилька в ужасе схватилась за голову, вздохматив рыжую прическу:

– Ты что! Мы же с тобой договорились! Я ж с ним уже договорилась! Ты что, меня подставить хочешь?! Нет уж, чтобы в семь была! Я же специально приехала, чтобы тебе сказать, плевать мне на эти курсы! Это предки думают, что мне больно интересно! А ты!

И, ничего не слушая, укатила с кем-то на оглушительно трещащем – почти как она сама – мотоцикле.

«Я сейчас лежу ничком – взбешенная! – на постели»

Катя вернулась домой злая. Взять и вот так влипнуть!

Кто же так делает! Хороша подруга! Обещала ведь совсем другое – познакомить со своей тусовкой, а это на что похоже? Кто просил-то?

Нет, хватит на сегодня! Никуда она не пойдет, хоть Лилька пополам тресни. Ей, кажется, еще спасибо нужно говорить?! Кате, кажется, честь оказали – познакомят с местной знаменитостью? Которую для этого еще уламывать пришлось! Она все больше злилась на Лильку, то ли бестолковую, то ли вероломную. Самое возмутительное, что они с ней будто бы договорились! Значит, «познакомить с нашими» – означает подсунуть ей этого ненормального Кирилла?

Постановив, что никуда она не пойдет, Катя успокоилась – до самых семи часов.

Но, когда стрелки начали приближаться к назначенному времени, она подошла к своему большому зеркалу и критично посмотрела на себя.

Итак, красивая, умная?

Ладно. Сейчас будет.

Она распахнула шкаф и встала перед ним, подбоченясь. Главное – что? Правильно выглядеть. Что там есть? Маскарадные шали и полотенца – стопочкой, ненужный купальник – кто-то, кажется, собирался этим летом загорать, точно так же не нужный сарафан, а вот теплые вещи поношенные, задвинутые в дальний угол. А вот и оно!

Закусив губу, с почти Алешкиным ехидством на лице, Катя вытащила прошлогоднее форменное платьице, темно-мрачно-синее. В десятом классе форму носить, слава богу, уже не заставляли... То, что нужно – на такое свидание! Натянула. Замечательный цвет! Лицо сразу сделалось вытянутым и бледным, как у мертвеца. Хорошо, что еще загореть не успела! И круги под глазами очень кстати, славно, что именно этой ночью она читала до утра! Никакой косметики. Серьги снять. Цепочку и кольца – долой. «Приведи себя в порядок!» С волосами что бы сделать? Злорадно посмеиваясь, Катя изо всех сил прилизала свои пышные волосы, чем-то их побрызгав, и заплела в скромную детскую косичку. Отлично сочетается с формой.

Вырядившись таким образом, она бросила в зеркало последний взгляд.

– Я им устрою! Пусть с чучелом знакомится, раз так приспичило!

Где там он ее должен ждать? Почти у самого дома? Тщеславная Лилька и престижным «зефиром» не преминула прихвастнуть! Что ж, из величественного «зефира» должно выползти именно такое создание.

**«Ты запрокидываешь голову –
затем, что ты гордец и враль»**

Кирилл сразу и довольно грубо отказался от знакомства, которое навязывала Лилька («Раз она такая, пусть сама и ищет себе»), но ее назойливость сломила сопротивление, и он шагал к указанному месту, мысленно посылая ту идиотку, которой совсем не вовремя взбрело с ним знакомиться. Он чуть не проскочил мимо нее, а когда вернулся, то еще и попятился.

Перед ним, рядом с Лилькой, стояла куцая серенькая пигалица с косичкой, в школьном платьице. В первые минуты Кирилл с удивлением разглядывал это создание, потом пронеслась мысль, что Лилька решила поиздеваться – но, посмотрев на ее перекошенное лицо, он понял, что это не так. Знакомство произошло без единого слова. Лилька потеряла дар речи. Беззвучно шевеля губами, она кивнула на Катю и исчезла.

Кирилл и Катя стояли, как два истукана. Чем больше тянулось время, тем ужаснее становилось положение. Наконец Кирилл сделал самое разумное – двинулся с места. Они пошли по аллее парка в упорном молчании. Кирилл был слишком ошарашен, а Катя слишком сердита. Она так и видела себя в этой сиротской позе, в этой куцей форме. Довести ее до такого! Из горла вырвалось что-то, отдаленно напоминающее смех, что еще больше ее разгневало.

– Куда пойдём? – спросил Кирилл, и вопрос прозвучал, как «что же делать-то будем?».

Он во все глаза смотрел на существо, не представляя, как с ним можно общаться. В городском парке испокон веков принято было назначать свидания, на одних аллеях здесь гуляли мамы с колясками, а на других – парочки, и сейчас наверняка пройдет кто-нибудь из знакомых и увидит его с этой! В такие ситуации ему еще не приходилось попадать. Придумывай потом, как парировать насмешки, упражняйся в остроумии!

Но шагать вот так молча было уж совсем по-дурацки. И Кирилл заговорил:

– Ты живешь, что ли, рядом с Лилькой? – Это означало «откуда она тебя выкопала?».

– Мы на компьютерных курсах вместе учимся, – чужим голо-
сом ответила Катя.

– А ты в каком классе?

– Перешла в одиннадцатый.

– Правда, что ли? Я бы больше пятого не дал.

– А тебя что-то давать просят?

– Ух ты?

Она еще и топорщится? Любопытная картинка! Кирилл воз-
зрился на сердитые глаза на бледном личике.

– А почему я тебя раньше не видел? Среди Лилькиных друзей?

– Тебя я тоже вижу первый раз, – отрезала Катя, и, хотя она
не сказала «и последний», можно было не сомневаться, что именно
это имелось в виду.

Недолгий диалог продолжался в том же духе, и наконец Катя
прибежала домой, плюхнулась на диван и засмеялась, хотя вполне
можно было бы и заплакать. Первое свидание! О маскараде она не
жалела, только было стыдно перед прохожими. А если бы Роман
вдруг прошел мимо и увидел? Тогда, в запале, об этом как-то не поду-
малось, хотелось только посбивать спесь со «звезды» из пригорода.

Кажется, удалось. Конечно, он отчасти такая же жертва Лиль-
киных выдумок, как и она. Все равно так ему и надо, такой самоуве-
ренный высокомерный тип взбесил бы при любых обстоятельствах.

– Конечно, пускай катится, – сказала Катя вслух сама себе.

«Шоколадом лечить печаль, и смеяться в лицо прохожим!»

Манекен в витрине «Территории моды» прекрасно смотрелся
в розовом костюмчике – брючки плюс маечка, и соломенная шляпа
под мышкой. Единственное, чего ему не хватало – головы. Катя мыс-
ленно приставила свою – получалось очень неплохо. А уж в ком-
плекте с Алешкиной сумкой – тем более.

Она потопталась нерешительно. Ведь вышла только за кор-
мом для Арчи и шоколадкой для себя. «Бомбу» братец, как оказа-
лось, прикончил, хотя оставалось больше половины, и на излишек
он права не имел. Но нельзя же без сладкого, и пришлось тащиться

покупать, предварительно сняв «наряд для свиданий». А тут еще манекенов по дороге расставили! И все магазины на летнем режиме, работают допоздна, и двери у них распахнуты!

Хотя решить вопрос можно было и не заходя внутрь – цены вывешены тут же, и деньги тут же, в сумочке. И, главное, их хватает! И куда их еще, собственно, девать – Катя практически ничего не тратит, кроме как на сладости, а продуктов из холодильника-самобранки хватает, кажется, до самого возвращения родителей. Внутренняя борьба продолжалась. Помимо того, что она сама, без долгих советов с мамой, еще никогда не покупала себе одежды, Катя точно знала, что та не одобрила бы ее выбор – розовые штаны наверняка показались бы ей несерьезными. У мамы был строгий классический вкус, эксперименты отрицались. Катя представила себе, как она смотрит на этот костюмчик и ее глаза увеличиваются в размерах.

Тогда Катя решилась на полумеры: твердо вошла в магазин и направилась прямо в примерочную кабинку.

– На вас отлично сидит! – сказала продавщица, когда Катя вышла к большому зеркалу, посмотреть на себя на просторе.

И она не привирала, чтобы сбыть товар. Катя и сама, и до примерки видела, что костюмчик подойдет – мама всегда говорила, что у нее стандартная фигура и ей легко подбирать одежду – и надела его только чтобы убедить себя окончательно, что купить его надо.

– И сумочка как подходит! – не унималась продавщица. – Конечно, он легкий, но ведь начнется же когда-то настоящее лето!

В это всем очень хотелось верить. Другие покупательницы, поглядев на Катю, начали искать такие же точно костюмы, но продавцы их огорчили, сказав, что тот, что на Кате – последний.

И она решилась.

После магазинного триумфа Катя и домой пошла прямо во всем новеньком – вроде не так уж и холодно! – и всю дорогу ловила заинтересованные взгляды мужчин. Ей улыбались и то и дело спрашивали, сколько время, и как куда-нибудь пройти, и что она делает вечером. Это немножко смущало, но было приятно.

Вот теперь Роман мог бы, просто должен был пройти мимо!

Но он не прошел. «Вспоминай меня – и наступит лето», – распевала в ее плеере группа «Корни», и Катя уже принимала как должное то, что строчки в книгах, обрывки песен и разговоров попадали «в тему». Лето возвращалось на глазах. Солнце, вместо того чтобы садиться, вдруг воссияло, и становилось заметно теплее, и прохожие повеселели. А всё она – ее отважная покупка!

Дома был Алешка, и он тоже «восхитился»:

– Барби! Вылитая Барби!

– Дурак, – был ему ответ – не совсем убийственный, зато молниеносный.

А всегда радостный Арчи прыгал вокруг хозяйки и пытался приложиться к обновке лапами, но ему запретили.

Плохого настроения как не бывало! Розовый костюм озарил собой все вокруг, и Катя, повесив его на дверцу шкафа, любовалась до самой ночи.

И только вспомнив о завтрашних занятиях на курсах, немного поскучилась. Теперь на Лилькину восторженную дружбу рассчитывать не приходится. Впрочем, Лилька вряд ли появится – компьютеры же ей неинтересны.

«Что делать в городе в июне?»

А назавтра, на перекрестке, по пути на курсы Катя увидела Лильку. Та неслась на урок рыжим вихрем, бесчисленные веснушки были тщательно замазаны тоном, но все равно видны, а уж удержать улыбку не было никакой возможности.

– Привет, подруга! Сегодня так тепло, так здорово, правда?

Ей что, память отшибло?

– Чего молчишь? Ого, какая ты сегодня! И сумочка классная! Слушай, давай мы с тобой... Да чего глядишь-то как?

Катя поняла, что за «свидание» она не сердится.

– А, ерунда, – махнула рукой Лилька. – Ты меня поставила, конечно, в идиотское положение, но я тебя успела полюбить. Ты ужасная оригиналка. Какие планы на сегодня?

– После занятий? Я еще не думала...

– А ты обязательно хочешь на занятия? – жалобно спросила Лилька и тут же махнула рукой: – Ладно, ладно. Куда еще время убить? Летом в городе с ума сойдешь, правда? Если не уехал никуда... – Катя не нашла, что ответить, а Лилька вдруг загорелась: – А знаешь что! Едем в институтский спортклуб! У наших там один студент знакомый, Славка, я только и знаю, что имя. Но это всё равно, они прибились туда и каждый день теперь таскаются, нас забросили совсем. А мы что, рыжие? – и, тряхнув головой, сама посмеялась над вопросом.

Белогорский филиал старейшего московского технического вуза славился во все времена – и хорошей подготовкой, и веселой студенческой жизнью. Когда-то здесь ковались элитные кадры для Белогорского же НИИ, и все было сделано основательно: учебный корпус, общежитие – учиться приезжали со всего Подмосковья, столовая, спортклуб. Солидность и основательность сохранились, а оживленности даже прибавилось: филиал, чтобы шагать в ногу со временем, открыл еще несколько модных факультетов – экономический, юридический и даже факультет туризма и отдыха. Студентов стало больше, и девочки появились, разбавив традиционный «мужской монастырь».

Но институтский спортклуб по-прежнему оставался мужским царством. Студентки мелькали там изредка, видимо, предпочитая дискотеки и конкурсы красоты. К тому же клуб стал почти коммерческим – переброситься в волейбол можно было еще даром, а вот пройти на теннисный корт – уже нет. Впрочем, Катя с Лилькой убедились, что девушек-болельщиц, которыми они назвались, везде пускают беспрепятственно. «Прямо как в ночных клубах!» – фыркнула Лилька – наверное, знала толк в ночных клубах. Или просто выпендривалась.

Катя с любопытством смотрела по сторонам. Надо же! Все-таки тесен мир. Думаешь увидеть новое общество, а видишь сплошь знакомые лица – вон на теннисном корте брат с однокурсниками, машет рукой: «С пионерами пришла?». Вот он где к экзаменам готовится!

А Лилька с восторгом кинулась к волейбольной площадке.

Болельщики халатно относятся к своим обязанностям – не кричат, не свистят, не хлопают – а она справилась с этим успешно, одна за всех.

– Эх, и я бы сыграла в волейбольчик! Ух, какая подача! Только тут мужики все какие здоровые, мячом зашибут... А вон те совсем играть не умеют, только стоят, руками машут. Я бы их всех троих заменила! Да куда, куда лезешь, балбес, ты же подавать не должен, не должен подавать! А эта бабенка чего втесалась, портит всю игру, скачет без толку!

Глядя на это представление, Катя смеялась от души. А Лилька подсакивала, вытягивала шею, всплескивала руками:

– Ну, ты, синий, хватит публику мочить! Тьфу, опять бабенка! Мяч в сетку, переподача должна быть! Какого черта тут судья, если он в другую сторону смотрит! Эй, судья, какого черта! Да тут половина играть не умеет! А вон тот, в красной майке, и в синей который – одни за всех вкальвают... Что, так быстро кончили?! Эй, судья-я! Счет какой?

Но судья ушел, так и не сказав счета.

Кирилл с товарищем – один в красной майке, другой в синей – подбирали куртки со скамеек и на все корки ругали судью, как вдруг Кирилл заметил:

– Вроде мои девчонки стоят? Ну да, Лилька рыжая, ее изда- лека видать.

– А вторая, хорошенькая – тоже с тобой?

– Не знаю... Лилька!

– Ой, пойдем к ним! Это же Кирилл! – дернула Катю Лилька и побежала первая.

Катя и так уже видела, что это ее вчерашний знакомый. Только сегодня в нем не было ничего отталкивающе высокомерного: румя- ный, разгоряченный игрой, оживленно говорящий о чем-то с другим спортсменом, и сам такой спортивный, под стать обстановке: высо- кий, не качок, но выглядит внушительно, коротко стриженный, чер- ненький и, пожалуй, даже симпатичный.

И осталась стоять на месте.

«Что меня к тебе влечет – вовсе не твоя заслуга!»

Едва приблизившись, Лилька затрещала:

– О, Кирилл, это ты, а я и не узнала, будешь богатый, ты так здорово играешь, а я и не знала, судья – подлец, правда, а это что, твой друг, как его зовут?

– Денис, кажется. Я его вижу первый раз. Денис, что ли?

– Денис, – неторопливо отвечал крепкий коренастый парень, русые кудри и очень славянское лицо делали его похожим на Ивана-царевича в джинсах.

– А откуда ты здесь взялся? Ты ходишь сюда? А учишься где? Юрист или экономист? Электронщик? А на каком курсе? – мигом засыпала его Лилька ворохом вопросов.

Он невозмутимо отвечал, поднимая вывалившиеся из кармана ключи, запихивая их на место и почти не глядя на рыжую липучку.

А Кирилл тем временем смотрел на стоящую в отдалении Катю и смутно о чем-то догадывался, но не решался высказать догадку вслух и дернул Лильку:

– С подругой-то познакомь.

Та отвлеклась на мгновение:

– Да это Катька, забыл, что ли? Вчера же познакомились!

– Не забыл, – сказал Кирилл уже Кате. – Только тогда ты была совсем другая.

Он не мог понять, где были его глаза: такую – и не разглядеть. Никакая она не куцая и не маленькая, а стройная и довольно высокая. И взгляд не колючий, а бархатный. Обман зрения, что ли?

– Я что-то понимаю – тогда был маскарад. Это устроила Лилька?

– Нет, это устроила я, – спокойно ответила Катя – история с переодеванием казалась ей такой давней, что к ней уже можно было относиться с необходимой долей юмора.

– Ты не хотела со мной знакомиться? – догадался Кирилл, на сей раз правильно.

– Нет. Это была внезапная идея Лильки.

– Отличная идея, только всё вышло не так...

Что-то он такое слышал о теории контрастов, когда женщина

или появляется с менее красивой подругой, чтобы выгодней смотреться на ее фоне, либо составляет контраст сама себе: например, утром страшненькая, а вечером – конфетка. Очень похоже! Зачем-то же она здесь сегодня появилась, вся такая яркая! Конечно, это для него, и тщеславие тешилось еще больше, когда Кирилл подумал, что ведь не каждая девчонка осмелилась бы выйти на улицу вчерашним пугалом. Да, занятный экземпляр, в его стиле!

И Кирилл преобразился: он сыпал шутками и анекдотами, стараясь Катю позабавить и заставить улыбнуться, и при этом был столь милым и естественным, что она обнаружила, что улыбается и болтает, только когда Лилька, так и не отцепившаяся от Дениса, крикнула:

– Дождик пошел!

И довольно частый посыпался – все-таки день не выдержал. Они укрылись в павильоне с бильярдом и настольным теннисом; то же самое сделали многие, и собралась целая толпа, в том числе компания Лильки и Кирилла. Усевшись на низкий подоконник, Катя с любопытством смотрела, как они топчутся вокруг Кирилла, каждый пытается что-то свое рассказывать и один перекрикивает другого, а Кирилл одновременно отвечает, объясняет, распоряжается – словом, управляет своим народом. А им нравится, что ли, что ими управляют?

– Зачем на окно? – крикнул он Кате, она ответила:

– Я всегда сижу на окнах.

Не обращая внимания на ответ, он схватил из угла какую-то скамейку и, размахивая ей над головами, с грохотом опустил на середину:

– Садись! Чтоб мои гости – да по углам!

Как могло не польстить такое внимание! Лилька уселась рядом, скамейки сдвинули в кружок, азарты разгорелись, смех не умолкал, без счета посыпались анекдоты про Вовочку, обезьяну и крокодила, мужа, жену и любовника... Кирилл – душа общества – попевал и веселить его, и поминутно тормозить Катю, сообщая ей что-либо особо интересное. У нее совсем закружилась голова в этом

вихре. Ну, если он умеет так организовать веселье, тогда понятно, почему они терпят его «управление».

– Давайте песни петь! – закричал Кирилл, и тут же появилась гитара. – Катюша, сегодня мы все поем для тебя!

Однако смеялись и пели на лавках не все: где-то за спинами продолжали катиться медлительные бильярдные шары и бойко щелкал теннисный шарик. Там виднелись две головы – кудрявая Дениса, который все-таки сумел сбежать от Лильки, и чьи-то светло-пепельные вихры. Последний часто оборачивался, и Катя ловила на себе его взгляд, а Дениса то и дело оттаскивала от стола и усаживала рядом с собой Лилька.

В заключение Кирилл с Денисом пошли их провожать, и они вчетвером ходили по парку до темноты, пока опять не заморосил дождь, и договорились увидеться завтра в спортклубе.

Не в силах уснуть после такого сумасшедшего дня, Катя невольно прокручивала в голове все события и не могла понять: ей что, понравился Кирилл? Тогда почему первоначальное мнение о нем не изменилось и что-то в нем по-прежнему отталкивает, несмотря на всю любезность? А может быть, она к нему несправедлива? Надо отдать должное – Кирилл оказался вовсе не тупым местным кинг конгом, как сначала представлялось с Лилькиных слов, и был очень привлекателен.

«Легкомыслие – милый грех» – мягко упрекнула ее маленькая книжка. Нет, он ей не понравился, не то слово, а, скорее всего, понадобился, только зачем – неизвестно. То есть хочется опять его увидеть и поглядеть, что будет дальше. Что в этом такого? Катя словно смотрела пестрое, веселое кино про саму себя, или крутила трубочку калейдоскопа, и от нее зависело, появится следующая картинка или нет.

В любом случае, выспаться сегодня снова не удастся. А не опоздать ли немного на занятия? Ну и намерения! Еще один милый грех! Она определенно становится негодяйкой... И даже ее мирная комната стала беспокойной и взбудораженной: девчоночья рука на картине тянулась к запретному плоду, и собака на ковре не спала, а хитро поглядывала одним глазом: ну просто не Пальма, а Шельма.

«Мне тебя уже не надо»

Утром оказалось, что лето не задержалось – небо хмурится, солнце выглядывает из-за туч, но до того тускло и кисло, что только портит настроение. Дело чуть ли не дошло до дождя, но это вообще было бы свинством.

И настроение у Лильки переменялось точно так же, и без всяких причин. Как и договорились вчера, подружки ехали в спорт-клуб. Лилька была совершенно на себя не похожа, казалась невыспавшейся и раздраженной, и все Катины попытки завязать разговор натыкались на стену ее холодного молчания. Она и не гнала Катю от себя, и терпела с плохо скрываемой неприязнью. Даже не оглянувшись на нее, она круто развернулась и сразу пошла в теннисно-бильярдный павильон, к своей тусовке, уже сидевшей тесной кучкой на скамейках.

Для Кати это было как ушат холодной воды. Она остановилась на порожке, гадая, чем же провинилась. Вот за фокус со «свиданием» ей следовало продемонстрировать что-то подобное, было бы не удивительно. Но так, ни с того ни с сего! И зачем тогда было ехать сюда вместе? Сказала бы, что не в духе, и Катя лучше домой бы пошла. Вчерашний азарт увял, и сейчас было совершенно не интересно, «что будет дальше».

Она все-таки вошла и примостилась, никем не замеченная, на угловом окошке, рядом с бильярдом. Будничная джинсовая куртка действовала, как камуфляж – ни из компании никто ее не узнавал, ни Кирилл не смотрел в ее сторону. Наверное, его внимание можно привлечь только ярко-розовыми перьями. Сидеть в углу позабытой-позаброшенной было чем дальше, тем невыносимей, и Катя не понимала, почему она не встает и не идет к автобусной остановке.

И ведь именно сегодня жизнерадостная Лилькина болтовня была бы так кстати! Причем настроение у Лильки сразу улучшилось, она болтала, как обычно. Только сегодня была выбрана другая наперсница – черненькая румяная девочка, от которой Лилька не отлипала. Она же держалась отстраненно и сдержанно, слушала в полуха и ни разу не засмеялась в отличие от остальных. Катя старалась не смотреть, и все равно смотрела в противоположный конец зала,

где расположилась Лилькина тусовка – спортом никто из них не занимался, просто нашли себе удобное местечко.

А та, что смеется как-то особенно и громче всех, со смелым пристальным взглядом и голливудской улыбкой в тридцать два зуба – несомненно, легендарная Ольга, и рядом с ней маячит Кирилл. Двойная ревность! Нужно бы бежать туда и что-то делать! Катя была уверена, что если сейчас найдет в себе силы оторваться от подоконника и войти в их круг, Кирилл обрадуется, и все остальные, как по команде, и повторится вчерашний день, такой опьяняющий – но что-то ее тормозило.

Может быть, со стороны она увидела, что они прекрасно обходятся без нее, как и раньше, да и ей на них, в сущности, наплевать – не пополнять же группу самочек при вожаке, а подружке, с которой хотелось поболтать, нет сейчас до нее дела – и продолжала сидеть на своем подоконнике. Насильно отодрала взгляд от тусовки и перевела на бильярдные шары. А что делать дома, если туда уйти? Здесь, по крайней мере, можно смотреть, как катятся шары. Дома шаров нет. Всё это было так же ясно, как то, что она здесь последний раз. А если так, и торопиться некуда.

Популярная личность Кирилл весь был поглощен каким-то рассказом, он и не подозревал, что Катя у него за спиной. Что ж, а если разобраться, на него приятно посмотреть издали, недаром Лилька рассказывала о нем так уж восторженно... Но при мысли о Лильке она быстро отвернулась к шарам.

Из пучины отчаяния ее вытащил вопрос:

– Кать, не играешь?

Она оглянулась, удивленная тем, кто это окликает ее так дружески. Рядом стоял, покачивая кудрявой головой, Денис в своей синей майке. Собрав остатки достоинства, она ответила «я сегодня в болельщиках», словно была здесь когда-то в игроках.

– А, – отозвался Денис как ни в чем не бывало. – А за кого болеешь, за Славку?

Она взглянула на играющих.

– Славка – тот шустрый, серенький?

Это он вчера всё смотрел на нее.

Денис, которого, казалось, ничем нельзя было удивить, удивился:

– Ну да, мы же оба у вас в гостях были, у Алексея. Ты еще делала вкусные бутеры с колбасой, – на всякий случай напомнил он.

Катя подумала, что если она сейчас покраснела, очень ли это заметно. А она и не поздоровалась с ними ни вчера, ни сегодня! Конечно, в тот вечер она видела двух новых Алешкиных знакомых, но не запомнила лица. И накурено было сильно, и сидели они как-то в сторонке, и смотрела она тогда только на Романа. Остальная публика была для нее только фоном – безликим, честно говоря.

– Так ты за кого? – напомнил Денис.

– Я? За шарик. Вообще-то я больше на бильярд смотрю. Тут от шарика в глазах рябит, а там полчаса целятся, целятся, и в конце концов никуда не попадут.

Денис расхохотался.

– Хорошо, что они не слышат комплимента. Кстати, где твоя подруга?

– Там же, где твой друг.

Катя так ответила не нарочно, просто вспомнила, что увидела вчера Дениса вместе с Кириллом, они вместе мяч кидали.

– Какой друг? А, тот. Да мы только вчера на игре познакомились. Мне он, как его... Кирилл – что-то не очень понравился. Слишком любит, чтобы ему глядели в рот, – отметил Денис без малейшей нотки недоброжелательства. – Мы немного к их тусовке пригляделись, – продолжал он спокойно, – Славка говорит – обыкновенное стадо...

Надо же, кто-то еще думает так же! Есть братья по разуму! Катя невольно улыбнулась в сторону Славки, а он как раз взглянул на них, моргнул, шарик уронил, полез за ним куда-то.

– Ты что, не в форме? – шагнул к нему Денис.

– Сейчас узнаешь...

Они начали играть, а Катя, бросив: «Я на воздух» – вышла из павильона. Даже головой потрясла – стряхнула наваждение последних дней, навязанные Лилькой страсти-горести. Спасибо Денису. Вроде ничего не сказал, а вернул в реальный мир, где, кстати, опять

светит солнце. Цветные стеклышки сложились в другую картинку, и было уже непонятно, чем казалась так интересна предыдущая.

Она решила побродить по территории клуба, такой приветливой, солнечной. Прошла мимо теннисного корта, каких-то дорожек – что ли, велосипедных, каких-то заброшенных площадок – то ли для городков, то ли еще для чего-то, потом вышла к футбольному полю. Обходить его пришлось долго, дольше, чем казалось поначалу, но Катя бодро шагала, с удовольствием дыша подстриженной травкой и размышляя о том, что сегодня пятница, а на следующей неделе на курсах итоговая работа, и бумажку дадут, и можно еще записаться на интернет-курс, если захочется. Учитель приглашал. А в выходные, если погода наладится, можно с Арчи в лесу погулять. Лето в городе все-таки должно чередоваться с природой.

Площадки уже подсыхали после дождя, и спортсмены их постепенно заполняли. Многие заинтересованно поглядывали на Катю, чего она не могла не заметить. Это тоже улучшило настроение. Значит, дело не в перьях.

Сделав большой круг, Катя опять подошла к корту, только со стороны бетонной стенки в человеческий рост, укрепляющей склон холмика и понижающейся с одного конца. Теннисисты вовсю лупили ракетками, и зеваки выползли на солнышко, на скамейки. Несколько человек сидели прямо на стенке. Катя присоединилась к ним. Сидящему тут же брату ответила на вопрос о пионерах, а Денису со Славкой только улыбнулась, но зато так, что на них все посмотрели.

– Вон Кирилл ходит, – указал Денис.

– А нас не видит! – подхватила Катя. – Мы высоко сидим.

Она тоже рассмотрела фигуру в красной майке. Значит, может себе позволить ходить на платную площадку. Стадо, включая Лильку, паслось поодаль.

Но когда Алексей с друзьями шумно спрыгнули со стены и отправились играть, Кирилл оглянулся в ту сторону.

– Катюша! Ты здесь? – Он сверкнул на Лильку гневным глазом: – Чего молчала?! – и приблизился к стенке: – Что же ты к нам не подошла?

– Не хотела.

Кирилл, не моргнув, продолжал в шутейном духе, но девчонка, кажется, слезать со стенки и идти в кучу не собиралась. Это стало раздражать, тем более что происходило на виду у всех. Ничего себе! Всегда сам ходивший с задранным носом, Кирилл не любил задранные носы других. Опять, что ли, какие-то затеи, притворства? И всерьез думает, что кто-то будет терпеть капризы и розыгрыши? Пора поставить на место.

– Просто ты поссорилась с Лилькой, – отрезал Кирилл.

– А я говорю – не хочу, – железным голосом повторила Катя.

– А Лилька сказала: надоела она мне – это про тебя.

– Вот и мне кто-то надоел...

Она не успела договорить эту фразу, как со стенки к Кириллу спрыгнул Денис:

– Пошли играть. Держи ракетку.

– Для меня это тоже подходящий повод удалиться, – сказала Катя почти про себя, провожая их взглядом, – но что-то так не хочется удаляться. Солнышко, что ли, действует.

Славка услышал.

– И сиди. Охота ему второй раз нарываться – второй раз навешают.

Катя не поняла.

– Он что, тут скандалил? Когда это?

Славка, довольный, что она с ним заговорила, подвинулся поближе – в самом деле серенький, этакий воробышек, неудивительно, что она его не запомнила.

– Да вот, только что, ты на воздух ушла. Весь домик чуть на щепки не разнесли. Не пойми с кем, не пойми почему – видать, просто любитель. Вытряхнут, наверно, отсюда эту шантрапу.

– Ты думаешь, его просто вытряхнуть?

– Время потребуется, конечно.

Несколько минут Катя наблюдала за игрой, потом повернулась к Славке:

– А ты будешь играть?

– Успеется. К противнику присмотрюсь.

– А Кирилл – сильный противник?

Славка обдумал ответ.

– Скорее – как это? – достойный. – И тут же рассмеялся: – А, пожалуй, не лучше Вовочки играет!

– Какого Вовочки?

– Да вчера пацан здесь маленький был, Вовочка, с отцом. Здесь же и крутые, и любые бывают, кто заплатит, это не закрытый клуб. Так мы с Денисом их хотели засыпать: чего там, старик и мальчишка. А этот шкет так здорово играет – у него наверняка разряд, а до сетки носом не достает. Денис еще говорит: хорошо играешь. А он: ну, если бы мне было десять лет, тогда было бы хорошо. Интересно, сколько же ему?

– Видимо, одиннадцать.

– Похоже на то.

Мячик отскочил в их сторону, и Катя автоматически поймала его на лету.

– Вот это реакция! – восхитился Славка.

Знал бы он о ее многолетних «тренировках»!

– Любимый сферистик, – проговорила Катя, возвращая мячик, и пояснила: – Алешка когда-то вычитал, что английский вояка, который придумал игру, сначала так ее решил назвать. Сферистик. Борьба мячей.

Борьба между Денисом и Кириллом продолжалась, а разговор у Кати со Славкой перешел на большой теннис, причем Славка подробно объяснял, как ведется счет, и увлеченно что-то говорил о ракетке, сетке и площадке. Катя очень внимательно слушала, но все пропускала мимо ушей: сидеть, подставив лицо солнышку, само по себе было блаженством. Забеспокоилась она только когда игра закончилась и Кирилл взглянул в ее сторону, явно собираясь продолжить беседу. Но без малейшей заминки Славка соскочил со стены, взял у Дениса ракетку, и игра возобновилась так плавно и непосредственно.

– Пришел на площадку – играй, – невозмутимо прокомментировал Денис, садясь рядом.

Катя готова была захлопать в ладоши, но пришлось ограничиться восклицанием:

– Здорово!

Окружающие уши спокойно могут думать, что она восхищена игрой.

Денис внимательно посмотрел на нее. Катя немного смутилась.

– Мне очень не нравится Кирилл, – сказала она негромко.

Денис опять промолчал. Наверное, ее слова показались ему фальшивыми – после вчерашнего-то гулянья, а она сама – взбалмошной не меньше Лильки. С Денисом было совсем не так просто и уютно, как со Славкой, его проницательное спокойствие было уже не дружеским, а понижающим и жестким – хотелось свернуться и отодвинуться. Катя заторопилась и стала прощаться.

Уходя, оглянулась на братца – он увлеченно играл и, похоже, не обращал никакого внимания ни на Катю, ни на ее новые знакомства. Это было немного обидно, так же, как было бы возмутительно, если бы он вдруг вздумал опекать и вмешиваться.

«Томилось сердце, не зная даже причины горя своего»

Дуралей Арчи летел за кошкой – язык набок, уши завернулись в полете. Кошка – домашняя, белая, с голубыми глазами-блюдцами – спаслась на дереве. Катя опасливо оглянулась на «зефир» – вдруг хозяйка торчит у окна. Но торчащая у окна хозяйка расплылась в улыбке:

– Ничего, пускай она побегает! А то спит целый день, бока отлеживает. Погоняй ее, Арчинька, погоняй!

Арчи во дворе любили и не ворчали, даже когда он носился по детской площадке. Он был большой плюшевой игрушкой, которая играет с детьми, позволяя себя теребить, обнимать, гладить длинные кудрявые уши. Песик всегда был жизнерадостным и никогда не кусался. Катя иногда думала, что если бы он знал, что никакой он вовсе не Арчинька, а Арчибальд-Рико, представитель знатного собачьего рода малых абрикосовых пуделей, с такой пышной родословной, корни и ветви которой разбросаны по всей Европе, и что у него есть даже отчество, как у людей (Рико – его папа) – он мог бы

загордиться и вести себя совсем иначе. Но он благополучно ничего не знал и носился по двору безо всякого аристократизма.

Сейчас во дворе установили новенький разноцветный комплекс с лесенками и горками разных уровней, и Арчи осваивал его вместе с детишками. Он отважно карабкался по ступенькам и, взобравшись на самый верх, гордо улыбался и ожидал похвалы. Дети хотели, чтобы он вместе с ними съехал с горки, и мамы больше беспокоились за Арчи, чем за детей:

– Ну куда вы его тащите! Он же ушибется! Отпустите сейчас же! Собаки не катаются с горок! Он же лапки сотрет!

Но Арчи все же съехал вместе со всеми, паровозиком, правда, повторять развлечение не захотел. Все это было довольно забавно, но Катя наблюдала за питомцем без особого увлечения. Вот если бы можно было тоже прокатиться с новенькой пластиковой горки! Увы, она для этого большая.

Они с подружкой Светой сидели на скамеечке, и рядом Светина болонка, песик Дэн, похожий на грязненькую хризантему. Дэн бегать ленился и делал вид, что спит.

Эту Катину подругу Алешка называл «собачья Света», чтобы отличать от другой, от Светика, с которой Катя дружила с самых давних времен, детсадовских и дачных. Со Светиком они играли в куклы, а когда куклы закончились, разговаривали о своем, о девичьем, и знали друг друга, как облупленных, хотя и не учились в одном классе. Светик сейчас была на море. А в классе Катя дружила с Адой, которой сейчас тоже не было в городе, очень талантливой, и музыкальной, и литературной, немножко не от мира сего – ее Алешка классифицировал как «книжная Ада». Он подтрунивал над тем, что у Кати есть подруги на все случаи жизни, хотя и сам не страдал от недостатка коммуникабельности. Но что же делать, если, например, Ада не катается на коньках? На каток Катя ходила с соседской Зойкой, а Нелька приходила к ней меняться календариками, которые они обе собирали. Правда, собирательство уже почти сошло на нет.

А с собачьей Светой они гуляли исключительно вместе со своими собаками. Дэн был назван в честь актера, играющего Гарри

Поттера. Света была увлечена и книгами, и фильмами о Гаррике, и могла о них говорить бесконечно. Катя смиренно слушала и машинально обещала поискать в интернете какую-нибудь информацию о ГП, если все-таки пойдет на интернет-курсы.

Честно говоря, было скучно. Но что ей еще остается – к Лильке она больше не подойдет, Кирилл, как она беспечно решила, ей все-таки не нужен, а его тусовка – тем более. Таскаться одной в спортклуб, чтобы бродить там по велосипедным дорожкам, ее совершенно не привлекало, и к тому же было похоже на посадку в автобус через заднюю дверь. Этот эпизод своей жизни, это «приключение» Катя уже выбросила из головы.

Но до чего же скучно! И дело не в собачьей Свете, она точно такая же, как всегда. И всё было таким же точно, как всегда! Только Катя изменилась, и ей было скучно, как будто ее насильно вернули из ее одиннадцатого класса в третий, в виде этой вот детской площадки, и еще удивлялись – чего ей не хватает?

Вернуться в привычную жизнь не получалось. Тошно было везде, и дома – еще больше. «Дозоры» скрасили жизнь, но они уже прочитаны. Подруг рядом нет – но вдруг бы и они начали нести детский лепет, кто их знает. И Катя поняла: она скучает по Лильке, несмотря на собственное самолюбие и на все Лилькино свинство, несмотря на незатейливость ее развлечений и явную примитивность интересов. Веселье с Лилькой было новым и увлекательным, а все остальные его разновидности оказались изжиты и обветшали. И поделаться с этим ничего нельзя – не будешь же набиваться туда, где ты надоел и где об этом говорят вслух.

Арчи придумал-таки, как ему использовать детский городок: он забирался на горку по ступенькам, а дальше не катился с нее, а просто сбегал вниз. Горку он выбрал для самых маленьких, низкую и очень пологую, и вдруг заскользить по ней на его четырех лапах было мудрено. Но он был страшно доволен, подбегал к Кате, толкал ее носом и бежал демонстрировать свое достижение. Но Катя почему-то сказала: «Клоун», и непонятная интонация озадачила пессика, но его тут же погладили, и он расцвел от счастья.

«Я пришла сюда, бездельница, все равно мне, где скучать!»

Еще один день во дворе с младенцами? Ну нет!

И утром розовая Катя уже шагала вместе с пуделем по шишкам, в сосновом лесу рядом с озером. Человек, всю неделю аскетически гнувший спину над компьютером, может себе позволить роскошь одиночества, свободы и простора. Правда, утро было уже скорее полуднем – кто-то любит подольше поспать – и одиночество тоже выходило неполноценным.

Не ей одной захотелось выйти на природу. На полянках под соснами расположились во множестве семьи с детишками, шашлыками и картами, кто-то играл в бадминтон и уже засадил воланчик, и пытался трясти сосну, кто-то разжег костер с очень вкусным дымком. Смелычаки купались, хотя вода наверняка еще не прогрелась, и какие-то сорвиголовы носились по озеру на водных мотоциклах. Нет, спускаться на пляж не стоит, вдруг Арчи вздумает полезть в воду – бывали случаи, и вылезет мокрое чучело, и изваляется в песке. Отмывай потом его весь вечер и вычесывай!

Праздные молодые люди поглядывали на Катю, некоторые предлагали свое общество. Она отвечала сердито – все-таки она еще не привыкла к мужскому вниманию, и ее заставляли врасплох. А она как раз расслабилась – где-то рядом была их дача, в этих местах прошло ее детство, и Катя по инерции ощущала себя той, прежней – и вдруг ее резко разворачивали из вчера в сегодня.

Что-то подобное было прошлой осенью, когда они с мамой ходили на рынок, а назад шли через цветочные ряды, и Катя увидела эти необычные астры. Пушистые, махровые, красные стрельчатые лепестки перемешаны с розовыми – у них на даче такие никогда не росли. Их продавал старичок, и просил всего по десять рублей за цветок. Катя нащупала в кармане смятые бумажки – десятка, ещё десятка, несколько монеток мелочью – как раз! – и протянула старику:

– Дайте, пожалуйста, три.

А он непонятно смутился и почти покраснел под своей бородой. Он не взял ее денег и быстро наклонился над ведром, вытаскивая из тугой охапки астры – одну за другой – а Катя молча смо-

трела, как целый двадцатый век склонился перед ней, выбирая для нее цветы – и не испытывала неловкости.

– Спасибо говори, спасибо, – заверещали старухи вокруг, но она чувствовала, что дело не в спасибо.

Идя с этими цветами домой, Катя понимала, что старик – и все другие – видят в ней совсем не то, чем она себя привыкла ощущать – мы в самосознании всегда запаздываем и чувствуем себя такими, каких уже нет. Она себя видела изнутри, а он посмотрел извне, и Катя могла догадываться о том новом, что в ней обнаружилось, и понимала, что так и должно быть, и что она теперь должна к этому новому изнутри привыкнуть. Но эта новая Катя была пока не Катя, и это она несла цветы, подаренные – ей. А у Кати настоящей щёки пылали, и она боялась сделать какое-нибудь неловкое движение, чтобы ей не повредить.

С красными цветами она первый раз почувствовала себя женщиной.

Но приставалы – это было совсем другое, они только раздражали. А еще казались анахронизмом те места в книгах, где женщины, даже в начале прошлого века, не могли нигде появляться в одиночку, а только с компаньонками или родственницами!

Тропинка выбежала к обрыву, сосны расступились, и Катя была неприятно удивлена: внизу по песку скакали и носились люди, и, кажется, она начинала их узнавать... Конечно, любители ночных приключений и рассветов над озером – ничего необычного. Они ведь и живут где-то здесь рядом, в Сосновом Бору.

Но еще больше Катя удивилась, увидев Дениса и Славку – они поднимались ей навстречу, один степенный, медлительный, второй – подвижный, сероглазый, с привычкой, здороваясь, не кивать, а скидывать подбородок.

– Как – вы – со стадом?!

Катя не могла поверить, что они присоединились к Лилькиной тусовке. Что общего-то? И в рот будут глядеть?

– Мы думали тебя в нем увидеть, – ответил Денис в своей невозмутимой манере – определить, утверждает он, шутит или поддразнивает, было невозможно.

Катя и не собиралась определять, а поспешила негодуяюще объяснить, что гуляет совершенно независимо, и отошла от обрыва подальше, чтобы снизу ее не увидели.

Подлетел Арчи, весь в репьях – уши, лапы, бока, и вся довольная морда.

– Где ты их столько нацеплял! – ужаснулась Катя, а ее спутники захохотали:

– Это его медали за экстерьер!

Катя крепко держала пуделя, а Славка беспощадно вытаскивал репьи, невзирая на подвывание и очень жалобный скулеж. В кармане у него заверещал мобильник – обычный звонок, без всяких замысловатых мелодий – и Денис тут же Славку заменил, занявшись репьями. Он обрабатывал собаку неторопливо и методично, и в его движениях было столько неумолимости, что бедный Арчи покорился и обреченно висел у хозяйки в руках – экзекутор добрался до пуза.

А Славка открыл пришедшее сообщение и воскликнул:

– Опять! Уже пятая!

И поднес мобильник к заинтересовавшейся Кате. Она, немного затрудняясь, прочла на латинице: «(:) :) :) – eto smajliki uda4i. Oni pomogut sdat' vse ekzaneni. Otprav' 4 wt. i #di haljavi. Ostaviw – zavaliv vse. Nazad nel'zja». Это было «письмо счастья». Алешке такое тоже приходило, он скептически хихикал, но по четырем адресам пересылал. Сессия есть сессия.

– Пятая эсэмэска! – возмущался Славка. – Какой козел шлет! Я уже всем отправил, кому мог!

Денис спокойно предложил повторить рассылку по прежним адресам, только его пропустить, а Славка оправдывался, глядя на Катю:

– Я бы наплевал – но мало ли. Я, честно говоря, в семестре не особо напрягался. Ну, несколько зачетов потом «автоматом» сдал, и еще пару экзаменов досрочно – там соревнования по теннису совпадали, преподады мне и поставили, подумали, что я...

– Особо одаренный, – подсказал Денис.

Он уже освободил собаку от репьев, и ошалевший Арчи не-

много нервно побежал вперед, обнюхивая собственные лапы и еще не веря, что он на свободе.

– А остальное все равно же придется сдавать, – завершил Славка.

Разумеется, проигнорировать проклятое письмо означало обречь себя, и Катя сочувственно предложила ему собственный номер телефона, и Алешкин заодно. А третьим невинно посоветовала выбрать Дениса, но тот и бровью не повел.

Они опять двигались по тропинке, а тропинка опять вывернула к обрыву, где почти не росли деревья. Ярко-розовая Катина фигурка оказалась хорошо заметна с берега.

– Зря мы сюда... – начал Денис, но было поздно.

– Золотце мое! – как вихрь, налетела Лилька – флюгер ее интересов, похоже, опять повернулся в Катину сторону.

Всех от Кати оттеснив, она начала громким шепотом рассказывать нечто страшно важное. Поодаль стояла та черненькая девушка, только не румяная, а бледненькая, и смотрела в другую сторону – подавленно, как показалось Кате.

– Кто это? – спросила она.

– А, так. Одна тут такая. Надоела она мне... А ты знаешь, Ольга к тебе ревнует, вчера Кириллу нахамила, при всех, представляешь, а сегодня не появилась, и вообще, наверное, не появится...

Но Катя не слушала – Лилькино внимание после вчерашнего ледяного душа ничуть ее не согревало и не радовало – и глядела на брошенную, как она считала, девочку.

– Пошли к ней.

– А? Чего? К кому? Да ну тебя, слушай дальше!

Но Катя, оглянувшись на Дениса и Славку и подумав, что оставит их всего на минутку, настойчиво повторила:

– Познакомь меня с ней. Я так хочу.

Она прекрасно помнила, что такое быть позабытой-позаброшенной. Лилька подвела ее с явным неудовольствием:

– Это Анжелика, по-нашему – Лика.

Лика оглянулась недоброжелательно и промолчала, и Лилька быстро развернула Катю за руку:

– Сбежим с обрыва!

И не успела Катя опомниться, как они уже неслись вниз гигантскими шагами, не слыша собственного хохота и визга – так свистел ветер в ушах.

«И в первый раз меня по имени громко назвал»

– Катя! Как ты нас нашла!

Внизу уже поджидал Кирилл, довольный Катиным, как ему казалось, возвращением. Пришла все-таки! Никуда не делась... Но взгляд его был чуть заметно напряженным. Может, хоть и пришла, начнет еще больше выделяться. Надо быть настороже, не зная, что у нее на уме.

А Катя и сама не знала этого. Так хорошо и спокойно было гулять с Денисом и Славкой, как будто они друзья с незапамятных пор, так незаметно летело время. А с этим Кириллом лучше держать ухо востро. И что ему только надо! Во второй раз у него никак не получалось так же непринужденно ее очаровать и закружить в вихре веселья. Она вполне здраво взирала, как он рассыпается мелким бесом, и только раздражалась от назойливости. Как бы поскорей отсюда убратся?

Но когда Лилька начала агитировать всех пойти в местный клуб, на очередную серию «Звездных войн» – она видела афишу – Катя наострила уши. Пойти на этот фильм очень хотелось. Как это она сама афишу не заметила! Катя уже оттаяла, она поняла – Лилька не злая, просто ветер в голове. Можно спустить ей с рук мелкие пакости, добродушно думала Катя, уже не вспоминая о своих вчерашних печалях. Жаль только, что она не существует отдельно от своей дурацкой тусовки вместе с ее предводителем. Ничего не поделаешь, пойти с ней – это пойти с ними и пополнить их ряды. Вот если бы Катя с самого начала отправилась в парк, по магазинам, вообще в другую сторону, и они бы ей не встретились – как было бы проще, ничего не надо решать.

Кажется, еще не поздно с ними не пойти?

– Конечно, пойдем, – убеждал Кирилл, – надо ловить момент,

это же не в Москву ехать, целый день тратить. Хотя и в Москву давай махнем когда-нибудь!

На обрыве скулил пуделек, струсивший бежать за хозяйкой, и Катя поспешила наверх. Кирилл не отставал, расписывая тупую физиономию билетерши, которая и не заметит ее собачку – такую крошку легко спрятать под курткой. Следом за ними шла вся гурьба, а Лилька, как пчелка, облетала каждого, собирая деньги на билеты.

– Мы что же, не можем сходить в кино? – почти сердито спросила Катя, увидев поднятые брови Дениса. Он и Славка поджидали ее у сосен. – Кого-то надо, что ли, бояться? Я с Лилькой хочу идти, и с вами, а не с ним.

Два друга переглянулись, но тут прилетела Лилька и вцепилась в Дениса, как будто только что его заметила – а может, так оно и было. И вот они тесной компанией уже направлялись в сторону Дома культуры, или клуба, как называли его местные. Очень тесно, но беспорядочно и вразнобой – Катя, Лилька, Кирилл, Денис, Славка – непонятно, кто с кем. Главное – пускай топают, куда сказано, удовлетворенно думал Кирилл.

Это был старенький и довольно ветхий Дом культуры, впрочем, считавшийся в Сосновом Бору, когда он еще был деревней, шикарным зданием: высокое крыльцо, классические колонны. Это сюда так любили когда-то ходить Катя, Алешка и их детская дачная компания. Они даже эпоху видеосалонов застали. Сейчас клуб не был облупленным – наоборот, только что после ремонта, вокруг, вплотную к зарослям лопухов и крапивы, цветочки насажены. Но по сравнению с начищенным современным Дворцом культуры в центре он показался Кате каким-то трущобным, даже немного покосившимся. Да нет, не может быть, просто старомодный.

– И все-таки он кособокий, – проговорила Катя вслух.

Стоящая рядом Лика подумала, что слова обращены к ней.

– Ты тоже думаешь о клубе? – удивилась она. – Он не кособокий, просто старый...

– ...как сморщенный гриб в шляпе...

– ...а мы его совсем расшатаем, когда войдем!

Лика смотрела уже дружелюбнее.

Прибежала Лилька с целой лентой билетов.

– А давайте, – предложила она уже в фойе, – оторвем по билету, перемешаем, каждый вытянет, и будет сидеть не с кем хочет, а с кем ему выпадет!

Затя привела всех в восторг. С Лилькой все-таки было весело, несмотря на ее выкрутасы. Только Кирилл, сам любитель всяческих новинок, на этот раз махнул рукой:

– Ерунда. Я сяду где хочу и с кем хочу.

«Начинается», – подумала Катя, у которой на душе потяжелело: заявление явно относилось к ней. Компания весело запротестовала.

– А я сказал, – повторил Кирилл, и все, махнув рукой, стали разбирать билеты и искать будущих соседей, а Лилька послушно оторвала ему два билета подряд. – Идем, сядем в середину, –скомандовал он Кате.

– Слушай, он меня достал, – прошипела Катя Лильке. – Как сделать, чтоб отвалил? Где эта ваша Ольга?

– Ну и радуйся, – был ответ. – К чему похоронный вид? – А на протесты авторитетно заявила: – Ты дура. Чем он плох, скажи ты мне? Я всегда говорила, что он тебе подходит.

Катя поняла, что от Лильки толку не будет, и что она все-таки зря с ними пошла. И впору было хвататься за голову, потому что Кирилл уже тащил ее железной хваткой в зрительный зал. Стоящему на пути Денису было сказано, в форме совета, занимать места согласно купленным билетам. Этих двух студентов пора спровадить. Подошел Славка с пуделем под курткой и рассказом, как он его удачно пронес – никто и не заметил. Главное теперь, чтобы в зале не залаял.

– Да вам что, базар здесь, что ли? – удивился Кирилл. – Отдал собачку – и топай вместе с этим. – И, не дожидаясь ответа, пояснил: – Это моя девчонка, поняли?

– Не твоя, – очень миролюбиво не согласился с ним Славка.

– Ну, будет моя.

Катю бесил их разговор: обе стороны не обращали на нее ни малейшего внимания, хотя речь шла именно о ней. Но вот Кирилл к ней повернулся:

– Она и сама вам это скажет. Ну, Катюша?

Вот это наглость!

– Пошел к черту! – вспыхнула Катя, почти не держа себя в руках и проваливаясь от позора – все любопытные взгляды уже устремились к ней, показывая, что именно она сейчас в центре – в центре скандала.

Дождалась! На нее смотрела вся тусовка, контролер у входа в зал, гардеробщица из гардероба, публика, пришедшая на фильм, а в широко раскрытые двери – еще и какие-то прохожие, привлеченные криком, и даже люди, сидящие за столиками у пельменной напротив. Вдобавок Арчи, напуганный громкими голосами, залиvisto залаял и обнаружил себя – и Катя, схватив его и наклонив голову, бросилась к выходу.

Не оглядываясь, перебежала дорогу, крепко прижимая к себе Арчи. Куда теперь? Где здесь автобусная остановка? Или такси! Черт с ними, с деньгами, скорее взять такси и уехать отсюда! Но такси не было. У столовки стояла какая-то машина, но не садиться же к кому попало...

– Катя! – окликнули от столиков.

«Чужие люди, верно, знают, куда везут они меня»

Роман, по-видимому, здесь обедал. Он неторопливо вставал из-за стола, хотя – Катя видела как сквозь туман – на его тарелке еще оставались пельмени.

– Я еду в центр, – спокойно проговорил он. – Подвезти?

Катя кивнула, нагнув голову еще ниже, – она не могла вытереть слезы со щек, в руках был пудель – и молча полезла на заднее сиденье. Она боялась оглянуться на клуб – Кирилл ведь вполне мог броситься в погоню, хотя приближаться к Роману было бы неосмотрительно, да и живую преграду в виде Дениса и Славки еще надо преодолеть.

В любом случае погоня уже не успела. Машина тронулась, замелькали сосны, и злополучный клуб скрылся из вида.

Роман включил негромкую музыку и начал говорить о том,

что он к этой пельменной привык еще с детства, и сейчас там все осталось точно такое же, вплоть до солонки, перечниц и тарелок с оббитыми краями и надписью «Общепит», и общепитовское отсутствие уюта создает такой особый, неповторимый уют, и он любит сюда ездить в обеденный перерыв, хотя есть столовки и поближе. И основным воздухом так хорошо подышать. Он говорил, не оборачиваясь, – внимательно смотрел на дорогу.

Катя незаметно шмыгнула носом и коротко, одними междометиями согласилась с тем, что пельменная хороша. А ведь она тоже всегда любила эту пельменную! Они с Алешкой, когда жили на даче и когда мама не успевала приготовить им обед, часто сюда ходили. И хотя брат утверждал, что пельмени явно магазинные, какие дешевле самим сварить, есть их было так вкусно – за столиками на свежем воздухе, под соснами, иголки падают между тарелок.

Но Катя была в смятении, делавшем невозможной связную речь. Сердце у нее колотилось, ресницы были еще мокрые, она могла думать разве что о том, не размазалась ли тушь, и отодвинулась в угол, тревожась, как бы Роман не увидел ее лица в зеркале заднего вида. Еще она боялась, что начнутся расспросы, – и слишком по-дурацки было бы уверять, что все в порядке, и изображать спокойствие, которое невозможно изобразить. Но Роман ни о чем не спрашивал – кроме того, куда ее отвезти и где остановиться. Он был такой же, как всегда, сдержанный, ровный, внимательный, с обычной долей отстраненности.

Паника немного улеглась, но в сознании, видимо, что-то сдвинулось. Катя удерживала Арчи у себя в ногах, не давая ему забраться на сиденье и вытереть об него лапы, и искоса поглядывала за окно. Машина повернула, и она вдруг увидела переплетенные ветви каких-то необычных деревьев – ветви текучие, тонкие, причудливыми извилистыми линиями убегающие ввысь. Что это за деревья, и откуда такие взялись в их городе? Она их никогда не видала.

Роман затормозил и вопросительно оглянулся на Катю. Она выпрямилась и еще раз посмотрела за окно: мир перевернулся и стал ее двором, с подъездами, лавочками, новыми горками и деревьями,

которые она видела с детства. Она дома! Катя поскорей полезла из машины, одновременно благодаря Романа.

Потом она много раз пыталась снова увидеть «те» деревья, которые так ее поразили, пробуя смотреть на них из разных точек и по-всякому выворачивая голову. Но каждый раз это были прежние американские клены, растущие все эти годы вместе с ней, изящные, грациозные, с гроздьями зеленых крылышек – в животном мире им бы соответствовала газель, в музыкальном – виола, в посудном – кувшин с узким горлышком. А «тех» деревьев никогда уже не появлялось.

А какая у Романа машина? Катя опять не знала, хотя в ней ехала. Даже не увидела, какого цвета.

«Я знаю, что ни перед кем не буду я права»

Алешки дома не оказалось. Можно было уже не вымучивать выдержку и, в покое и безопасности, как следует пореветь. Катя чувствовала себя беспомощной, не поспевая за скачущими событиями. Разумеется, она первым делом принялась себя жалеть, мысленно утверждая, что ее поведение не было ни непоследовательным, ни неправильным, и она ничем не заслужила того, что свалилось на ее бедную голову.

Приведя все возможные доказательства в свою защиту, Катя как нельзя более ясно увидела, что кашу заварила она сама. И, как ни странно, успокоилась. Она заварила, она со всем уже и покончила, одним махом. Кирилл публично послан к чертям, и всё на этом. Главное ведь твердо решить. С этой злосчастной тусовкой она постарается больше не встречаться. Уж лучше беспросветная тоска, чем такие встряски. И это проще простого – она же знает их излюбленные места. Достаточно не появляться в спортклубе, на пляже и возле старого ДК, и проблемы пройдут стороной.

Катя даже умилилась собственному благоразумию. Да-да, теперь она всегда будет поступать обдуманно, а не с бухты-барухты...

На смену страху и подавленности пришло радостное возбуждение от сознания того, что все опасности позади, и она их благо-

получно избежала. Катя, напевая, покормила Арчи и даже угостила его конфеткой, хотя сладкое песику не разрешалось. Удобно усевшись на широком подоконнике, она развернула журнальчик, с удовольствием ощущая плечами и лопатками надежные, прочные стены своего дома, своей крепости... И вдруг внутри что-то неприятно заныло.

Денис, Славка! Она их подставила и бросила, и еще радуется, что так удачно сбежала. И не вспомнила ни разу о них! А там наверняка не обошлось без драки! И милицию в клуб вполне могли вызвать, вдруг у них неприятности? Катя болезненно сморщилась, сдвинула брови и быстро измыслила «оправдалку»: в конце концов, они – мужчины, и разбираться с драками – их дело. Чем она тут могла бы им помочь? И еще – они сами выступили против Кирилла, это был их выбор. Она же не заставляла.

Вот то, что Роман застал ее в таком плачевном виде – в прямом смысле! – печалило куда больше. Сколько раз Катя рисовала в воображении эту романтическую поездку! В которой она не затравленно сжимается комочком на заднем сиденье, а свободно и уверенно расположилась на переднем, рядом с Романом, и непринужденно с ним разговаривает, и он удивляется, как с ней интересно, как весело, и она первый раз видит его улыбку. И он понимает, что она уже не та маленькая девочка! И протягиваются невидимые нити! И вот так все испортить!

Катя страдала по-настоящему, вспоминая свое шмыганье и ответы невпопад. Ну почему она не смогла собраться и хотя бы выглядеть достойно! Он человек воспитанный, сделал вид, что ничего не замечает, но что он мог подумать? «Вечно с ней что-то случается, все ее обижают, надо на всякий случай присматривать, как за малым ребенком»!

А «Звездные войны»? Почему ей так на них не везет! Уже и билет был куплен, а опять не посмотрела!

«Настоящее, горькое горе в первый раз!»

А вечером под окнами затрещали мотоциклы. Катя сначала не придавала этому значения, но было уж что-то необычно, вызывающе громко, а от окошка она отпрянула: это Кирилл с двумя-тремя приятелями давал «круги почета», привлекая внимание жильцов «зефира». Усомниться в цели визита было невозможно. Они разезжали внутри двора, вокруг детской площадки, и громко выкрикивали угрозы и риторические призывы выйти к ним, называя ее имя. Катю сбросило с подоконника, словно ударной волной.

Даже зажав уши, она их слышала, причем еще отчетливее. Хулиганский наезд был настоящим кошмаром, даже в глазах помутилось, поплыло. Опять она словно смотрела со стороны фильм о себе – только небывало ужасный, жуткий фильм. И вопрос «что будет дальше» был кошмарным – казалось, это никогда не кончится. Негодяи долго надрывались – или это так показалось?

Кирилл великолепно – в своем стиле – ответил ей на пренебрежение. А что ему оставалось? Сначала Олька нахамила при всех, потом эта кукла – как сговорились! Безнаказанно это оставить нельзя – растеряешь весь авторитет, и себя уважать перестанешь, что еще хуже...

Отвратительные голоса долго раздавались в Катиных ушах, даже когда мотоциклисты убралась со двора. Алешка еще не возвращался, и она не знала, хорошо ли, что его нет и он ничего не слышит, или наоборот – Катя ощущала себя совсем беззащитной, словно вражья сила въехала внутрь и кружила прямо по ее комнате.

Крепости не было, покоя не предвиделось, она не могла чувствовать себя в безопасности даже дома!

Катя не думала о том, что ничего, оказывается, не закончилось, и ее решение отделаться от Кирилла совсем не означает, что это так и будет, а будет, очевидно, совсем наоборот. Все это и так было ясно и размышлений не требовало. Ужас ее нарастал, когда угрозы вырисовывались в голове отчетливее. Конкретные угрозы – и тупой, бесформенный ужас.

Алексей вернулся в добродушном настроении, посетовал на пришедшую не пойми от кого эсэмэску и, вытаскивая из кладовки

рюкзак, спальник и прочие туристические принадлежности, подробно рассказывал о предстоящем походе. Правда, он состоится только в следующие выходные, но подготовиться надо заранее. Катя слушала невнимательно, борясь с искушением рассказать брату обо всем, что с ней случилось. Ведь сразу полегчало бы! И Алешка наверняка нашел бы выход!

Но самолюбие держалось стойко. Вот так взять и сдаться, опозориться, самой объявить себя недееспособной, несамостоятельной? Самой на себя табличку «амлябы» навесить? Смыть такое пятно будет невозможно до пенсии. И потом, Алешка скорее всего учинил бы разборки с Кириллом. Что еще тут можно придумать? Еще и брата толкать на драку с этим психом? Ну уж нет! Держать удар, держать самой!

Она уже отогнала мелькнувшую было малодушную мысль сообщить обо всем другому брату, двоюродному Никите, или хотя бы совета попросить – он всегда все понимает и никогда не продаст. Никита как раз прислал письмо по е-мэйлу, что выпускные экзамены – кошмарная вещь, но он их сдает пока благополучно. Наивный, знал бы, что такое настоящие кошмарные вещи! Ладно, узнает когда-нибудь, если вообще узнает, а сейчас пускай сдает себе спокойно...

Кстати, по косвенным фактам Катя догадалась, что скандал в клубе ничем смертельным не закончился: если Кирилл свободно разъезжает по городу, значит, и с остальными все в порядке – милиция, небось, всех подряд загребла бы. Стало быть, обошлось без нее. И Славка прислал свои «письма счастья» – не только Алешке, но и ей, Катя проверяла. По-хорошему, отзвонить бы ему, спросить, как и что. Но Катя постеснялась. Может, ее совсем не рады будут слышать.

Алешка, раскрыв холодильник, проверял, сколько осталось консервов. Есть еще вариант – напроситься с ним в поход. Конечно, она ему там не нужна, и сама она не любитель долго тащиться пешком с тяжестью на спине или даже без тяжести. Комары, стертые ноги, ночью холодно... Зато не страшно! Можно попробовать набиться, на худой конец, если откажет, разжалобить брата, опять-таки пожертвовав всем своим достоинством, созданным по капле. Алешка, как

ей показалось, даже смотрит как-то выжидательно. Наверняка хочет, чтобы она попросилась с ним, недаром же так завлекательно рассказывал – и язвительную реплику наверняка уже заготовил!

И Катя выдержала характер, в поход не напросилась и ни о чем не рассказала. А когда легла спать, не переставала прислушиваться – поневоле ожидала повторного налета мстителей на мотоциклах. И Пальма на картине чутко приподнимала ухо.

«Захлебываясь от тоски, иду одна, без всякой мысли»

Два дня, как в осаде, Катя сидела дома. Даже в магазин не ходила. Только Арчи выпускала во двор, сама оставаясь стоять на крыльце. Хорошо еще, что собачья Света тоже куда-то уехала, и никто не приставал, не звал гулять.

Кирилл больше не появлялся, но несколько раз на мобильник звонила Лилька. Подозревая подвох, Катя не отвечала. Вдруг там Кирилл рядом стоит, и звонит она по его велению, чтобы ее из дома выудить. Значит, он не успокоился! И не успокоится, настырный!

Конечно, вынужденное сидение дома было унижительным, и Катя одной частью души готова была взбунтоваться: сколько еще будет тянуться омерзительная напуганность и прятанье по углам? Но вторая, благоразумная половина прекрасно понимала, что лучше пока переждать.

Но на следующий день выйти из дома надо было позарез: на курсах предстояла та самая итоговая работа, которую если пропустить – не дадут бумажку. Это же не какая-нибудь лавочка, где просто за деньги выдают свидетельство об окончании, хочешь – ходи, не хочешь – не ходи, а серьезные, престижные в городе курсы, которые ведут вузовские преподаватели. Придется тогда со следующей группой сдавать, через месяц. Или вообще осенью. Ведь неизвестно, наберут ли еще группы в июле и в августе. Может, нет.

Катя хотела довести учебу до логического конца. И тут может получиться, что из-за этого ненормального Кирилла... нет, уж если честно – по ее собственной милости – все старания пойдут прахом!

Конечно, можно продолжать сидеть взаперти и сдать все-

таки позже, а родителям наплести, что плохо себя в этот день чувствовала... Но в душе боролось чувство долга. Катя вспомнила выражение катастрофы на папином лице, когда он вдруг узнавал, что она плохо себя чувствует и не пойдет в школу. Для него не пойти на работу, или на учебу, то есть не исполнить свой Долг, можно было, только если смертельная болезнь приковала тебя к койке – и он ужасался: дочка при смерти. В его сознании не умещалось, что Катя всего только слегка хандрит, и ей так хочется просто поспать подольше, и поваляться дома с книжкой – а все ухаживают, приносят вкусные вещи... Жаль, конечно, что он каждый раз так пугается, но до чего приятно слегка поболеть!

И Катя начала собираться. Она уже знала, что вопреки здравому смыслу пойдет на курсы – согласно еще одному здравому смыслу, который, оказывается, когда-то был впрыснут в нее, словно прививка, и теперь начинал действовать. К тому же она представила Алешкину реакцию в случае, если учеба не будет завершена достойно, реплики насчет мозгов, публичные насмешки...

Вперед! Дело прежде всего! Только бы с Лилькой как-нибудь разминуться. Идя по улице, Катя заставляла себя не озираться поминутно – всё время мерещился Кирилл – она даже думать ни о чем не могла, кроме того, что надо держать голову прямо.

Ей повезло – Лильки на курсах не было. То ли она совсем забросила учебу, то ли решила сдавать потом из-за пропусков. С неплохим результатом, в приподнятом настроении Катя возвращалась домой, и только возле самого «зефира» нахлынула знакомая, нудная тоска. Катя притормозила, недоверчиво оглядывая собственный дом: он мог оказаться засадой. Нет ли кого во дворе?

И лицом к лицу столкнулась с Ликой из Кирилловой тусовки! Пришлось натянуто с ней поздороваться, незаметно оглядевшись и убедившись, что она одна.

– А я тебя и не узнала, – сказала Лика.

Она могла бы пройти мимо, но не прошла.

– Почему? – опешила Катя.

– Ты обычно в розовом, а сегодня – нет.

Розовое одеяние было равнозначно последним событиям. Катя затолкала его в дальний угол шкафа и не надела бы под ружьем.

– Он так и не отстал от тебя? – догадалась Лика, глядя на изменившееся Катино лицо, и пояснила, не называя имен: – Я хорошо его знаю. Если он что-то захочет, у него это будет. Он так бесился тогда в клубе! С чего же это все началось?

– С ерунды.

Серьезная, выдержанная Лика внушала доверие, она разговаривала с Катей так сочувственно, и Катя, немного отвыкшая от людей за это время, вкратце, сбивчиво пересказала события – начиная с исторического маскарада и включая мотогонки под окнами.

– Ты зря вляпалась в эту историю, – решила Лика, обдумав услышанное. – Его нельзя было так дразнить. И зачем тебе это понадобилось?

– Вот и я теперь думаю: зачем? – простодушно подтвердила Катя.

Лика вскользь улыбнулась, потом сосредоточилась. Кажется, она не собиралась просто посочувствовать и идти своей дорогой – она размышляла, искала выход.

– Сейчас он выпускные сдает и волей-неволей занят. А вот впереди два выходных, а потом еще понедельник праздничный, День России, да? Три дня подряд. Тебе есть куда уехать на это время?

– Конечно, некуда, – сразу ответила Катя.

Лика настаивала:

– Подумай хорошо. Есть ведь друзья или родственники? Исчезнешь на время из города, страсти улягутся, и ты спокойно сможешь жить дальше.

– Родственники сами к нам приезжают, у нас традиция одностороннего движения. Три дня! Да он, может, забыл уже...

– Ты ничего не поняла, – нетерпеливо перебила Лика. – Когда он видит цель, то ломит к ней со всей дури. А еще в праздники дел никаких... А если тебя просто нигде не будет, за это время много чего переменится, перемелется. Когда зацикливаться не на чем, у него всегда возникает что-нибудь новенькое. Понимаешь? С глаз долой – ты будешь уже пройденный этап... У тебя, конечно, есть при-

чины мне не верить... Ну не сидеть же тебе дома взаперти столько времени! К тому же если он знает, где ты живешь... А он подумает: проорал о тебе свое мнение – ну и ладно, и дело с концом, все слышали, – от волнения Лика путалась, и Кате было непонятно, почему она приняла ее дела так близко к сердцу.

– Все это хорошо звучит, но с чего ты взяла, что именно это он подумает и сделает?

Лика сожалеюще взглянула и сказала с запинкой:

– Потому что он мой брат. Я давно его изучила.

Катя отпрянула.

– А ты и не знала, с кем разговариваешь?

Обманули! Какой ужас! Обман и ужас! Кругом враги! Что же она наделала! Боже, какая наивность! Не отрываясь, Катя смотрела в лицо Лики. Те же черты, те же черные волосы и яркий румянец, тот же высокомерный поворот головы – как она раньше могла не заметить!

– Не пугайся! – спохватилась Лика. – Я думала, ты знаешь и потому мне не веришь. Но я же ему не сообщница! Мы всей семьей замучились его, дурака, из всяких историй вытаскивать! Я не хочу, чтобы он еще что-нибудь натворил! И я дело говорю – надо исчезнуть на время. Ну, можешь меня не слушать, с братом тогда посоветуйся.

– Нет, – твердо сказала Катя, выходя из шока. – Тогда он должен будет или устраивать разборки, или взять меня с собой в поход. Обязательно потащит, чтобы со мной ничего здесь не случилось. Зачем мне это нужно! Почему кто-то должен портить себе выходные из-за моей глупости, – она мужественно назвала вслух, точным словом причину проблем.

– Ну, все мы бываем иногда не особенно умными, – утешила Лика. – Поход? Далеко, с рюкзаками? Это неплохо, но если ты не хочешь... Слушай, а ты Денису и Славке доверяешь? Они же твои друзья? Вот правильно, держись за них. Мне кажется, нормальные ребята. Мы с ними как раз недавно о тебе вспоминали. Давай знаешь что? Если тебе неудобно, я сама с ними переговорю, и они к тебе подойдут вечером с какой-нибудь идеей.

– Боже мой, – болезненно сморщилась Катя, – может, не надо, ведь у людей свои планы на праздники, может, я как-то сама...

– Сама ты уже все, что могла, сделала.

Кате не понравился ее самоуверенный, руководящий – почти как у Кирилла – тон, но пришлось проглотить. Потому что скорее всего придется принять ее предложение. Она совершенно не представляла, как сама звонит своим новым друзьям – Славке, например, у нее же есть его номер – и взывает о помощи. А делать что-то надо, если даже такой авторитетный человек, как сестра злодея, так считает и предлагает свои услуги!

– Да, Катя, чуть не забыла. Не говори ничего и ни о чем Лильке, ладно? Кириллу всё будет известно через пять или шесть минут.

– Ты и Лильку лучше всех знаешь? – не удержавшись, съязвила Катя, на что Лика серьезно ответила:

– Конечно, мы с первого класса вместе учимся.

«Мужайся: я твой щит и мужество!»

До самого вечера Катя слонялась по своей комнате, полная сумбурных мыслей, и пилила себя. Никакого характера, никакой силы воли, чуть что – хныкать и жаловаться, валить на других свои проблемы. Почему, почему за нее всё должны решать другие? Ладно – учителя и родители, но даже друзья считают себя умнее!

Хотя что это она взялась подчеркивать свою никчемность? Прибедняться, чтобы себя оправдать... Вырядиться тогда чучелом – хватило характера? Ну, тут скорее минутная прихоть. А вот Кирилла послала же подальше, хотя могла и все замять, и отшутиться? Так и это не от геройства, а от отсутствия выдержки, чем похвалиться-то...

Ее бросало то в жар, то в холод, в противовес спасительным мыслям появлялись другие, более точные и беспощадные. Выходит, все ее собственные решения и поступки никуда не годятся?

Зазвонил мобильник. Денис сообщил, что он недалеко, и спросил, можно ли заскочить на минуту, – и действительно, через минуту был уже в перехватовской прихожей. Начал с главного:

– Все в порядке. В субботу с утра едешь со Славкой. Полдевятого подходи на «красную площадь», к магазинам, где всегда много машин. Синяя «восьмерка»...

– Погоди. – Готовые директивы сбили Катю с толку, ей все еще хотелось самостоятельности. – Как ты сказал, куда я еду со Славкой?

– Он найдет куда, главное, подальше от города. А ты придумала что-то свое?

Конечно, нет.

– Алексей в курсе, – продолжал Денис, – всё одобрил.

Значит, ему уже всё рассказали. Катя с обидой представила облегчение брата при известии, что о сестренке позаботится кто-то другой, и можно в кайф развлекаться со своими друзьями и своими девочками. «Одобрил!»! Легко живется некоторым!

Денис говорил лаконично, по-деловому, ситуацию не пережевывал, в подробностях не копался, потасовки в клубе не коснулся. И о Кирилле упомянул только однажды: «Мы думали, всё под контролем, но кто ж знал, что он псих». Ни укоризны, ни насмешливости подозрительная Катя тоже не заметила, а вот он ее скрытое недовольство увидел сразу.

– Что-то не так?

Она пожалала плечами. Надо бы радоваться, что все обошлось, что для нее всё придумали. Где благодарность? Принцесса на горошине. Цыпи-Дрипи. Иллюзии самостоятельности разлетелись, как одуванчик. Денис взглянул пристальнее:

– Может, ты нам не веришь? Мы правда никогда в его тусовке не были. Он сам завел шапочное знакомство со Славкой, чтобы в спортклуб пролезть. Ну, еще на Славкином аквабайке покататься – крутой же.

Катя нахмурилась, потом махнула рукой:

– Да нет, я верю... Только интересно, почему все меня считают за дуру. Это что, на самом деле так?

Но Денис пропустил чепуху мимо ушей и продолжал искать причину:

– Может, ты не хочешь ехать со Славкой?

В самом деле, почему именно Славка? Почему не сам Денис? Кате до сих пор и в голову не приходило, что она кому-нибудь из них нравится, потому что ни один этого не показывал. Они просто появлялись всякий раз вместе, как двое из ларца, и сами собой сложившиеся отношения были ей по душе – приятельские без каких-нибудь лишних сложностей. Но чтобы поболтать при встрече и уплести в гостях бутерброды, приятельских отношений достаточно. А вот ввязываться из-за нее в неприятности, или прибегать по первому зову, или жертвовать выходными – для этого нужны ведь уже более весомые причины. Одному из них она понравилась или сразу обоим?

– Мне все равно, – ответила Катя.

Денис вообще казался непрошибаемым, он и от Лильки всегда отмахивался, как от мухи... Зачем заморачиваться и все усложнять? О том, что она может попасть из огня да в полымя, Катя совершенно не думала. Эти ребята выглядят такими надежными. Достаточно того, что брат им доверяет.

И вообще, навоображала – может, никому она и не нравится, а всё это... так, благотворительность. Может, это институтские неуставные отношения, может, Алешка им покровительствует – они же с первого курса, а он старше. И они для него рады стараться. Кто их разберет? Поняв, что собственная прозорливость ее не радует, Катя остановилась.

– Лика говорила, тебе не хочется никого беспокоить. У всех, конечно, уже были какие-то планы, вот и искали, к кому бы тебя пристроить, чтобы не очень их нарушить, – сказал Денис довольно безжалостно. Подвел черту: – И нашли.

«Я не плачу, я не жалуюсь, мне счастливой не бывать»

Примирившись со своим подчиненным положением, ранним субботним утром Катя обреченно отправлялась в ссылку.

Они шли до центральной в городе «красной» площади вместе с Алешкой, который легкомысленно хохмил, предлагал не пополнять коллекцию поклонников-маньяков, советовал быть пайнкой,

передавал привет Славке и, наконец распрощавшись, бодро пошагал через дорогу со своим огромным рюкзаком. Он и дома, против Катиных ожиданий, ситуацию не драматизировал, не говорил воспитательным тоном, даже не попрекнул за то, что она сама обо всем не рассказала, и, скорее всего, просто не придавал происшедшему должного значения.

Но обычная сообразительность ему не изменила: он посоветовал сестре отправляться ночевать не на городскую квартиру, а на дачу – конспирация прежде всего! – вручил ключ, и даже Арчи схватил с собой в поход – абрикосовый пудель мог выдать свою хозяйку не хуже розового костюмчика. Арчи провожал ее печальным взором из-под мышки – Алешка волок его вместе с рюкзаком.

А Кате пришлось тащиться дальше одной и среди скопища пыльных машин искать синюю «восьмерку». Она не без опаски заглянула внутрь. Высунувшийся из окна Славка перехватил ее взгляд:

– Не волнуйся, никого нет. Будем только мы вдвоем.

«Осчастливил», – фыркнула Катя себе под нос, а вслух ответила:

– Мне все равно.

Денис доложил о ее плохом настроении, и Славка, убедившись, что это правда, видимо, решил не давить – все-таки ей как следует досталось за последнее время:

– Поедем, куда захочешь.

– Мне все равно. – Катю заело на этой фразе, но Славка, подготовленный к худшему, не терял дружелюбия:

– Тогда давай просто покатаемся, а там сообразим.

И быстрая езда не развеяла ее угрюмого молчания. Сердилась Катя главным образом на себя: ну, какого черта она сердится? Уж Лилька бы на ее месте не стала сидеть и кукситься, такое бы веселье устроила! А ей не хочется, и всё. Что она, обязана? Конечно, жаль обижать симпатичного Славку такой надутостью... Вот именно – жаль Славку: прицепили, навязали... Катя повернулась к нему:

– Ты разве собирался кататься?

Тот утвердительно качнул головой:

– Весь день, чтобы ветер в голове погулял. Последний экзамен сдал, так что сегодня – полное безделье.

Катя оживилась. Кажется, она и в самом деле не нарушила его планов, просто вписалась в них. Прицепом...

И магия движения тоже наконец подействовала.

– А ты еще не была на воде? Может, на моторке прокатимся? «Мне все равно», – чуть не ответила она по инерции, но вовремя спохватилась и решительно кивнула. Наверное, он и собирался на солнышко, зачем же еще чего-то выдумывать. Потом пришло в голову: а не рискованно ли в такой погожий день появляться на пляже – там наверняка сейчас весь город будет. С проклятой тусовкой она тогда именно на пляже столкнулась.

– А конспирация? – спросила Катя.

Славка на секунду задумался и протянул ей свою бейсболку. Катя надвинула на нос козырек. Конспирация!

Машина затормозила. За соснами блестело озеро. Где-то здесь, на лодочной станции, Катя знала, можно взять напрокат катамаран или лодку, они катались всей семьей на майские праздники. Когда она об этом сказала, Славка вскинулся:

– Хочешь покататься?

И сломя голову кинулся на причал. Кате стало неудобно: чего он так старается, ведь вокруг люди, они смотрят...

А Славка гордо показывал ей свой водный мотоцикл, который держал здесь по договоренности со сторожем, старичком в белой фуражке, и рассказывал что-то о тренировках в бассейне, о тренировках на озере и о соревнованиях в скором времени.

– Так вот кто подрезает несчастных купальщиков, – покачала головой Катя, из вежливости подойдя поближе.

Славка возмущенно запротестовал – это не он подрезает, а всякие новые русские с дач и местных домов отдыха, которые и ездить-то не умеют, а он вообще тренируется не здесь, а подальше, у того берега, где не так мелко и поменьше пляжников. В той стороне, где тот самый черный камень знаменитый, она наверняка слышала. Катя заинтересовалась камнем – правда, слышала, но они с родителями никогда туда не добирались.

– Так давай сейчас! – обрадовался Славка.

Катя опасливо поглядела на крутой аквабайк:

– Не на нем ведь?

Экстремальные эксперименты ее как-то не привлекали.

– Нет, он – спортивная лошадка, – засмеялся Славка, любовно погладив мотоцикл, – и на одного рассчитан. Мы моторку сейчас возьмем.

Для начала моторка хаотично поносила по озеру. Зигзаги и круги привели Катю в совершенный восторг: с родителями всегда приходилось плыть по прямой к заранее выбранной цели. Пенистые хвосты успевали перечеркивать друг друга, а встречный ветер начисто выветривал Славкины экзамены и Катины переживания. Славка управлялся с посудиною умело и непринужденно, несколько при этом не рисуясь.

Время здесь, на воле, растворялось, исчезало привычное течение часов и минут, и даже циферблат ни разу не возник перед мысленным взором. Солнце поднялось уже высоко, и на волнах плясали золотые змейки. Они выбрались на середину озера, вдаль сплошь искрящегося. Теперь приблизился противоположный берег, более дикий и безлюдный, и в воде вместе с золотой рябью качались отражения кудрявых деревьев. Славка высматривал пляж получше: охота поплавать, пока солнышко светит, а к камню можно потом. А то вдруг лето опять кончится до конца дня.

Он сразу же побежал купаться. Катя отважилась лишь пошлепать по воде – на этом берегу она была заметно холодней и глубже – а потом оседлала живописную корягу. Вскоре появились еще пляжники – три парня и четыре подружки.

– Эй, девушка! – окликнули Катю. – Пошли, мячик покидаем!

И Катя пошла. Скоро она заразилась общим настроением, бегала по всему берегу за мячом и то и дело доставала его из воды. Отбивая мяч на бегу, Катя вдруг заметила Славку, который уже вылез и с улыбкой следил за ней. Она сразу же смутилась и перестала играть.

– А я еще ни разу не видал, чтобы ты играла в волейбол.

Катя покраснела, нахмурилась, улыбнулась, опять нахмури-

лась и опять улыбнулась – невозможно было сохранять серьезность под Славкиным веселым взглядом.

– Ну, конечно, – сказала она наконец, – я плохо играю.

– Нет, ты играешь хорошо.

Он перехватил мяч, летящий в их сторону, и побежал в круг, согреться. Вот кто умел играть – мячик ни разу не искупался. Сегодня Славка совершенно не был незаметным и сереньким – и как это он раньше ей таким казался? Загорелый, ловкий, он сразу выделялся точностью движений на фоне не очень умелых «любителей», таких же, как Катя.

Катя с некоторым облегчением отправилась бродить по нагретому песку. Не то чтобы она рада была избавиться от Славкиного общества, просто наконец убедилась, что оно ее не тяготит, как и ее собственное – Славку: тот явно резвился как ни в чем не бывало, не теряя обычной непоседливости. Но и внимательности тоже: когда Катя, подустав ходить и обнаружив, что ее коряга занята чужой одеждой, забралась посидеть в моторку, он оказался тут как тут.

– Играй, чего бросил, – разрешила Катя.

– А ты не уедешь без меня?

– Конечно, нет. Я же не умею.

– А чего там уметь. Ну-ка!

Катя отчаянно мотала головой, но Славка уже загорелся идеей и перетаскивал ее на свое место.

– За руль держись, и всё. Не бойся, не взорвется.

«Как правая и левая рука – твоя душа моей душе близка»

Катя ничего не делала, только держалась за руль, а моторка мчалась, легонько подсакивая на волнах, упоительный ветер развеивал волосы, и при повороте в лицо летели чудесные брызги. Славка стоял сзади, держа за спинку ее сиденья.

– Здорово?

– Еще как!

Скоро Катя перестала бояться, что катер под ее управлением вылетит со всего разгона на берег, как в «Ну, погоди», и поскачет

по суше, и была очень горда своими успехами – прямо как Арчи на горке. Гоняли долго, но ни озеро, ни керосин что-то не кончались.

– Дальше по программе обед, – объявил Славка.

И правда, в далеком человеческо-городском мире все уже должны были давно отобедать. Катя поняла, что она устала и проголодалась.

Но хорошие местечки вдоль берега одно за другим оказывались заняты, везде покачивались моторки или лодки – отдыхающие привычно искали разнообразия на противоположном берегу. Да и их собственный берег тоже был сплошь завален загорающими телами. Вышли на свои чистенькие огороженные пляжи и отдыхающие из домов отдыха. Люди маячили повсюду, где только можно было подойти к воде.

– Сколько их! – диву давался Славка. – Гляди, вон там – не Кирилл? – и засмеялся, когда Катя чуть не нырнула под скамейку: – Здорово же ты его боишься!

– Я никого не боюсь, – был ответ железным голосом. – Идиотские шутки что, в твоём репертуаре?

– Давай-ка выключать мотор и есть прямо посреди водного пространства, – миролюбиво предложил Славка. – Берега не для нас.

– А унесет?

– Ну, прибьет куда-нибудь. Уж выгребем потом.

Мир был восстановлен. Со Славкой было легко, он не умничал, не ёрничал – кроме этой неудачной шуточки – и Катя, привыкшая при Алешке всегда находиться в состоянии обороны, расслабилась и отдыхала по-настоящему.

Ссылка оказалась такой приятной!

Они немного поколебались, бросать ли за борт косточки от черешни, потом решили – бросать, это же органика, а не целлофан или консервные банки. Может, их съест глубоководный монстр – озеро ледниковое, вдруг в нем до сих пор плавает какой-нибудь ископавр. А если их унесет волной на берег – еще лучше: однажды там вырастет и зашумит ветвями целый вишневый... черешневый сад. Славка даже начал определять по течению, куда именно должно выбросить косточки.

– Мы же потом туда придем, проверим.

– Завтра? – уточнила Катя.

Славка вздохнул:

– Завтра тренировка. Да завтра и не вырастет – не успеет. А ты не поедешь со мной на тренировку? Правда, надо будет рано встать... – И спохватился: – А камень-то! Я ж обещал показать!

Но когда они подплыли к нужному месту, оказалось, что оно со стороны озера непроходимо – сильно заболочено, залито дождями и подмыто волнами. К черному камню никак не подобраться. Энтузиасты пытались проложить там дощечки, но дощечки утонули, а земля еще больше раскиселилась. Катя хотела изобразить, что насколько не огорчена, но Славка уже тянул ее к моторке:

– А мы с другой стороны! Мы сейчас на машине подъедем, я знаю дорогу!

Как здорово, когда нет ничего невозможного, и рядом тот, кто всегда знает дорогу, находит выход и к тому же не дает понять, что это стоит великих усилий!

Выжав из моторки последнюю каплю керосина, они вернулись к синей «восьмерке». Славка уверял, что она почти что джип и легко одолевает бездорожье, а Катя беспечно думала, что даже если они где-нибудь засядут на проселочной дороге, это все равно будет здорово. Такой уж день сегодня.

Но они нигде не засели. Не меньше пяти машин на поляне показывали, что цель близка. Катя на всякий случай надвинула бейсболку на лицо, бегло оглядела паломников – и сдвинула ее на затылок. Здесь были только семьи с детьми и такая же, как они со Славкой, парочка. Такая же – парочка? Катя усмехнулась над собой – что значит мыслить штампами! – и поспешила к достопримечательности.

Легендарный черный камень действительно оказался очень большим – на нем свободно умещалось человек десять. Он-то и был настоящим ископавром – наверняка его, кусок какой-нибудь доисторической скалы, волокно сюда вместе с ледниками. Не строго черный, конечно, но темно-темно-бурый, обтекаемый, сглаженный веками и водой. С этой стороны подход к камню был хорошим, утоп-

танном, и дети, взгромоздившись, скакали на верхушке, а взрослые с сосредоточенными лицами сидели по краям.

– Желания загадывают, – пояснил Славка.

Катя и раньше слышала, что если прикоснуться к этому камню, желания сбываются, и на самом камне, чтобы уже не оставалось сомнений, кто-то крупно начертал: СБЫЧА МЕЧТ.

– Давай и мы полезем! – зашептала Катя, сразу почувствовавшая себя язычницей. – А можно несколько желаний? – озаботилась она. – У меня же их много! Как же тут выберешь! Можно, например, так: залез – загадал – слез, потом снова залез – и так сколько нужно?

Славка усомнился:

– А это не мошенничество будет?

– Да я понимаю, что по-настоящему надо одно, самое главное, – вздохнула Катя, – да вот только оно не одно.

Постепенно комары прогнали публику, волшебный камень освободился, и Катя на него забралась. Славка не отставал. Катя начала перебирать желания, чтобы определить, какое из них потянет на самое главное, но нужные мысли разбежались, и пробирались посторонние: например, а что сейчас загадывает Славка? Наверное, чтобы они с Денисом сдали все экзамены, какие им остались, беззаботно подумала Катя и спросила:

– А что вам еще сдавать?

– Мне – ничего. Я то, что осталось, досрочно сдал – не говорил разве? А вот Денису – еще сопромат и вышку, – ответил Славка. Не одно поколение студентов называет столь непочтительно высшую математику. – Он сейчас готовится, небось. Мужик обстоятельный, авралов не любит, долбит всегда конспекты пунктуально...

А почему Славка сам ей тогда не позвонил, вдруг подумала Катя. Почему к ней был отряжен Денис, если он так занят? И потом, она же не ему, а Славке давала свой телефон, для «письма счастья» – значит, сначала Славка должен был передать ее номер Денису, потом Денис – позвонить ей... Не слишком громоздко? Не проще было обойтись без посредника? Катя чуть было не спросила об этом, но вовремя вспомнила, что и сама отправила посланником Лику. Ей

было стыдно самой просить о помощи – ведь можно было услышать и отказ. Так, может, и Славка думал точно так же?

В какие дебри ее занесло с ее богатой фантазией! Вот вечно навидумывает! Вместо того, чтобы чем положено заниматься. . .

И Катя, как с размаху, загадала совершенно другое желание, не из набора заготовленных: пусть в ее жизни таких дней, как сегодня, будет побольше! Побольше таких перевертышей, когда неудачи вдруг оборачиваются чем-то неожиданно замечательным!

– Приедем еще – и еще загадаешь, – утешил Славка, открывая машину.

– Когда же приедем? – вяло отвечала Катя. – На тренировку твою я не поеду, я завтра рано ни за что не проснусь.

Она откинулась на спинку сиденья, взгляд у нее был утомленным и рассеянным – вольный воздух быстро доконал тепличное создание. Ни шевелиться, ни думать не было сил.

– Убита кислородом, – определил Славка, – и рукава пора надеть, а то сгоришь. . .

– Уже сгорела, – осмотрела себя Катя.

– Давай тогда тебя в тень посадим. Я знаю здесь одну полянку – у самой воды, и деревья высокие.

Полянка и вправду была хороша и, главное, совершенно свободна. Люди здесь с утра побывали, но уже ушли и, что самое удивительное, за собой всё прибрали. Только совсем вдалеке, на песчаной косе, кто-то загорал.

– Кирилл! – пугнул Славка еще раз, не удержавшись, но Катя не обратила внимания: боже мой, он все еще думает, что ее волнует Кирилл. . .

Солнце уже не пекло, а мягко просачивалось сквозь сосновые кроны и заметно клонилось вниз. На полянке было здорово, она могла сидеть здесь сколько угодно. И Славка никуда не торопился. Он, в отличие от Кати, как будто и не устал – разгуливал вверх-вниз по обломившейся сосне, упавшей макушкой на землю. Но они же не определили, когда возвращаться. Катя чуть-чуть недоумевала. Она представила, что это ее брат вольготно раскатывает на отцовской ма-

шине и не спешит домой. А дома о нем и не вспоминают? Что-то не сходится. Может, в других семьях все не так?

– Мы когда должны возвращаться? Тебе домой не пора? – наконец спросила Катя.

Славка пожал плечами.

– А куда торопиться? Времени полно.

– Действительно полно? А родители?

– В Москве, как всегда, – был ответ.

Кате потребовалось время, чтобы переключиться на восприятие действительно иного образа жизни. Славкины родители работали в столице, а когда он стал студентом, переселились туда вообще, оставив ему в полное владение квартиру и машину. Так они понимали самостоятельность.

У Кати в голове не уместилось: значит, Славку никогда никто не встречает и не провожает, он сам отпирает ключом квартиру, в которой он полный хозяин, сам ставит синего «Жигуленка» в гараж и сам возится с ним и с аквабайком, сам определяет, что и когда ему делать – или не делать, сам просыпается по утрам – или не просыпается, сам... Что там еще должны делать взрослые? Сколько нудного всего: ходить платить за квартиру со всякими там квитанциями-бумаженциями, за телефон, покупать всё, от еды до спичек!

Изумленная Катя задавала один вопрос за другим, получая утвердительные и чуть ироничные ответы. Что, и ему приходится самому прибираться? – А разве трудно включить пылесос раз в неделю? – Да еще возиться со стиральной? – Ну, если не хочешь сдохнуть после комплексных обедов в студенческой столовке. – Вот это да! – Почему? Надо быть гигантом мысли, чтобы бросить кусок мяса на сковородку или сварить курицу с руками и ногами?

Славка терпеливо отвечал, разгуливая по сосне – он совершенно не мог оставаться в бездействии. Но Катя продолжала изумляться, тем более что ее поразило открытие: их с братом жизнь – инфантильность и иждивенчество. Взять хотя бы сцену, когда мама запрещает посылать Алешку за хлебом: что вы! у него завтра зачет! какой магазин, он же сидит и занимается! А утром его ждут завтрак и белая рубашка; как готовится одно и стирается и гладится другое,

он безмятежно не имеет понятия. А мамино вечное беспокойство о его поздних возвращениях: уже двенадцатый час, вдруг что-нибудь случилось...

Катя колебалась между восхищением Славкиными родителями, такими современными, которые настолько доверяют ему, что дают полную свободу, и укоризной: как же можно оставить ребенка, пускай большого, совсем одного?

– Как же они о тебе не беспокоятся?

– А чего беспокоиться? – пожал плечами Славка. – Что со мной может случиться?

– А вдруг заболеешь?

– Заглотчу таблетку и вылечусь, подумаешь. Да я и не болею. Разве что этой зимой в эпидемию гриппа валялся. Мне тогда Денис заменил родную мать, как Малыш Карлсону.

– И лечил так же?

– Почти, только он смешивал чеснок, перец и водку. Мертвый вскочит.

Друзья брата только и ждут момента, когда в чьей-нибудь квартире никого нет...

– Когда мы с мамой уезжали в Москву в ателье, а папа был в командировке, – вспомнила Катя, – Алешка устроил в квартире такой раздолбай. Навел мальчишник, и они так гудели, что я не сразу узнала при встрече его свиноподобие...

– Ну и что, – как будто обиделся Славка, – и у меня наша группа всегда собирается, у кого же еще. Это не значит, что я потом ползу на четвереньках. Я же люблю ездить и почти всегда за рулем. А может, – он сам был слегка удивлен догадкой, – родители и купили мне этих игрушек с дальним прицелом... Кто их знает.

Катя подумала о том, что игрушки – машина, водный мотоцикл, большой теннис и прочее должны обходиться недешево. Непонятные все-таки у него родители. Ничего не жалеют или откупаются?

Еще она заметила, что почему-то ей становится интересно все о Славке узнавать – в то время как у остальных окружающих молодых людей обычно представляли ценность только роли, в которых они могли ей подыгрывать: Влюбленный, Злодей, Верный Друг,

Благородный Рыцарь – а их собственная жизнь, привычки, планы нисколько не занимали.

Она оживила декорацию «человек из массовки», или та сама ожила? И когда – здесь и сейчас, тогда на обрыве, на стенке у теннисного корта, в спортклубе, когда щелкал шарик? Катя пыталась осторожно поворачивать калейдоскоп в обратную сторону, чтобы что-то отыскать в совсем недавних картинках.

– А ты говоришь – иждивенчество, – продолжал Славка, немного смущаясь. – Хорошо быть самостоятельным с готовыми деньгами. Мне и сессия вроде спорта, а Денис вон погибает, чтобы именную стипендию получить. И еще работать ездит в Серпухов. Ладно, я, может, приз возьму на соревнованиях! Там деньги приличные. А ты придешь болеть?

– Обязательно, – пообещала Катя, правда, не поняв, о каких именно соревнованиях речь – аквабайк или теннис. Честно говоря, глаза уже слипались.

Славка не скрывал радости:

– Я позвоню! Я уж думал – как тебя потом достать – ведь в спортклуб точно не придешь. Может, учиться к нам будешь поступать, на подготовительные курсы?

– Ни за что. Я считать совсем не умею. Алешку заставляли помогать мне по физике, он с первого раза сдался и, чтобы упростить ситуацию, подарил свою общую тетрадь, которая со школы осталась, там все задачки. С подробными решениями, лучше, чем ГДЗ. Очень помогло. Жаль, по алгебре такая не сохранилась.

– Это мне надо посмотреть в ящике с макулатурой, в гараже. Я всё хотел выкинуть школьное старье, да так и не собрался. А может, тебе на туризм поступать, там нет математики?

– Да нет, я на иняз всегда хотела...

И жизнерадостная болтовня продолжалась.

Солнышко садилось. С этими минутами всегда были связаны печаль и уныние, и Катя не переставала удивляться: она впервые видела веселый закат. Всё так же беспечно, совсем не прощально разбегались лучи, и всё так же плясали на воде золотые змейки.

*«Тихий дом мой пуст и неприветлив,
он на лес смотрит одним окном»*

Когда они подъехали к даче, уже совсем стемнело. Славка дотошно расспросил, сумеет ли Катя отпереть калитку и входную дверь, не забыла ли ключи, не заедает ли замок, не проводить ли ее до самого дома, и не будет ли она бояться там ночевать одна, и охраняется ли дачный поселок. Катя, побренчав ключами для убедительности, уверила его в том, что опасности никакой, охрана есть, и отпирается все легко, а вот ему лучше поторопиться ехать в город и постараться не застрять где-нибудь в темноте.

Но они еще довольно долго стояли у машины – Катя рассказывала, как она ничего не боится. Как они с Алешкой еще совсем маленькими привыкли оставаться на даче одни, потому что родители обычно возвращались совсем поздно. Они без них ложились спать, и брат в полной темноте рассказывал страшные истории. Одна была довольно реалистичной – про упавшую на дом сосну. Во время сильного дождя или грозы сосны вокруг так сильно раскачивались, и скрипели, и стонали потусторонними голосами, и Катя с замиранием сердца ждала, что вот сейчас какая-нибудь свалится прямо на их крышу. И однажды сосна совсем рядом, в санатории, действительно упала, но не задела ни дом, ни забор, ни другие деревья – как будто ее уложили ровно, аккуратно, с предварительным расчетом ничего не повредить. Но все равно такой треск был жуткий...

А особенно страшно было, когда Алешка бросал ее и убегал куда-нибудь с мальчишками, а ее пугал, что надо закрывать все окна и двери и ни в коем случае не включать свет – а то влетит шаровая молния. Наверное, просто врал, чтобы она сидела смирно. Как же жутко было сидеть в темноте, когда даже читать нельзя!

– Я так долго боялась этой шаровой молнии, – призналась Катя, завершая рассказ о своем бесстрашии.

И Славка, выслушав, сказал, что мог бы остаться покараулить ее тут, в машине, под окнами. Но она отвергла это предложение – хорош он тогда будет на следующий день на тренировке! Какой уж тогда приз... Потом обсудили планы на завтра. Катя собиралась остаться на даче. А Славка соображал вслух:

– Может, Дениса сюда прислать подежурить? Какая ему разница, где билеты учить. Созвонитесь, объяснишь ему, как приехать, – предлагал он по-деловому, но как-то неуверенно.

Но Катя сразу, не задумываясь, отказалась от Дениса: днем-то к чему ее сторожить, тут соседей полно, на всех дачах люди живут, вон сколько окошек светится. И Славка так откровенно обрадовался – должно быть, поверил все-таки в Катину храбрость.

Машина, наконец, отъехала, хотя Славка продолжал высовываться в окно и кричать, чтобы она, если что, сразу ему звонила, и чтобы просто звонила – он должен знать, что у нее все в порядке. В общем, как они прощались, было слышно на весь лес. Конспирация, подумала Катя, направляясь к воротам.

Россыпь дружелюбных огоньков была вокруг, а прямо перед Катей – неприветливое пространство полного мрака – ее пустая, безлюдная дача. Непроходимая стена колючей изгороди – мама любит шиповник, безмолвные темные деревья и совершенно черный дом с неживыми окнами. Кате предстояло пройти к нему по довольно длинной дорожке. Она пробежала, ежась и стараясь не глядеть на мрачный ночной лес, подступающий к даче с одной стороны. Ключ никак не попадал в скважину. Катя всё тыкала его дрожащей рукой, пока не догадалась повернуть волнистой бородкой вниз – боже мой, ее еще в семь лет этому учили...

Хоть бы Арчи был рядом! Конечно, она прекрасно знает, что именно здесь она в безопасности, что о том, где дача Перехватовых, не знают ни Кирилл, ни Лилька, которая могла бы ему разболтать, что никого, кроме нее, здесь нет... Включить свет или лучше не надо – не стоит привлекать ничье внимание извне?

А чем это пахнет? Жареным пахнет! Из кухни. Ведь ей не чудится – это яичница! Катя замерла от неприятного ощущения. Они с родителями были тут еще в мае, несколько недель назад. Вкусные запахи столько не держатся. И никакой яичницы тогда не жарили. Кто это мог здесь хозяйничать? Залез кто-нибудь? Может, вернуться скорей подобру-поздорову? Позвонить Славке, он недалеко отъехал, пусть вернется и заберет ее в город!

Она быстро повернулась – и налетела на ведро, оказавшееся

прямо под ногами. Ведро покатилося с грохотом. Сверху раздался собачий лай, открылась дверь на втором этаже...

На лестнице показался заспанный Алешка.

– Джим! Это ты? Все нормально? А мы ждали-ждали и уснули! Даже Арчи, бездельник. Да ты включай свет. Чего это так грохотало? А, ведро, я воды хотел набрать...

Арчи, полный восторга, безостановочно вертел хвостом и скакал вокруг хозяйки на своих ногах-пружинках, допрыгивая почти до лица и стараясь лизнуть, и извинялся, что не учуял ее сразу, и рассказывал, как он замучился в разлуке.

«Брат нежный мой, сестра моя!»

– Откуда ты взялся? – Катя вытаращила глаза. – Ты же в походе! У черта на рогах!

– А, решил приехать, – беспечно махнул рукой брат. – Мы до Большой Поляны дошли, палатки разбили, а я автостопом – и сюда. Очень удачно добрался, почти за час. Я же тебе десять эсэмэсок послал, ты что, не получала?

Катя схватилась за мобильник: и правда, куча сообщений и неотвеченных звонков. И всё Алешка! Конечно, в моторке ничего не слышно было, а в машине она сумку на заднее сиденье закинула. Как же это она за весь день не догадалась сама ему позвонить, сказать, что все нормально! А почему надо было догадываться, они же не договаривались звонить друг другу, что еще за нежности?

– И звонил! – добавил Алешка значительно, напирая на почти подвижническую сторону этого Поступка. – Потом решил, что ты наверняка из воды весь день не вылезает, и успокоился.

– Ну да, – неопределенно ответила Катя.

Было по-настоящему стыдно. Брат мог бы сейчас безнаказанно прочесть ей мораль, но он не воспользовался этой возможностью и распахнул дверь на кухню:

– Ну, раз уж я принял эстафету, прошу к столу!

– Это мне? – уточнила Катя, поднимая крышку сковородки. – Подгорелый омлет?

– Не подгорелый омлет, а блюдо «Обратная сторона Луны», – без малейшей заминки отозвался Алешка, тоже подсаживаясь к ужину. – В дачном магазине оставались только яйца, всё размели под выходные.

Алешка – у плиты?! Неслыханно! Потрясенная Катя безропотно глотала кулинарный шедевр, специально для нее приготовленный, пока брат рассказывал смешные истории на тему «Арчи в походе», наверняка наполовину выдуманные. Рот еще жевал, а голова уже начинала клониться, и Катя еле дотащилась до кровати. И, уже полуспящая, вдруг поняла очень ясно, что такая трогательная забота – неспроста. Стал бы Алешка просто так из похода возвращаться! Не совесть же его заела! Совесть для этого было бы явно недостаточно, нужна причина посерьезней. Может, он что-то узнал? Может, история, в которую она вляпалась, гораздо хуже, чем казалось на первый взгляд?

Но Катя уже провалилась в сон, такой глубокий, первобытный, что, проснувшись, не сразу поняла, где она. Ощущались новый древесный запах, и непривычная жесткость матраса, и по-другому падающий свет из окна, что воспринималось и с закрытыми глазами. Да она же на даче! И пошевелиться невозможно. Руки-ноги словно каменные. Ах да, она вчера много двигалась... Как будто заново родившись на новом месте, Катя медленно припоминала все, что с ней было раньше. Вплоть до ночных опасений.

Но при свете солнышка все страхи рассеивались, и она направилась вниз, на кухню. Конечно, надо обо всем расспросить Алешку, когда он проснется, а сейчас главное – завтрак какой-нибудь соорудить. Растроганная «луной», Катя собиралась в свою очередь накормить брата. Даже мытье неубранной вчера посуды не лишило ее вдохновения, не озадачило и отсутствие продуктов. Остался батон, и маслица немного? Сейчас будут вкусные гренки! Она взболтала последнее яйцо, потом творчески решила добавить туда свежего укропчика и пошла за ним на грядку, но услышала голос – и остановилась у крыльца.

Брат не спал. Он говорил по мобильнику, видимо, устроив-

шись в гамаке за верандой. Нарочно вышел из дома, чтобы лучше ловилось, или чтобы ее не разбудить? Чтобы она ничего не услышала?

– ... Ну и что удалось узнать? И это всё? А точно? То есть кое-какие знакомства у него есть, но с серьезными людьми он напрямую не связан, так я понял?.. А со второй группировкой? А с московскими кем-нибудь? Точно? Ну ладно, пока.

Алексей быстро вышел из-за веранды и наткнулся на сестренку. Ни в каком гамаке, он, значит, не валялся, а ходил туда-сюда – как всегда, когда нервничает.

– Ну, порядок, Джим, всё чисто, – сообщил он, поняв, что Катя слышала часть разговора. – Надо было проверить твоего Кирилла на связи с криминалом. Ромка посоветовал. – И пояснил, увидев округлившиеся Катины глаза: – Он в тот день еще мне звонил, сказал, что у тебя неприятности, – когда увез тебя от клуба. Вовремя он там оказался, ничего не скажешь. И ребята тогда же звонили, – продолжал он как ни в чем не бывало, не замечая, что Катя убита этим сообщением. – Денис со Славкой, сиамские близнецы.

– Ты сразу все знал, – потерянном голосом проговорила Катя.

– Так как я мог не знать, если со всех сторон слышал, что тебя достает этот безбашенный Кирилл? Я ж сам его тогда на корте видел.

Алешка был удивительно спокоен, как будто это не она испортила ему поход, заставила поволноваться, всех его друзей на ноги подняла. Чтобы не смотреть на брата, Катя наклонилась над грядкой и начала собирать укроп. А он весьма рассудительно отвечал на ее мысли:

– Приятного мало, конечно, когда на тебя такие проблемы навешивают. Но, с двадцать пятой стороны, а зачем еще нужны старшие? Тут самое простое было бы уйти со мной в поход – и всё, я подавал тебе идею. Ну, не захотела – не надо. Ты вообще держалась молодцом, я и не стал заострять, подумал, что тебе так легче.

Катя бросила на него быстрый взгляд снизу, исподлобья – но было непохоже, что издевается. Обычно в мальчишеских вылазках, когда Алешке приходилось тащить сестренку с собой – например, обследовать дальние территории, – было не принято ныть, жало-

ваться на сбитые ноги, синяки, занозы, царапины или смехотворную усталость. Спартанские законы распространились и на Катю, и без всяких скидок на возраст.

– Моя школа! – подтвердил Алешка самодовольно, и подозрительная Катя поверила, что проявила похвальную стойкость вроде того мальчишка, которого грыз лисенок, и что эту стойкость оценили.

Значит, брат все это время просто ей подыгрывал, что ничего не происходит! Артист! Никогда бы не подумала. А ведь сколько насмешек можно было извлечь из ситуации! Надо же – не стал.

– А поесть ведь у нас нечего? – нелогично завершил Алешка, с сомнением глядя на букетик укропа.

– Сейчас будет чего, – уверила его повеселевшая Катя.

Пока жарились гренки, Алешка вертелся у плиты.

– А это Роман сейчас звонил? – поинтересовалась Катя, и сама удивилась, как это вышло у нее легко, без всяких заминок, без покрасневших щек, без придыхания, очень обычно.

– Нет, это я звонил своим информаторам, – объяснял Алешка с выразительной мимикой – он жевал первую порцию с пылу с жару. Горячо! Вкусно! – А Ромка – да, звонил потом, спрашивал, как дела. И Денис сегодня звонил, и Лика, и Славка. Славка – два раза. Он меня и разбудил. Всем, видишь ли, очень понравилось тебя спасти. Можешь это учесть на будущее. Выгодная ситуация!

– А мне вот, представь себе, не понравилось! – с деланным удивлением возразила Катя. – И я надеюсь, что такого будущего больше не будет. По крайней мере, мне оно ни к чему.

– А куда денешься? Красивые женщины всегда в опасности, – философски изрек Алешка, будучи, по-видимому, знатоком красивых женщин, как Лилька – ночных клубов. В этой фразе уже была необходимая доля его обычной иронии – значит, и правда все в порядке. – А это чья кепка?

Ба! Катя унесла на своей голове Славкину бейсболку, это она валяется!

– Моя. Славкина.

– Это что, теперь одно и то же? Он, кстати, усиленно предлагал, чтобы ты еще пару дней с ним поехала.

– Ну и?

Кажется, решение теперь зависело не только от Кати, но она восприняла это без детского негодования, и Алексей ответил – тоже без подчеркнутого превосходства:

– Думаю, тебе лучше на даче побыть это время. Сегодня тетя Галя приедет, мама ее приглашала на клубнику, варенье варить. Я сейчас ей позвонил, сказал, что ягоды поспели. Она и заночует здесь, со своими банками. Так что я отбываю с чистой совестью обратно в поход.

– А в городскую квартиру тетя Галя тоже поедет? – осторожно спросила Катя.

– Нет, ее интересует только варенье. Нас ей не поручали, не беспокойся. Советую просто воспользоваться ее присутствием.

Катя заскучала, глядя на грядки. По сравнению с незабываемым вчерашним днем сегодняшней и завтрашней – с тетей Галей – казались такими безнадежными, заранее умерщвленными.

– Время остановилось, – сказала она сама себе.

Но оживленный Алешка – его-то ожидали чудесные дни в приятной компании – не согласился:

– Время не может остановиться. Оно всегда движется, только по-разному.

И, взяв с кухонной полки песочные часы, перевернул их показательно:

– Из прошлого в будущее. – Опять перевернул: – И обратно.

А потом быстро покатил «машину времени» по столу в Катину сторону:

– И вот так тоже можно!

Катя наблюдала с удивлением: песок в часах не пересыпался из одной части в другую, но стремительно вращался в каждой из стеклянных колбочек. И правда, есть движение! Не такое, как положено, какое-то другое, но есть!

– Ты мне раньше этот фокус не показывал! И как это понимать?

Привычным наставительным тоном брат проговорил, что она должна век жить и век учиться, никаких комментариев явлению не дал и, прощаясь, сказал, что это ей домашнее задание, пусть думает.

«Кто сегодня мне приснится в пестрой сетке гамака?»

И весь оставшийся день Катя имела возможность изучать, что происходит, когда ничего не происходит: она сходила в магазин, вычесала собаку, прибралась в доме, аккуратно позвонила всем, кого могло волновать, все ли у нее в порядке, Алешке в первую очередь. Тоскливо послушала голоса с воли, особенно Славкин, пожелав ему ковать победу. Что ж, если вчерашний день оказался не ссылкой, может, есть надежда, что и сегодняшний окажется не заточением? Собирая вместе с тетей клубнику, Катя все еще на что-то надеялась.

– Да ягод-то нет почти, – удивлялась тетя. – Им еще зреть и зреть. Чего это Алексей меня выдернул?

– Может, они были, но он их съел? – невинно предположила Катя. – Он же первый вчера приехал.

– Ладно, на таком солнце быстро будут поспевать...

После обеда тетя решила прилечь, а Катя, не снимая бейсболки, надетой с утра, побрела в Алешкину комнату: у него там был старый магнитофон, может, найдется, что послушать, или хоть радио попробовать половить. Свой плеер она так неосмотрительно оставила дома. О, да он книжку какую-то забыл! Катя с детства привыкла идти по следам брата, подбирая его книги, пока он играл в теннис или носился с мальчишками, – и так прочитала Толкиена, Маркеса, Фаулза, Эко, и залежи всякой фантастики и приключений, и все хрестоматии по русской литературе, заботливо подложенные сыночку мамой, – на три года раньше, чем полагалось по школе.

Но это была явно не Алешкина книжка! «Культура маркетинга». Да ее же Роман мог оставить! Когда ночевал здесь у них, и наверняка в Алешкиной комнате. Катя осторожно полистала. Между страницами заложен диск – ну-ка, что это? Она и не помнила, что Роман включал тогда в машине, какую музыку он слушает... А это не музыка. Аудиокнига – «Дневной дозор». Это они, выходит, синхронно осваивали Лукьяненко! Надо же! Катя представила, как ужасно занятый Роман поздно едет с работы, светлая голова уже утомлена, но, чтобы не терялось время, он слушает бестселлер, желая шагать в ногу со временем...

Только в этой картине не было положенной трогательности,

и вообще, мысли эти совершенно почему-то не цепляли. Катя даже удивилась. Да попади ей раньше эти реликвии! Да она бы и «Дозор» благоговейно переслушала, прежде чем вернуть, и книжку прочла от корки до корки – неважно, о чем там она. Китайскую грамоту бы прочла, и каждая строка китайской грамоты непременно говорила бы ей о нем, и в каждой строке звучала бы музыка...

Катя запнулась. Это еще что? Она хихикает над собой, что ли, словно Алешка какой-нибудь? В чем дело? Она что, не будет читать «Культуру маркетинга»? Катя попыталась вызвать былые чувства и тот затаенный трепет, с каким пушкинская Татьяна в кабинете Евгения пыталась понять своего кумира по книгам и заметкам на полях. Но трепета не было. Катя очень внимательно прислушивалась – только любопытство, и то не очень сильное.

В легкой панике, что она на глазах лишается любимой сказки на ночь, Катя не стала дальше проверять, работает ли тайный образ, а направилась в сад, к гамаку, и решительно начала читать «Маркетинг». Но и книжка не работала. Книжка совершенно не читалась! Катя долго не хотела сдаваться, но в конце концов слезла с гамака и отнесла ее в комнату – чтобы не запачкать, не дай бог, чужую вещь. И диск заложила на то же место.

Что случилось?! Да ничего, поспешно придумала Катя оправдание, просто вчера было много впечатлений, и сегодня голова не работает, надо дать ей передышку. Не стоит думать ни о чем. Лучше пойти в свою комнату, слазить на верхнюю полку под самой крышей, которая вместо шкафа, она туда все закидывает, и достать бадминтон – скоро приедут Светик и Никита, а ракетки будут уже наготове.

Ракетки оказались на месте. Катя даже нашарила несколько воланчиков, у которых не все перья обломаны. И еще что-то рядом лежит... Сегодня день находок! Не веря глазам, Катя вытащила с полки третью часть «Гарри Поттера», самую любимую, «Узника Азкабана». А она-то думала, что потеряла ее, или кто-нибудь взял почитать и не вернул! Смирилась уже. Значит, она здесь зимовала! Наверное, мама прибиралась и сунула сюда!

Катя и ГП росли вместе: когда вышла первая сказка и Гарри было одиннадцать, ей тоже было одиннадцать, а потом двенадцать и

тринадцать – тоже вместе, и тем интереснее было читать, она легко могла представить себя в той компании. Правда, потом Гарик начал отставать, а Катя – обгонять в возрасте, и сейчас разрыв еще увеличился. А когда выйдет, наконец, последняя часть, они окончательно перестанут быть ровесниками.

Но Катя не удержалась, раскрыла найденную книжку, начала читать на ходу – и вот с ней-то с удовольствием и надолго забралась в гамак...

«Ни здесь, ни там, – нигде не надо встречи»

Книга была перечитана, варенье сварено, а тетя уехала рано-рано, чтобы успеть на работу, и Катя решила, что ей тоже пора домой. Бесконечные выходные закончились, запасы собачьего корма – тоже. Арчи сразу приуныл. Ничего, держись! Сейчас купим, и позавтракаешь. Они с пуделем шагали по шишкам к автобусной остановке.

Но когда в окне автобуса мелькнул старенький ДК, Катя так и прилепилась к стеклу: точно, «Звездные войны» еще идут. Вот что еще надо сделать! Она должна в конце концов посмотреть этот фильм, иначе так и останется чувство незавершенности, иначе, как сейчас, при виде этого клуба так и будет вспоминаться тот ужасный день. Даже в старости, годам к сорока!

В памяти всплыл Алешкин щелчок по песочным часам. Конечно, временем и событиями надо управлять! А не следить с тоской, как они сами куда-то там вяло текут!

Правда, денег оставалось не так уж много, на корме для Арчи пришлось сэкономить и взять совсем небольшой пакет. Но на билет хватит!

Дома Катя извлекла злополучный розовый костюмчик. Идти в клуб согласно той же логике надо было только в нем. Если она сейчас его не наденет, то, кажется, не наденет уже никогда. Пропадать ему, что ли? Не неприятности надо вспоминать, а, например, как она его победительно покупала!

Конечно, совсем не думать о мстительном неудержимце, который жил в тех местах, она не могла, и зашевелились слабенькие

пораженческие мысли – взять с собой в кино кого-нибудь, Славке позвонить, например. Или Свете. Но Катя тут же их отогнала сердито: никто за тебя не победит твои страхи, и хватит цепляться за других.

Она должна была пойти туда одна! Не вдвоем, не кучей.

В зале все-таки оказалось неудобно. Катя как можно более непринужденно огляделась – и вдруг заметила... Романа. Он или не он? А кто же еще! Да она его и затылком бы увидела! И опять здесь? А не слишком много совпадений? Ну и что, городок – три кола, два двора, а Роман вообще любит обедать в этих местах, почему бы ему и в кино не сходить?

Один или нет? Вот этого она не заметила. Конечно, нет, раздраженно подумала Катя, кто еще, кроме нее, может прийти в кино один. И тут же вяло себе возразила: ну, почему нет, может, в обеденный перерыв... Или – он в отпуске, и пошел в кино с женой – проползла в мозги подлая подсказочка. Алешка же говорил, что «всё нормально».

Оглянуться еще раз? Взгляды встретятся, ритуальный кивок-улыбочка, и он шепотом в двух словах объяснит жене, что такое Катя: детский сад – штаны на лямках, и вечно в какую-нибудь историю вляпавшись... Катя резко повернулась, свет погас, фильм начался.

Но когда уже стало вовсю интересно, вдруг выключили звук и объявили, что где-то что-то загорелось и просьба покинуть зал. Пожар. Вот история. Но паники не было, так же, как огня и дыма. Просто все послушно выходили, и всё, а ненужные картинки еще метались по экрану. Катя передвигалась в потоке зрителей, невольно продолжая смотреть кино. Ей совсем не было страшно, оставалось несколько шагов – и всё, она на улице.

Но в дверях на выходе все-таки начали друг друга немножечко давить. Катю оттеснили в сторону, она никак не решалась ринуться – и тут ощутила на себе взгляд. Точно. Он поодаль. Светлая голова покачивается над всеми прочими. Глядит вперед, в ее сторону. А если бы был не один, глядел бы на спутницу, здраво подумала Катя, одновременно удивляясь, что в такой момент может об этом думать.

Как энергично лезут зрители к выходу! Какой плотный поток между ней и Романом! Уж гореть, так бы поближе. Всё как-то надежнее. Но вроде бы течение несет его сюда...

Катя оглядывалась с надеждой, пока вдруг не столкнулась нос к носу с чьим-то безобразно перекошенным лицом. А у нее, интересно, сейчас какое? Она тоже так позорно себя ведет? Бедняга Джим перепугался! Того и гляди задрожит! Ну, ничего, Джиму опасность не грозит, с него, кажется, глаз не спускают.

Опять пригляд! И вместо того чтобы задержать шаги и дождаться Романа, Катя их храбро ускорила, нырнула в жерло, оно ее провернуло и выплюнуло на улицу вместе с остальным фаршем. А инерция тащила дальше, вперед и вперед. Ничего, остановиться можно в любой момент.

Высочившие на волю зрители, на радостях, что избежали опасности, не сразу расходились, стояли поблизости и оживленно обсуждали происшествие. Это словно заменяло недосмотренное зрелище. Кто-то пытался узнать у работников ДК, которые тоже вышли на улицу, в чем дело, кто-то шептался о возможном террористическом акте. Подъехала пожарная машина, люди в спецодежде заглядывали в клуб, но пока не спешили, не бегали, не начинали тянуть брезентовые рукава...

Катя продолжала перемещаться вместе с теми, кто шел к остановке, рассеянно думая, что вот же какой повод к Роману сейчас подойти. И пожар, вместе пережитый, и еще – его книжка и диск, так и оставшиеся на даче. Но эти мысли текли так же по инерции, как и сама она двигалась в толпе. Мечты, прежде такие яркие, как будто обесцветились – останавливаться было незачем. А забытые вещи и Алешка может вернуть. Надо только ему напомнить.

Забытые вещи! Славкина бейсболка! Она же так ему и не сказала про нее, и он, наверное, решил, что где-нибудь посеял. И Катя радостно подумала, что сейчас придет домой и сразу позвонит Славке, и скажет про бейсболку, и еще расскажет про культпоход с приключением...

Это что же – она опять не посмотрела «Звездные войны»?

«И дорог мне свободный выбор моих страданий и забот»

Деньги она все-таки не рассчитала – до приезда родителей оставалась еще неделя, а в сумочке жалко позвякивали несколько железных рублей, и в холодильнике, который казался неисчерпаемым, тоже было пусто. Катя бросила взгляд на статуэтку с человечками – как хорошо Алешка придумал казну! Но они же договорились эти деньги вынимать только вместе. Придется подождать. Только бы он допоздна не задержался, а то закроют все магазины...

Она вернулась словно из дальнего странствия. В ее комнате было так мирно, так спокойно, желтая собака на картине так уютно спала, и маленькие томики стихов лежали по-прежнему. Катя, как всегда, уселась на подоконник и не удержалась – протянула руку, раскрыла наугад.

«Слишком розовой и юной я была для Вас»... «Я Вас люблю всю жизнь и каждый час. Но мне не надо Ваших губ и глаз»...

Она и не заметила, как мысли перескочили с привычной колеи, и она видела уже другое лицо. «И страшно ее угадать в еще незнакомой улыбке»...

Хлопнула входная дверь. Катя выглянула в прихожую: брат стоял у книжных стеллажей и смотрел на статуэтку с человечками.

– А я тебя жду! – радостно воскликнула она. – У меня деньги кончились!

– И у меня деньги кончились. Представляешь? – озадаченно проговорил Алешка, словно сам не понимал, как это оно так получилось. Он-то гардероб не обновлял!

У них одновременно зазвонили мобильники.

– Твою сестру по телевизору показывают! Ты дома? Включай местный канал! – кричал Денис.

– Тебя показывают по телевизору! – кричал Славка. – Ты где? Ты жива?

Брат и сестра кинулись к телевизору. Шел репортаж о пожарной тревоге в клубе, показывали толпу растерянных зрителей, выходящих в боковые двери, среди них мелькала Катя в своем заметном костюмчике.

– Чего тебя туда понесло? – уставился на нее Алешка. – Чего ж тебе дома-то не сидится?!

В голосе его был уже настоящий гнев, но Катя не обращала на него никакого внимания и говорила с трубкой:

– Да я уже дома давно... Ну, кто же мог знать заранее? Я ведь этот фильм тогда так и не посмотрела – и вот опять не посмотрела! Такая ерунда... А когда? Хорошо, давай завтра! Я и кепку твою верну, ты ведь ее уже похоронил?... А как тренировки? Слушай, перезвони мне лучше на городской телефон.

Алексей, наконец, осознал, что его бедовая Катька уже не там, а здесь, и с ней ничего не случилось.

– Ну, чего ты орешь? – успокоительным голосом сказала она ему, отключая мобильник. – Там Роман тоже был, и вообще все нормально, ничего страшного. Слышишь, говорят?

Телеведущий приставал к человеку в погонах, а тот, разводя руками, объяснял, что загорелась всего-навсего мусорная урна, куда, скорее всего, кто-то бросил непогашенный окурок. Сотрудники ДК вполне могли бы сами с ней справиться – огнетушители висят, где положено, но они растерялись, перестраховались, вызвали пожарных, а зрителей поспешили вывести на улицу. Но это же лучше, рассудительно добавил начальник, чем недооценить опасность. Главное – никто не пострадал.

– Мы сейчас страдаем! Магазины сейчас закроют! – торопила Катя. – Деньги вынимай! Есть совсем же нечего – кроме собачьего корма! И его мало!

Алексей, не торопясь, достал деньги «на всякий случай», пересчитал:

– На неделю хватит. Да не дергайся, супермаркет на площади – до одиннадцати. Сейчас вместе пойдем. Лучше закупить на все деньги еды, а то еще опять на черте что потратим.

И как бы между прочим предложил, явно имея в виду не довольственную проблему:

– Слушай, Кать. Может, родителям, когда они вернутся, ничего не говорить? Чего их пугать-то.

И Катя согласилась искренне:

– Конечно, не будем. Ничего же не случилось!

Часть III

ПРОБНЫЙ БРАК

Глава 1

Время на все есть: свой час для беседы, свой час для покоя.

Гомер

– Это что теперь, правило хорошего тона – третировать моих друзей?! Если не уважаете ни их, ни меня, то хоть бы из вежливости этого не показывали!

Дверь в комнату демонстративно захлопнулась. Родители с недоумением посмотрели вслед дочери, потом – друг на друга.

Алексей Иванович выглядел немного смущенным: это он позволил себе отпустить шуточку насчет Катинной подружки, пришедшей чуть ли не с утра и ушедшей только что, в двенадцатом часу ночи. Не зубоскал Алешка, его старший сын, в устах которого уместен любой прикол, – а он, серьезный солидный папа! Но ведь Ада ничего не слышала, что же так сердиться...

Алешка деловито предложил:

– Забей, пап. Это всё дамские нервы.

Но родители были явно обижены: уж где-где, а в семье Перехватовых к приятелям детей всегда относились лояльно и никогда не ставили ни дочери, ни сыну условия – с кем дружить, с кем нет. Несмотря на то что эта Ада, например, всегда вызывала сомнения! Вечно праздная, занятая непонятно чем – то музицированием, то сочинением бесконечных печальных стихов, то писанием больших непонятных картин – а в школе вечные тройки, и вот тоже не поступила никуда!

– Нервы у всех на взводе, по-моему! – звучным преподавательским голосом возразила мама, Вера Васильевна. И так же, как

она всегда комментировала телепередачи и фильмы – «Это он нарочно сказал!», «Осторожно, крадется сзади!» – озвучила то, что и так было ясно: – Вы прекрасно понимаете, что дело совсем не в этом! Два года готовиться – и такой удар по самолюбию! Еще и Света сегодня ей звонила – она в наш институт поступила, на экономику – спрашивала, как дела. Я уж не слышала, что Катюшка ей отвечала...

– Ну, провалилась и провалилась – дело житейское, – подал голос Алешка. – Иняз не ПТУ, туда всегда было круто попасть. Что теперь, всем на цыпочках ходить и говорить замогильными головами? Это же не повод вешаться или открывать клуб неудачников на пару с Адой!

– Ч-ш-ш! – в два голоса зашипели на него папа и мама, выразительно указывая на Катюшкину дверь.

И чего она взбесилась, как начинающий тинэйджер? Пророчала какие-то глупости... Несolidно, в семнадцать-то лет! Катя прислушалась к голосам родителей и брата.

Ее обсуждают – вот что противно! Ни о чем другом не могут говорить... Конечно! Перехватовы вечно на пьедестале, все в наградах и грамотах за доблестный труд и успешную учебу – и тут младшенькая, паршивая овца, весь пьедестал испортила. Всех разочаровала, всех опозорила! Поди, по городу слухи уже поползли.

Ладно, знакомые и незнакомые пошутукаются и забудут, а вот у нее впереди – целый год потерянного времени! И виновата в этом только она! Выброшенный из жизни год! Они с Адой проговорили с утра до ночи – а толку чуть, все равно теперь ничего не изменишь.

Катя еще раз прислушалась – вроде все разошлись спать.

Заснуть бы поскорей, а потом проснуться, как после дурного сна! Нет, похоже, опять придется ворочаться с боку на бок...

Раньше в таких случаях вина возлагалась на часы – старинные настенные часы с маятником, которым давно перевалило за сто лет, и которые давно уже никто не брался ни чинить, ни чистить. Но они намеревались жить вечно и громким тиканьем мешали спать, куда бы их ни перевешивали – в холл, в кухню... Мама называла их

папиным приданым – Алексею Ивановичу завещала эти часы его тетка, такая древняя, что никто ее не видел, кроме него. От нее остались только громкие часы и имя – Катерина, но поскольку так звали и обеих Катиных бабушек, на долю древней тетки приходилось совсем мало родственной связи.

А часы все-таки взяли и остановились. Недавно, на днях. Прямо неприятный символ какой-то! А во всех мастерских говорят: антиквариатом не занимаемся.

Катя перевернула подушку на прохладную сторону. Тишина, в которой не было привычного тиканья, раздражала еще больше, до такой степени, что тиканье стало мерещиться.

По стенам крались ночные тени – призраки кленов, стоящих во дворе, привычно заползали в комнату и сплетались с рисунком на голубых обоях...

*В голубой далекой спальне
Твой ребенок опочил.
Тихо вылез карлик маленький
И часы остановил.*

В детстве эти нежные блоковские стихи приводили ее в животный ужас. Карлик был жутким, он задумал что-то недоброе и поэтому остановил часы – сейчас он в полной, зловещей тишине подберется к ребенку!..

Катю подбросило на постели: карлик! он! Это он остановил часы, отмеряющие минуты их благополучия, хранящие непрерывность времени – от тетушкиной старины до теперешних дней!

А поняв, что, значит, все-таки спала, если привиделся кошмар с карликом, она опять провалилась уже в настоящий кошмар, который приключился наяву: позор, тревога, неизвестность... Мысли, невеселые и днем, ночью были просто безысходны. Катя знала, что нельзя им поддаваться, что утро мудренее, что надо их чем-то забить – вспомнить что-нибудь отрезвляюще-будничное, что сразу вернет ее из мистического ночного измерения. Лихорадочно попыталась подставить на место мерзкого карлика веселого гнома, твердящего

«вы только мойте уши», – но тот не превращался! Что-то не переключалось, она продолжала тонуть в вязком ночном ужасе.

«Переключиться надо на дело, и чем скорее, тем лучше», – услышала она здравомыслящий голос папы – это он тогда подытожил разговор, в котором Катя не участвовала.

«С неудач – на дело! Не время упиваться обидами».

Глава 2

С каждой новой минутой начинается для нас новая жизнь.

Д.К. Джером

Дело оказалось знакомым – Катя еще прошлым летом, после десятого класса окончила компьютерные курсы и с набором текстов справлялась неплохо. А в городской коммерческой газете как раз искали наборщицу. Катя узнала об этом из самой газеты, которую бесплатно раскладывали по всем почтовым ящикам, и позвонила туда сразу, экспромтом, ни с кем не посоветовавшись. Наверное, потому, что знала владелицу «Белогорских вестей» – это была Ирина Голубева, ее бывшая учительница музыки, – и относилась к ней с прежним детским доверием. Не так страшно будет услышать, что никого уже не надо, или что не надо именно ее, несовершеннолетнее пустое место.

Но трубку взяла сама Ирина, Катю узнала, обрадовалась, подтвердила, что рабочие руки нужны: ее единственный корреспондент Караваева уже не в силах разрываться и на заметки, и на набор объявлений – и чуть ли не в тот же день Катя оказалась на своем первом в жизни рабочем месте. Все произошло так спонтанно, что она не успела ни смутиться, ни заробеть, а мрачные переживания были бесследно сметены мощным шквалом энергии.

Шквалом этим была сама Голубева, которая проносилась в свой кабинет, где ее ждали посетители, потом на еще большей скорости, в элегантном деловом костюме, летела на совещание в город-

скую мэрию, после которого, уже в джинсах и резиновых сапогах, мчалась за город, на закладку какого-то нового предприятия. Следом за ней бежала бухгалтер с кипой документов, которые надо немедленно подписать, и еще несколько человек с неотложными вопросами. На полном ходу Ирина тормозила и, поворачиваясь к Кате, сидящей за компьютером и взвешивающей на все это с тревогой, говорила проникновенно:

– Не обращай внимания, у нас всегда так. Работай спокойно!

И Катя послушно склонялась к своим коротеньким текстам: куплю машину, продам квартиру, отдам котенка в хорошие руки.

Стопочка объявлений заметно уменьшилась, когда дверь похозяйски распахнула высокая краснощекая девица – Катя сразу поняла, что это Караваева. А та сразу поняла, что это обещанная ей подмога:

– Новенькая? Ура! Наконец-то! А я думала, меня тут гора этих гадких бумажонок дожидается. Ну, не царское это дело! Теперь буду только свои шедевральные материалы набирать! Пусти-ка меня за машину.

– Давай я наберу! – готовно предложила Катя – настоящая журналистская заметка, пожалуй, будет интереснее объявлений.

Но Караваева отказалась с коротким энергичным смешком:

– Черновики – у Пушкина. А я привыкла сразу набело работать. А комп у нас, как видишь, один. Давай-давай, передохни – иди к буху, чайку вмажьте. Слышишь, зовет.

Катя не решилась возражать, но сильно сомневалась, удобно ли в первый рабочий день распивать чай, и о чем же разговаривать с бухгалтером. Но оказалось, что разговаривать совсем не надо – та все время говорила сама, была этим очень довольна, назвала новенькую приятной собеседницей и напоследок попросила сбегать в типографию, занести какие-то бумажки, а какие-то забрать.

Типография была в этом же здании, крылечко рядом, и Катя бежала туда окрыленная: как же всё здорово, всё у нее получается, и все коллеги ей рады, и все они такие славные!

– Никого нет. Все на обеде. – Молодой человек, загородив-

ший дверь, сказал это так мрачно, почти враждебно, что лучезарная Катя опешила и сразу погасла.

– А когда можно зайти? – пробормотала она, еще не веря, что рады ей могут быть не все.

Никогда – красноречиво говорил вид неприветливого служащего, хотя на самом деле он назвал часы работы. Катя начала было спрашивать, нельзя ли ей хотя бы оставить документы – но дверь захлопнулась. Пришлось признать поражение: она не справилась с примитивным курьерским поручением – и плестись назад к бухгалтеру.

Караваева, увидев ее обескураженное лицо, догадалась:

– Выперли? Мрачный тип такой? Молодой? Высокий, брюнет? – И радостно заключила: – Не обращай внимания, это Вини – он придурок.

Катя подумала, что такой совет слышит уже второй раз, и поскольку у Голубевой он сопровождался предложением спокойно работать, она села за освободившийся компьютер и принялась за свои объявления.

А Кира Караваева продолжала сообщать, что субъект из типографии – ее сосед, вечно нелюдимый и злой, с ним даже во дворе никто не играл, он туда никогда и не выходил. А этим летом провалился на экзаменах в какой-то московский вуз – и неудивительно, он из такой семейки... Она запнулась: мамаша – «прости, господи», вместо папаши – аист, вместо квартиры – нора, даже телевизора нет. Как они там живут, непонятно. Как его в такую приличную типографию взяли – тоже непонятно, он там ксерокс делает – наверное, уже всех посетителей распугал...

– Я сама туда в следующий раз пойду, – пообещала Катина коллега, завершая рассказ, – поучу манерам-то! Попробует у меня повыпендриваться!

К ним заглянула Голубева убедиться, что работа кипит, – торжественный кирпич был заложен, и теперь предстояла встреча со знаменитым гитаристом, местным уроженцем, захавшим сюда на считанные часы, – она опять спешила и бросила Кате на ходу:

– Да, а деньги у нас получают пятого и двадцатого!

– Информация, с которой надо начинать, – заметила Карваева.

А Катя вдруг вспомнила лицо нелюдимца: неподвижные глаза, застывшие словно от смертельной усталости или большого горя, – такого она еще не встречала.

Сомов опять проспал. А, впрочем, что тут противоестественного? Мысль, что человеку необходимо для сна восемь часов, может, и справедлива, но пока каждый ест, сколько требуется именно ему, болеет собственным насморком и спит столько, сколько положено ему, а не абстрактному среднему человеку. Сомову положено спать часов одиннадцать-двенадцать. Окончательно проснувшись, он мысленно вскочил, лихорадочно оделся, заметался по комнате, собирая конспекты и книжки. На это ушли остатки сил, и Сомов даже застонал, лежа в кровати.

Иногда по утрам он с ленцой думал: вот уж завтра-то я возьмусь за ум, займусь чем-нибудь путным... Это у него называлось думать о завтрашнем дне. Сегодня не хотелось и этого. В конце концов, учебный год только начался, можно и пропустить первую пару.

Родителей, кажется, уже нет. Сомов оживился. Теперь можно подумать, чем заполнить день. Например, включить магнитофон погромче и открыть балконную дверь.

Он всегда выманивал музыкой девицу, живущую напротив, – их дом был в виде буквы «П». Девица выходила на свой балкон, слушала, а Сомов пытался ее разглядеть. Они здесь поселились недавно, и он никого не знал. Лица было не видать, потому что она все время смотрела вниз, ног тоже, а розы на ее домашнем халатике были почему-то бледно-зеленого цвета и напоминали капусту. Длинные каштановые волосы свешивались через перила. Этим ограничивались наблюдения Сомова.

Сегодня девица не высывалась. Сомов увеличил громкость.

Некогда он и сам пробовал музицировать, приобрел гитару, но увлечение это мало-помалу прошло. Во время какого-то праздни-

ка в гитару накидали обломков печенья, конфет. И когда через некоторое время один из гостей захотел поиграть и ударил по струнам, из гитары выскочило штук шесть огромных тараканов. После этого Сомов затолкал инструмент в кладовку и не вспоминал о нем.

Когда он, прихлебывая кофе, еще раз выглянул с балкона, его девица при параде уже неслась по двору. Да так быстро – опять ничего не разглядеть! И куда спешить в такую рань?

Глава 3

Раньше была интеллигенция, теперь – тусовка.

Михаил Задорнов

– Тебя что, и по выходным работать гоняют? – удивился Алешка.

– Сегодня же День музыки, в ДК концерт. – Катя не удержалась и напомнила: – А сам-то еще и радовался, когда гоняли!

Брат год назад тоже работал у Голубевой, но напоминаний об этом не любил и тут же отстал.

В дверь позвонила Ада. Они теперь виделись только по выходным: после работы Катя усиленно занималась. А подруга от растерянности поступила в училище, хотя совершенно не собиралась становиться крановщицей. Трудно придумать что-то более неподходящее для Аделаиды Суворовой, хрупкой статуэточки, погруженной в сочинение философских сказок и стихов из многоярусных метафор!

На концерт она нарядилась, как всегда, затейливо, во множество кофточек, шарфиков, жилеточек, платочков. Все одежды без застежек, что-то подвязано пояском, что-то прицеплено булавкой – все в процессе, в полете – сразу видна творческая личность. Новая прическа напоминает бахрому, причудливо падающую на лицо и закрывающую то один глаз, то сразу оба.

Ада не пропускала ни одного музыкального вечера: у нее

была куча знакомых и среди музыкантов, и среди бардов, и в театральная студия, и во всех хорах – и они с Катей всюду бывали вместе. Но сегодня Катя нервничала, потому что предстояло не просто провести время – Голубева, узнав, что она собирается во Дворец культуры, обрадовалась:

– Вот и хорошо, напишешь о концерте! А то всё я да я – а теперь свежий взгляд будет! Чего ты не умеешь? Сочинения в школе писала? В музыкальной школе училась? Любой грамотный человек в состоянии написать заметку «что-где-когда». А Каравалева простыла, дома кашляет.

Так Катя и оказалась не в своих санях.

Они притормозили у остановки, соображая, не доехать ли на автобусе. Неужели без десяти минут начало? Может, часы спешат? Катя спросила у прохожего, сколько время, но печальный старичок в белой фуражке, погруженный в себя, прошел мимо, не оглянувшись.

– Я вот так всегда и представляла Хроноса, бога времени! – зашептала ей Ада. – Глухой старик, уходящий вперед: его просят подождать – а он не слышит, его умоляют – а он не останавливается!

Катя на мгновение удивилась, как же подруге удастся в любой обстановке видеть все своим особым зрением. Ада и на уроке, и посреди контрольной могла вдруг передать записку с каким-нибудь открытием. А вот она может думать только о том, что они сейчас опоздают! А на самом концерте – что о нем придется что-то писать. Этим он был непоправимо испорчен, и Катя не получила удовольствие даже от прекрасных голосов: молодые музыканты учились в консерватории, стажировались за границей, кто-то уже работал в московских театрах – так что самодеятельный концерт был вполне профессиональным.

– Ничего, сейчас программку у кого-нибудь попросим, – утешала ее Ада. – Может, оттуда будет что перекатать.

Но у знакомых программки не оказалось, пришлось отправиться на поиски организаторов концерта. Катя и Ада, шагая по длинному коридору, толкали двери, но большинство их было заперто. Наконец одна распахнулась.

Вокруг длинного стола, покрытого бумажной скатертью, сидело несколько человек. Они глядели на девочек доброжелательно и немного иронично. Дама неопределенных лет, колоритная старуха с папиросой, пара бесцветных мужчин, еще кто-то за самоваром – и, должно быть, руководитель: когда он встал, то оказался невелик ростом, но за столом возвышался словно гигант, и царственно взирали его темные очки.

Катя потом диву давалась, как это они вошли так свободно, легко завели разговор... Она быстро поняла, что это – тот самый клуб творческой интеллигенции, о котором с энтузиазмом рассказывала мама. Когда-то в нем собирались инженеры из НИИ и процветали просветительские лекции, краеведческие и прочие культпоходы, обсуждения литературных новинок и собственного творчества, встречи с интересными людьми. Неужели он до сих пор существует?! Как это ему удалось уцелеть среди ночного бара, дискотеки, бильярда и боулинга, практически поглотивших ДК?

Но руководитель, Коневский, тут же сухо пояснил, что уровень теперешнего клуба на порядок выше. Здесь собирается творческая элита города – тончайшие критики, интеллектуальные гурманы, творцы совершенств. В этом заповеднике избранных они живут творчеством и общением друг с другом и, в общем-то, ни в ком не нуждаются. Девочек, однако, встретили приветливо, с интересом выслушали Адино стихотворение, пригласили к столу. Чаю, сушку...

Скоро Катя забыла и о программке, и о концерте, и о задании. Коневский был невероятно эффектен. Он обрушил на гостей шквал собственных стихов и суждений, задавил глобальностью познаний и сразил выводом: мы, русские, не знаем толком ни своей литературы, ни истории, и наш долг – восполнить этот пробел. В клубе как раз задумана интереснейшая программа изучения литературы и истории России, и если девушки хотят присоединиться... Ада слушала из своего обычного далека, а Катя подавленно соглашалась, осознавая все величие миссии, которую возлагал на них Коневский.

– Мы будем изучать Русь!

Все смотрели на него благоговейно.

– Вы знаете, как в Древней Руси назывался конь? Фа-арес! Вслушайтесь-ка, каково?! А медведь?! Арку-уда! – он вкусно тянул, его сочный плотоядный рот в обрамлении бороды обсасывал, смакуя и причмокивая, каждое слово.

Вот оно где! Поначалу взор притягивала сияющая лысина, но нет – магнетическая сила заключалась в нижней части лица, в бороде! Ибо глаза, как все-таки удалось разгадать, были маленькие, кроличьи, и их маскировали роскошными очками.

– Арку-уда!

Гости были сломлены и уже не ждали, чем же дальше восполнить пробел.

– Кажется, мы здесь больше узнаем, чем в школе за десять лет, – шептала Ада, и Катя кивала:

– Да, повезло!

А на другом конце стола, заслоненный самоваром, сидел тот самый мрачный тип из типографии. Только теперь он был совсем не мрачный. И взгляд, все такой же тяжелый, исподлобья, – скорее умный и сосредоточенный, чем угрюмый.

Они оказались ровесниками, мало того – товарищами по несчастью. Он поступал в юридический и с громким треском провалился на истории. Пришлось идти работать и опять начинать готовиться. Сюда, в клуб, он из-за истории и ходит.

Обо всем этом Катя узнала от самого Игоря. В ее горе не было ничего уникального или позорного, об этом спокойно говорили вслух. Отчего же стало легче – не оттого ведь, что еще кому-то не повезло!

Они втроем шли по улице, и уже давно дошли до Катиного дома, и уже несколько раз обошли его кругом. Ада слегка приотстала, как всегда, думая о своем, – Катя о ней совершенно забыла. Она засыпала вопросами нового знакомого, обо всем вперемешку – о Коневском, о клубе, о вступительных экзаменах, о подготовительных курсах, – а он отвечал, что за курсы дерут невозможные деньги, и он готовится сам. Это вызвало еще больше вопросов, и пришлось идти вокруг дома в четвертый раз.

Бывший нелюдимец отвечал готовно и обстоятельно, сам же ни о чем не расспрашивал и только иногда замолкал, обращая на Катю вопросительный взгляд, – чтобы она выразилась понятнее – чтобы он мог ответить точнее. А та, убедившись, что на сей раз дверь перед ее носом не захлопнется, не удержалась:

– А почему Кира Караваева называет тебя Вини? – и тут же прикусила язык: мало ли кто кого как называет! – но ответ и тут прозвучал, правда, через паузу:

– У меня такое прозвище было во дворе. Моя фамилия – Виниченков.

Катя припомнила караваевские слова о том, что во дворе он не пользовался популярностью, – прозвище, скорее всего, было кличкой и звучало обидно – и быстро загладила неловкость:

– А мне нравится! Прикольно, по-виннипуховски. Игорей много, а Вини – ты один.

– Я, может, уже домой пойду? – раздался полусонный голосок Ады, и оба изумились: как, она здесь?!

Глава 4

*Есть время работать, и есть время любить.
Никакого другого времени не остается.*

Коко Шанель

Вини даже не спросил у Кати телефон, хотя она пообещала ему поискать один из томов Карамзина, – но на следующий день сам зашел в редакцию – за номером заказа.

– Ну, как я его отпинала? Шелковый! – самодовольно заявила Караваева – и Катя ответила ей вежливой рассеянной улыбкой.

Но Вини продолжал появляться и на их крылечке, и в офисе. Он молча отдавал и забирал бумажки, молча ждал, пока бухгалтер поставит печать или поговорит по телефону, – но стоило Кате задать ему какой-нибудь вопрос, как он тут же охотно отвечал и выжида-

тельно смотрел: может, еще что-нибудь скажет? Ее это совершенно обезоруживало, а коллег развлекало.

– Тебя можно уже на интервью посылать, – хохмила Караваева, – ты мертвого разговоришь!

– Кого? – на бегу поинтересовалась Голубева и, услышав фырканье: «Катерина приручила соседского ежа!» и увидев вытянутое лицо Кати, остановилась. Произнесла официальным голосом, обращаясь только к Караваевой: – Девочки! Попрошу вас исключительно корректно относиться ко всем нашим партнерам, в том числе из типографии! Мы работаем в одном здании – и прежде всего вам самим станет неловко, если услышат ваши неуместные шуточки!

Кирины щеки, и без того румяные, стали пунцовыми: она сегодня якобы по Катькиной просьбе послала Вини в кафе «Забавушка» за пирожками – и ей, и бухгалтеру не хотелось вылезать на дождик. Катька и не знает, она на обед домой уходила... А чего такого – никто же не обиделся, видно же было, что чудачку это в радость!

– А хочешь – у меня сегодня блинчики со сгущенкой, лучше этих пирожков. Я тут совсем рядом живу.

Катя смешалась – молчун впервые сказал самостоятельно такую длинную речь. Ходить по гостям без повода вроде дня рождения было непривычно, к тому же ее собственный дом – за углом, а дома – мамин обед...

– А может, лучше добежим до «Забавушки», – начала она, но, заметив стремительно мертвеющий взгляд, тут же круто поменяла решение: – А впрочем... А это удобно? Я не помешаю?

Взгляд тут же начал проясняться.

Дом Вини оказался действительно рядом – но в совершенно иной жизни, где Катя никогда не была.

Во дворе вместо ярких пластиковых горок и лесенок – ржавый металллом, когда-то бывший детской площадкой, скамеечки у подъездов – хромые и поломанные, кусты – нестриженные. В самом подъезде никогда не бывало не только ремонта, но и уборки – зато были кошки, и в большом количестве.

Катя с удивлением рассматривала дощатые полы, старые шкафы по углам, набитые рухлядью, ящики с картошкой, разбитую лампочку, и сообразила: трущобы. Здесь, почти в центре города! Нет, Кира говорила – нора. Что ж, Караваева бесцеремонна, но точна.

Пока Вини отпирал дверь, Катя воображала, что за ней предстанет что-то подобное, полутемное, заваленное хламом, – и диву давалась, как это ее сюда занесло. В трущобы – на блины! Побоялась мальчика обидеть! А впрочем, чего она опасается – что мальчик, читающий Карамзина, вытащит нож из-за голенища? На всякий случай оглянулась – в трех шагах открытая дверь подъезда...

Квартирка оказалась крошечной и совершенно пустой. Она просматривалась вся с порога, вместе с кухней. В ней не было не только воображаемого хлама, но и мебели. Катя повертела головой, но вешалки не увидела. Вини забрал ее курточку и предупредил:

– Не разувайся.

Тапочек тоже не было.

В комнате стояла тахта, а на кухне – стол и одна табуретка. Катя легко вспрыгнула на подоконник:

– Мое любимое место в доме! – и напряженное лицо Вини стало спокойнее – он увидел, что гостя не притворяется. Тем не менее начал предлагать более удобную табуретку и, не уговорив, заключил:

– Тогда есть будешь вилкой. Вилка у меня тоже одна.

Катя решила, что он шутит, и пригрозила ревизией, но тут же убедилась, что тайников здесь нет. И в этом доме действительно одна ложка и одна вилка.

– Значит, мыть практически нечего! – восхитилась Катя – дома почему-то всегда была ее очередь мыть посуду.

А блинчики оказались по-настоящему вкусными! Они сразу сгладили неприятное впечатление от трущоб. Почему все стесняются признать, что путь к сердцу женщины лежит тоже через желудок? А когда Вини обмолвился, что готовил сам, Катя была окончательно сражена.

– Когда это ты успел научиться? – Школьные уроки домовод-

ства были для нее многолетним мучением – и кройка с шитьем, и кулинария.

Вини показал пакет с блинной мукой – там был напечатан рецепт. Такие есть на всех пакетах и коробках с продуктами. Вот по ним он и учился, и до сих пор благодарен неведомым писателям рецептов. Хотя тут важнее руку набить – вначале, когда он был совсем мелким, получалась такая дрянь.

Катя хотела спросить, какая необходимость мелкому мальчишке набивать руку, готовя себе еду, – что, у него мама – космонавт? Но тут же передумала. На кухне не было того, без чего вообще не бывает кухни, – холодильника. А в комнате не видно даже шкафа для одежды: ее курточку Вини повесил просто на открытую дверь. Похоже, не было и одежды. Может, и мамы никакой не было. Лучше вопросами не увлекаться. Сам пусть расскажет, что сочтет нужным, раз в гости пригласил. А вот книжки на том подоконнике – этим поинтересоваться прилично!

Но, проходя в комнату и еще раз обведя ее взглядом, Катя не удержалась:

– Так у вас в самом деле нет телевизора?

И покраснела не хуже Караваевой. Показать этим «в самом деле», что она выслушала все жирные сплетни, которыми ее угощали, – просто выплеснуть их в лицо гостеприимному хозяину! Спасибо за блины!

Но Вини как ни в чем не бывало покрутил старенькое радио:

– А вот – бывают неплохие передачи. Оно у меня еще вместо часов – я вообще-то без будильника встаю, а по радио время проверяю...

И Катя, усиленно закивав, начала рассказывать, что ее редактор, Голубева, долгое время принципиально не имела телевизора – такая она чудачка, и только заведя свою газету, решила и телевизор завести – из солидарности, как представитель СМИ. А до тех пор ее муж смотреть футбол к соседям бегал...

Вини внимательно слушал, улыбаясь одними глазами, а когда она замолчала, сказал:

– А завтра я приглашаю тебя на курицу. Будет вкусно. А для подъезда у меня есть фонарик, только я его сегодня забыл.

– Почему так поздно?

Катя по привычке взглянула на старинные часы – они по-прежнему стояли.

– Ах да! – оживилась она. – Я же нашла часовщика, который их посмотрит!

Сегодня Голубева попросила ее сделать материал с директором фирмы «Чудесные рамы» – тот хотел напомнить жителям города через газету, что еще не поздно утеплиться перед зимой, которая по прогнозам опять будет суровой. Давно прошли те времена, когда подобные задания казались Кате чужими санями – и те, когда она вымучивала свою первую беспомощную заметку о концерте, – хотя прошло всего две недели. Ей постоянно поручали то написать новостийку в три строчки, то взять информацию по телефону, то сбегать куда-нибудь с фотоаппаратом – и она даже начинала входить во вкус, уже с удовольствием отрываясь от компьютера и объявлений.

Правда, материалы с важными дядьками – руководителями предприятий всегда делала сама Голубева, в крайнем случае – Кира, но сейчас обе были заняты, и Ирина предложила Кате переместиться в свой кабинет, чтобы выглядеть представительней. А поймав ее взгляд на совершенно прозрачные настольные часы – скопище движущихся шестеренок – пояснила: «Питаются воздухом. Нет, правда – они работают от колебания температуры. Изменения на один градус хватает на два дня! Подобные вещи символизируют достаток, ум, честь и совесть хозяина кабинета. Не ударим в грязь лицом перед "Рамами"!» А когда Катя вспомнила об их усопшем антиквариате, Голубева вспомнила о знакомом часовщике-любителе.

Но родителей это известие совершенно не обрадовало, и они потребовали не уваливать от ответа.

– У тебя на руке часы. Ты что, на них не смотришь? Ты видишь, что одиннадцатый час?

– Десять, – машинально поправила Катя, взглянув на часы, – но мама возмутилась еще больше:

– А ты замечаешь, что постоянно возвращаешься не раньше десяти? Это что, по-твоему, нормально?

– По-моему – детское время, – пожалала плечами Катя, поняв, что отдыха в уютной домашней обстановке не предвидится, а предвидится скандал. Точно, папа подал голос:

– Дочка, ты раньше по вечерам постоянно занималась. Что, стало меньше заданий на курсах? Или ты считаешь, что уже подготовилась? Или эта работа отнимает столько времени?

– Тогда давай найдем что-то другое! – подхватила мама. – Мы думали, что работа тебя как раз дисциплинирует, а ты даже обедать перестала! Даже с собакой совсем не гуляешь! – Пудель Арчи, понимая момент, нерешительно поднял глаза на хозяйку, а подбегать не стал. – Нельзя же так увлекаться! Нельзя путать главное и не главное! Не забывай, что для тебя это только перевалочный пункт перед учебой. И еще этот клуб, или салон, как его там! Два вечера в неделю! Ты слишком много сил и времени расходуешь не на дело!

Катя слушала, восстанавливая в памяти сегодняшний вечер. Да, до семи она просидела на работе – хотелось добить интервью с «Рамами», и, кажется, неплохо получилось! Первый серьезный материал! Но говорить об этом бессмысленно – здесь не оценят. Это в «Вестях» ее принимают всерьез, это там она – ответственный человек, на которого рассчитывают, на которого всегда могут положиться. Там нагружают без всяких скидок на возраст, зато и относятся как к равной.

А дома на нее продолжают смотреть, как на школьницу. Когда Катя получила первую зарплату – совсем не игрушечную! – и спросила маму, не внести ли ей свою долю в расходы на хозяйство, то получила снисходительный отказ. Ну разумеется, Катюшка – молодец, что сама зарабатывает карманные деньги!

Конечно, родители иногда вскользь интересовались, как у нее дела на работе, но не всегда слушали ответы. Катя хорошо помнила, как надоедал брат Алешка рассказами о собственных успехах, – когда работал у той же Голубевой – и решила, что этого не стоит повторять.

После работы они с Вины забежали в библиотеку, а потом дей-

ствительно были в клубе у Коневского – там сегодня рассказывали о евразийских идеях Льва Гумилева, было интересно. И Ада читала свои новые стихи – этого вообще нельзя пропустить, она всегда так волнуется, надо же поддержать человека...

Но все это тоже в разряде пустяков, на которые жалко тратить время.

И что теперь? Пускаться в объяснения, пытаться убедить? Но ведь все, что она может сказать, уже отвергнуто заранее, а она только разгорячится, расстроится, и опять будет выглядеть как вспылчивый недоросль, воюющий из-за детских интересов. И усталость дает о себе знать. В ванну бы и спать...

Что они хотели бы услышать? Что для них главное? Конечно, не она, а ее учеба. Катя удивилась, как же все просто, и ровным голосом проговорила, уже стоя на пороге своей комнаты:

– Пожалуйста, не беспокойтесь. У меня хватит и сил, и времени. Учеба не пострадает. Я успеваю сделать весь объем за воскресенье и в электричке, пока еду на занятия туда и обратно. Можете позвонить на курсы и узнать мой рейтинг за сентябрь и октябрь. Вам скажут, что он достаточно высокий. Спокойной ночи, мне рано вставать.

Родители растерянно смотрели на закрывшуюся дверь. Они приготовились к жаркой борьбе, к спорам, возражениям...

Из своей комнаты выглянул Алексей и, с сожалением взглянув на них, негромко проговорил:

– А вы ведь шелестите не по теме. Вам не кажется, что Катька влюбилась?

Глава 5

*Время все по местам расставит.
Ждать только долго.*

Майя Плисецкая

Сегодня был домашний день.

После трех обедов Катя решительно заявила, что не позволит себе сидеть у Вини на шее, как бы это ни было вкусно, и постановила: один день пусть будет домашний, а на следующий они обедают в кафе, в «Забавушке» или «Трех пескарях». Хоть она не блещет кулинарными способностями, но в меню разбираться умеет – накормит так накормит! Иногда, если в «Вестях» горел выпуск, толком пообедать вообще не удавалось – тогда Вини бегал за пирожками – но все уже привыкли к тому, что Катя Перехватова всегда проводит перерыв со своим кавалером.

А они оба скоро поняли, что лучше всего им в «норе», которая вначале так неприятно удивила Катю, – в тишине, без посторонних взглядов, без шумного общества Караваевой. Здесь, на своей территории, Вини как будто отогревался, опускал колочки, начинал свободно разговаривать и даже смеяться – оказалось, что с чувством юмора у него все в порядке, и Катя уже не боялась задеть его неловкой шуткой.

Уже как будто ждал ее гостеприимный кухонный подоконник. Уже завелись вторая ложка и вторая вилка – одноразовые, из «Доширака». Сегодня тоже придется хлебать быструю лапшу – Вини ничего не успел приготовить, накануне они допоздна просидели в интернет-кафе.

Катя видела, как она ему нужна – Вини ждал ее, как бы она ни задерживалась на работе, и когда возвращалась с курсов на поздней электричке – и это уже не казалось забавным и не просто льстило самолюбию. Она поняла, как же ей самой не хватало именно этого – быть кому-то настолько нужной.

Она любила наблюдать, как при виде ее лицо друга на глазах

светлеет, проясняется, расправляются сомкнутые брови – и проступает выражение, которое сам он вряд ли за собой замечает, – немного удивленной радости и почти детской доверчивости. И точно так же он продолжает смотреть и на людей, и на все вокруг – вместо того мрачного, угрюмого взгляда, к которому все привыкли! И это – ее заслуга! Она умеет расколдовать своего заколдованного принца волшебнее, чем в сказке, даже не поцелуем – просто взглядом и улыбкой!

Хотя они были знакомы уже месяц, многое продолжало озадачивать. Даже такой пустяк – как ему удастся прилично выглядеть, не имея практически никаких вещей, и оставаться чистеньким и аккуратным, пробираясь по этому трущобному коридору, где она один раз зацепилась колготками за ящик, а потом еще встала в какую-то гадость. И по большому счету – почему он не оказался в дворовой компании ровесников с дебильными физиономиями и уголовными рожами, хотя, похоже, его никто никогда не воспитывал и не направлял? Вопросы копились, но Катя не решалась их задать.

А Вини и сам, без вопросов, потихоньку обо многом рассказывал. Например, как прожить на деньги, немногим большие, чем Перехватовы тратили на корм и стрижку пуделя. Или как сварить приличный суп из бульона отпельменей. «Ты бы мог открыть школу выживания, – серьезно говорила Катя, – или бестселлер написать – как выжить в городе без денег». И тут же сталкивалась с его невозможной наивностью: Вини продолжал считать, что поступит в московский вуз без денег, знакомств, репетиторов и даже подготовительных курсов. Именно это упорство, пожалуй, и вызывало восхищение, но с этим надо было что-то делать!

«Ты что, медалист? Круглый отличник? Ты всегда такой отчаянный?» Вини кивал: «Ну да. Иначе позвал бы я тебя в гости? Было десять шансов против одного, что ты сбежишь еще на подступах к подъезду».

Нет, она ему действительно нужна, или он и дальше будет шлепать ксерокопии! Конечно, Вини проявляет чудеса экономии, извлекая бесплатные знания откуда угодно – из библиотеки, из умных голов в клубе Коневского – но на этом чудесам пора кончатся.

И Катя убедила его выкроить средства на курсы выходного дня, подобные тем, на которые сама ездит по субботам, и они сидели в Интернете, выбирая что-то и доступное, и достойное. Вини оказался не силен в компьютерной грамоте – школьных уроков явно было маловато, и Катя, заметив еще и этот пробел, начала его на-таскивать. Причем дома это оказалось невозможно: когда они просидели один вечер за Алешкиным компьютером, у родителей были такие глаза и голоса, они так ненатурально и тревожно здоровались и прощались с гостем, что Катя решила – в интернет-кафе будет спокойнее. Вот и проторчали вчера до одиннадцати, и все магазины были уже закрыты...

А сегодня – домашний день, и предстояло еще раз на свежую голову проанализировать информацию, намытую вчера.

Но когда они с «Дошираками» подходили к «норе», точнее, к их тихой уютной норке, из-за двери раздались голоса – если не сказать крики.

Дверь оказалась не заперта. Не успела Катя поднять вопросительный взгляд на Вини, как из комнаты в кухню пролетела донельзя раздраженная дама:

– И где этот чертов утюг!

За ней просеменил растерянный мужчина под пятьдесят, помятый и стоптанный, остановился, заметив вошедших, заморгал.

Вини замер с каменным лицом.

– Игорь! – налетела на него неизвестная женщина без всякого приветствия. – Куда делся утюг? Я два часа по дому бегаю! Куда ты его дел? – Моложавая, продуманно одетая, она была бы привлекательной, если бы не растрепавшиеся волосы и нервная гримаса.

Пиковая дама из карточной колоды, подумала Катя. Еще подумалось, что к старости ее горделиво-неодобряющий взгляд станет подозрительным и зловещим. А пока любой жест был уверенным жестом эффектной женщины, и она продолжала по-хозяйски рыскать по квартире.

Вини не произнес ни слова и не двинулся с места. Катя не знала, куда деваться.

– Игорек! На обед пришел, наверное? – засуетился помятый дядька и поспешил за дамой: – Слушай, может, пойдем, а? Мальчик пришел на обед, ему поесть надо... И потом, он не один, а с девочкой – пойдем, неудобно!

– Не смей мне указывать! – так и взвилась женщина. – Я у себя дома! Игорь, где нормальная чашка сервизная? Глотка воды не из чего отпить! А о девочках ему вообще нечего думать! Знаю я, как могут испоганить жизнь эти романы! Если бы я тогда с тобой не связалась...

Катя попятилась к двери. Но тут Вини отмерз от косяка, сделал шаг на кухню и как-то сразу всю ее занял собой, потеснив пришельцев к выходу.

– Ну-ка, дайте спокойно поесть, – отчетливо произнес он, пропуская Катю к столу и с грохотом ставя на плиту чайник. – Утюг сгорел еще летом, забыла? А сервиз ты продала в прошлом году. Пей из-под крана.

Дама со спутником пулей вылетели из кухни. Катя широко раскрытыми глазами взидала на происходящее: перед ней снова был прежний Вини – брови сдвинуты в почти сплошную линию, взгляд мрачный – даже не еж, а дикобраз.

А из комнаты доносились обрывки криков:

– Ты какая, к черту, мать! Допускаешь, чтобы он жил на этой помойке!

– А ты чужой дядя? Появился, блин! Кто звал-то! Он уже взрослый и сам за себя отвечает, без няnek!

– Он с двух лет у тебя был взрослый без няnek!

После чего дама вырвалась из квартиры, грохнув дверью, а дядька заторопился следом. Катя прошла в прихожую и придержала дверь, чтобы ее окончательно не сорвали с петель, и дядька исчез за ней с извинительными ужимками и почти реверансами.

Теперь она его узнала. Это был директор «Чудесных рам». Только не такой солидный и представительный, как в голубевском кабинете.

Игорь сосредоточенно, стараясь не плеснуть лишнего, заливал кипятком лапшу.

Домашний день был непоправимо испорчен.

Наконец-то он мог сидеть за столом с близким человеком, пить чай, обсуждать дела и знакомых, слушать музыку, просто болтать и смеяться – как все нормальные люди у себя дома! – чего в его жизни никогда не было! – и надо было им прийти и все испортить!

С матерью они никогда никакого чаю не пили. Неудачно побывав замужем, она раз за разом пыталась найти свое счастье, и их дом почти не покидали гости. Маленькому Вини полагалось сидеть на кухне тише воды ниже травы, и мать иной раз, угощая поклонника, забывала покормить сына. А то пропадала на несколько дней, и появлялась иногда с деньгами, а иногда – без денег. Тогда-то он и сделал великое открытие, обнаружив рецепты на пакетах с крупой и макаронами. Макароны на воде были поистине царским блюдом – когда они были.

Когда он подростом, мать переместила поиски счастья на территорию поклонников и почти совсем перестала появляться – и Игорь испытал облегчение и почти радость. Во дворе он предпочитал не показываться: там на лавочках всюю смаковали похождения его мамы, а в песочницах, сказочно приукрасив, повторяли то же самое. Впрочем, приличным детям вообще не разрешали разговаривать с мальчиком из плохой семьи, а мелкая шпана, чуя в нем белую ворону, в свое стадо тоже не принимала. Зато вся квартира принадлежала ему – пустая, а значит, безопасная.

Нельзя сказать, что Вини совсем не скучал по матери, – он тосковал по той идеальной маме, которая спохватится, придет, обнимет, накормит чем-нибудь вкусненьким – нет, это он ее угостит, а она приятно удивится! – и начнет рассказывать что-нибудь смешное, и может, они даже когда-нибудь купят телевизор и вместе сядут его смотреть... По той настоящей маме, которая, как постепенно стало ясно, никогда не придет.

Но у него появилась Катя! Это было необыкновенно, как подарок. Такого он совсем не ожидал.

Когда Игорь понял, что никто не придет и его не осчастливит,

он понял и то, что над другой, достойной жизнью, если он хочет в нее попасть, пора начинать работать уже сейчас. Выкарабкаться можно, только получив престижную профессию, и только в столице. А значит, надо сосредоточиться и не думать ни о чем другом. Впереди просматривались несколько лет, полных работы и только работы.

Но внезапно другой мир сам пришел к нему вместе с этой солнечной девочкой – как подтверждение, что он его достоин, как награда за все прошлые обиды!

Она как будто свалилась с неба, и обращалась прямо к нему – можно ли войти – войти в его жизнь! – а он так растерялся, что спрятался и захлопнул дверь. А потом с отчаянным, но внешне терпеливым упорством появлялся перед ней и ждал, что вот-вот выяснится – произошла ошибка, и его отправят прочь с привычными насмешками – так пусть уж лучше сразу!

Но этого не происходило, никто не смеялся, серые большие глаза глядели на него внимательно и серьезно, и он, до которого никому не было дела, вдруг должен был подробно рассказывать, о чем сейчас думает, что читает, какую слушает музыку, что любит на сладкое, как привык проводить выходные – Вини в эти дни говорил больше, чем за всю предыдущую жизнь. «Давай-давай, – подбадривала Катя, – у юриста язык должен быть хорошо подвешен, тренируйся!»

Мало того, что его делами интересовались – он вдруг почувствовал, что не один тащит свою неподъемную ношу. Катя приносила ему нужные книги и учебники; те, которых не оказывалось дома, добывала у друзей, а они начинали кивать ему на улице; даже в читальном зале ее знакомая библиотечкара, раньше подчеркнуто смотревшая сквозь Вини, теперь улыбалась ему и давала книжки домой. Архитектор, один из членов клуба Коневского, который, собственно, и читал там все лекции по истории, любезно предложил свои материалы – опять по Катиной просьбе, сам Игорь ни за что бы к нему не подошел. Катя заставила его залезть в Интернет, и он удивлялся, сколько полезного там накопал, – а ведь сам бы до сих пор считал, что ему это не по карману!

Но главное – у них были их домашние дни. Тихая норка сразу

становилась веселой, Игорь с удовольствием наблюдал, как Катя удивляется новому стулу, специально для нее купленному – в ноябре на подоконнике не очень-то посидишь, и мохнатым тапкам в виде мишек – пол тоже холодный, и ее любимым конфетам к чаю, и чаю – тоже ее любимому.

Они замечали, что опаздывают на работу и теперь придется бежать вприпрыжку, хотя никаких великих дел не обсуждалось – наоборот.

«Слушай, а зачем тебе становиться юристом? – спрашивала Катя. – Ведь есть же Медведев, весь город к нему ходит, а ты что делать будешь?»

«Как что? Да на любом предприятии без юриста не обойтись. И вообще, Пал Палыч больше в Москве дела ведет».

«Ага, – оживлялась Катя, – значит, Медведева – в Москву насовсем, а ты – сидишь в шикарном офисе в центре города, лучше на "красной площади". И к тебе валом валит народ... допустим, бежит Голубева – на нее подали в суд за клевету...»

«За фотографию очередной свалки в каком-нибудь дворе», – подхватывал Игорь.

«Следом за ней – Коневский, – вдохновенно продолжала Катя, – украли самовар! А он служил стольким поколениям интеллигенции! И ты теперь должен представлять ее интересы во всяких инстанциях!»

«Но Медведева в Москву не будем выселять, – решил Игорь, – у него дети маленькие, что мы – звери? Я сам поеду в Москву, а он пускай разбирается с самоваром».

«Когда тебе ехать в Москву!» – Катя делала ужасные глаза.

«А что?»

«А революцию кто устраивать будет? В прошлом веке юристы обязательно делали революцию, и тебе надо – пусть маленькую, пока только у нас. Будешь белогорским президентом».

«Зачем?»

«Так сколько дел! Одних указов – образование и Интернет сделать бесплатными, зарплату в научном институте поднять, – она подумала, – во всех подъездах – немедленный ремонт!»

«Колбасные заводы и всякие "Чудесные рамы" отнимаем?» – справлялся Игорь.

«Нет, за их счет – благоустройство. Кстати, переводчик для международных переговоров у тебя уже есть...»

И над центральной площадью уже трещали вертолеты, раздавались крики и выстрелы, из-за елочек выскакивали вооруженные люди и врассыпную бросались захватывать почту, игровые автоматы и интернет-кафе. Местный президент взглядывал на Катины часы, спохватывался – чувство времени опять не подводило, и уже на бегу они доигрывали в счастливое будущее.

Как же нелепы папаша, вдруг возникший через семнадцать лет, и маман со своими истериками! Они вломились в его жизнь, продолжая свои бесконечные выяснения отношений, мало того – начали наперебой друг перед другом изображать заботливость! Папаша, на старости лет разжившийся собственной фирмой, – а иначе маман его бы, пожалуй, и не узнала – с чего-то взял, что он возьмет у него деньги. Маман принялась искать барахло ушедших лет, которое сама же сдала в комиссионку, когда еще была комиссионка, – не может быть, что дом, где обитает ее сын, – не полная чаша!

Как же они оба опоздали – у него есть Катя, и есть своя собственная, отдельная, счастливая жизнь!

Надо было раньше приходиться, когда они были нужны, когда их ждали!

– Ну, вот вы и познакомились.

Катя уяснила, что мама-космонавт все-таки есть.

– А этот, с ней – твой папа? Но он же Зайцев. Я интервью с ним делала.

– На момент, когда я родился, она уже вышла за Виниченкова, меня на его фамилию и записали. – Взгляд у Вيني был все еще жестким и чужим. – Я его не помню, с ним она тоже разошлась. А этот назывался всегда Дядя Ваня. Раньше появлялся время от времени, потом провалился куда-то.

– Какое право они теперь имеют вламываться в твою жизнь

со своими скандалами! – возмутилась Катя – и Игорь отметил, что они думают одними и теми же словами. – Что им вообще надо?

– Сколько я их вместе видел – им надо орать друг на друга, они в этом черпают какую-то энергию. Может, надумали снова сойтись?

– Я где-то читала, что скандалы – разновидность супружеской жизни. Вот если партнеры уже и не орут – пиши пропало, они совсем друг друга не интересуют, и у них нет будущего.

– Ну, значит, у моих все только начинается, как в «Санта-Барбаре». Тогда этот визит – не последний.

Катя ужаснулась:

– Они могут здесь поселиться?! Превратить норку в сумасшедший дом?!

– Да нет, что им тут делать, у него трехэтажный коттедж в Сосновом Бору, – скривился Вини, и Катя внимательно на него посмотрела: выходит, он больше знает о Дяде Ване, чем хочет показать. Да, обед испорчен – и лапша остыла, и дела не обсудили – и она решительно закрыла тему:

– Ну и хватит об этом! Больше в это влезать – только больше расстраиваться. С любыми родителями проблемы, ты уж поверь – это я не утешаю, это и правда так.

– И с твоими? – удивился Игорь. Какие там могут быть проблемы в солидном «зефире», элитарном доме в центре, у этих правильных людей?

– Им не нравится абсолютно все, что я делаю, – неожиданно для себя призналась Катя. – Они всегда, всем недовольны! – И не только не устыдилась того, что пожаловалась на родителей, – поделившись этой болью, глубокой и какой-то постыдной, она испытала неожиданное облегчение, как тогда, при их знакомстве, когда они рассказывали друг другу, как провалились на вступительных.

Вини сначала не поверил, а увидев, что она не шутит, возмутился:

– Да что в тебе может не нравиться! Ты что, дома не ночуешь? Обпилась-обкурилась-обклолась? Только и делаешь, что работаешь и учишься!

Катя пожала плечами:

– Все равно все не так. И поздно возвращаюсь, и занята не тем, и подруги не такие...

– ...и друзья? – пристально глядя на нее, продолжил Игорь.

Катя смешалась: да, от него они тоже были не в восторге, иначе не пришлось бы таскаться по интернет-кафе и без конца гулять по промозглым осенним улицам.

– Правда хватит! – решил теперь уже Вيني, видя, что она совсем приуныла. – Кать, не бери в голову! Ты же знаешь, что права! И ты уже взрослый человек, не стоит заикливаться на родителях. У них своя жизнь, у тебя – своя. Когда тебе восемнадцать? Ты уже свою семью скоро можешь завести.

Точно так же утешал ее двоюродный брат, когда она воевала с мамой! Катя невесело улыбнулась:

– Через три месяца. В феврале.

– Ну вот! Представь: ты глубоко замужем. Мама звонит, хочет отчитать за что-нибудь, а ты: мне некогда, мы убегаем, мы с мужем должны успеть на десять вечеринок, а с утра у меня шоппинг и салон красоты! – бодро повествовал Вيني, наблюдая, как взгляд у нее светлеет и загорается знакомыми искорками.

– И я накупаю гору тряпок, книжек, косметики, и никто меня за это не ругает! – с энтузиазмом включилась Катя. Приостановилась: – Муж ведь не ругает?

– Конечно, нет, – категорично ответил Вيني. – Вы вообще никогда не скандалите, не спорите.

– Ни о чем? – усомнилась она. – А разве он не консерватор? Ему что, нравятся мои мини-юбки?

– Ты его с папой не спутала?

– Ну, так у меня еще куча недостатков. Вот я опять сижу на подоконнике, а может, меня кто-нибудь через окно из соседнего дома разглядывает, в моей мини-юбке?

– А он гордится тем, что его жена – красавица.

– А я все время музыку слушаю, – Катя указала на плеер с наушниками, – и ничего вокруг в это время не слышу. Бедный муж, может, бегаёт, объясняется в любви или ругает начальника – а я не реагирую!

– А он вместе с тобой слушает, – Вини забрал себе один наушник.

– ...и его тошнит от «Братьев Гримм»!

– Нет, этот чудака уже научился терпеть без порошка от рвоты.

– Ну почему чудака? Он мне все больше нравится... Ага, вспомнила! – обрадовалась Катя. – Я же ничего не готовлю, кроме бутербродов, гренков и яичницы. Скажешь, все равно не скандалит?

– Конечно, нет – ослаб от голода. Облизывает пакет из-под сухого супа... Слушай, может, все-таки съедем эту лапшу? Не такая уж она и холодная.

– Конечно, съедем. Так я догадалась – это идеальный муж! А его не заберут от меня в музей или в зоопарк?

Глава 6

*Решается бесповоротно
Грядущая вечность моя.*

Осип Мандельштам

Старушка в картузе появилась в самом конце рабочего дня. Катя и так задержалась: надо было дожидаться одного из их распространителей – самый молодой, Ник Берестов, еще школьник, и прибегает за газетами после второй смены. Отдать ему его пачку – и скорей домой, перекусить перед посиделками у Коневского. Сегодня один из завсегдатаев клуба, энтузиаст-любитель древнерусской литературы и по совместительству физик, читает собственный перевод «Слова о полку Игореве». Вيني уже два раза звонил и три раза заглядывал. А тут непредвиденный визит! И сразу ясно, что разговор предстоит долгий – посетительница уселась на стул.

– Редактор будет завтра, – попробовала Катя – не помогло.

– Ничего, мне лучше кого-нибудь из журналистов, – бодро отозвалась старушка.

– Караваева тоже будет завтра, – обрадовалась Катя. – Вы приходите с утра!

– С утра не могу – с утра я в школе! – жизнерадостно объяснила старушка, и Катя поняла, что это учительница, решившая умереть у доски, как актер – на сцене, и что она не сможет ее выставить – ее мама тоже преподаватель, правда, в институте. – А раз Караваевой нет – стало быть, вы Перехватова? Вас-то мне и нужно!

Конечно, приятно, что ее знают по фамилии, – выходит, она уже примелькалась – и все же Катя колебалась, не поддаться ли малодушию и не сказать ли, что она никакой не журналист, а просто наборщица – и быстренько распрощаться.

А правда, кто она?

Воспользовавшись заминкой, старушка начала рассказывать, зачем пришла. Катя не сразу уяснила: та не собиралась строчить ни жалобу, ни благодарность, ни просить разъяснений по поводу пенсии или льгот, ни даже прозрачно намекать, что следует написать хвалебно-юбилейную статью о ком-нибудь из ее родственников.

Старая учительница рассказывала о герое – о делах давно минувших дней.

Писатель Николай Истомина жил в Белогорске в довоенные времена. Точнее, в Сосновом Бору – тогда это был еще просто поселок, и он купил себе дачу в красивых местах. Это был выходец из рабочей семьи, мальчик, которому революция дала возможность получить образование. Но бросившись ликвидировать аварию на стройке, он получил тяжелую травму, и в результате в двадцать лет – полная неподвижность. Но он не сдался, окончил два вуза, стал писателем, был известен всей стране. Одну из его книг брали с собой в полет советские космонавты. Жена Николая Островского назвала его «вторым таким же мужественным Николаем».

Ольга Ивановна собрала целую папку материалов: газетные вырезки, пожелтевшая доисторическая брошюрка, – завела переписку с домами-музеями Истомина в его родном городе и в Ялте, где он подолгу лечился, записала воспоминания некоторых старожилов в Сосновом Бору – и теперь разложила эту папку перед Катей, извлекая из нее все по порядку с подробными комментариями. Обяза-

тельно надо тоже устроить музей у них в городе! Можно в ее школе, она уже готовит экспозицию! Люди должны знать, что здесь жил такой необычный человек, фактически их земляк! Потому она и решила обратиться в местные «Вести».

Уже пришел и ушел Ник, забрав газеты. Вيني устал незаметно заглядывать и с выразительной мимикой стоял прямо в дверях. Но Катя не могла остановить учительницу, сбитаая с толку противоречивыми мыслями.

Материал о герое – сейчас, когда в газете читают только телепрограмму и объявления? Кому он нужен?

Но ведь ей же интересно! Такая необычная судьба...

Но так это всё допотопно – идеализм, самоотверженность, подвиги – разве нет? Сколько губ скривится и сколько усмешек тут же прозвучит: еще одного павку корчагина откопали!

И все равно, человек, сумевший прыгнуть выше головы и победить судьбу, – это во все времена интересно. Ведь запросто мог бы всю жизнь тянуть лямку чернорабочего, как родители, – или, уже потом, угаснуть в захолустном доме инвалидов...

– А может, лучше взять эту папку домой и прочитать как следует, не торопясь? – раздался голос Вيني. – Такой обширный материал наскоком не освоить...

Катя вопросительно взглянула на старушку. Та помедлила – отдавать ли ценность – но тут же согласилась.

– Я так и знала, я была просто уверена, что вы заинтересуетесь! Такая тема не может не заинтересовать!

– Спасибо, – сказала Катя Вيني, запирая дверь. – Ирина и Кира умеют быстро сворачивать всякие разговоры, а вот я – нет.

– Всегда пожалуйста. А ты правда будешь все это читать?

– Теперь придется. Залез в корзинку – не говори, что ты не гриб. Как же есть хочется! Но домой ведь уже не успеть. И Арчи опять остался без прогулки, бедный пес! Может, чипсов купим?

– Я сколько предлагал – давай у меня ужинать, хотя бы когда к Коневскому ходим. Все равно ведь не успеваешь домой.

– Еще и ужинать! И так обедаем почти каждый день!

– Ну и что? По пути же. Пойдем-пойдем, там килька в томате

оставалась. Быстро ее зажем, а то никакое «Слово» не ползет, после подвигов-то! И Коневский опять подавит тебя силой личности!

Личностями в клубе Коневского были все, и каждая личность имела узаконенное место за самоваром. Во главе восседала Ермакова – та самая, что показалась взрослой дамой, а оказалась Катиной ровесницей. Она была хранительница очага и признанный здесь творец. Здесь требовалось творить. Мало того – дух творчества должен был зримо витать. И все держали в руках блокноты или листочки бумаги, время от времени что-то туда занося, словно именно в этот момент их посещали удивительные мысли. Не признавалось ничего, кроме совершенства. А всякий, стремящийся к совершенству, осужден создавать лишь фрагменты. Обрывки фраз, строчки – концентрированное искусство, искусство без примесей – ими сплошь была покрыта бумажная скатерть, разбавленная кое-где досадными пятнами от чашек и пальцев. Исписанная полностью, скатерть дарилась Достойному словно рыцарский плащ.

Катя с Адой и не надеялись, что им когда-то выпадет такая честь. Вيني же был равнодушен к этим бирюлькам – он помнил, зачем сюда приходит, и умел сосредоточиться на главном.

Скатерть стелилась другая, но было и нечто вечное – стена шедевров, тоже бумажная. Попасть туда было немисливо – все равно что встать в один ряд с классиками. В центре «стены» Коневский написал свой шедевр:

*Я вам давно хотел сказать,
О чем молчали мы веками:
Талантам надо помогать,
Бездарности пробьются сами.*

Правда, Катя уже встречала это изречение, и почему-то под другой фамилией – но, скорое всего, это было недоразумение, которое высказывать вслух не подобало, а следовало восхищаться мудростью – она восхищалась.

Как-то они с Адой шепотом спросили у Ермаковой, как называются книги, которые написал Коневский. Разумеется, в библи-

отеках существуют многостраничные фолианты, которые не могли не быть созданы этим блестящим умом, – но Ермакова затруднилась ответить и только перечислила какие-то лауреатства – они и не сомневались, что такой человек достоин и удостоен, а только хотели книжку почитать. Но Ермакова дала понять, что в книжках печатаются лишь гении из прошлого века и бездарности из нынешнего. Сейчас любой Вася Пупкин может издать свое собрание сочинений – что, Коневскому вставить в один ряд с васями?

Обещанную литературную и историческую программу вели по очереди физик и архитектор, сам Коневский лишь изредка смаковал какую-нибудь редкую пословицу или древнее словечко. Он не читал новых вещей – а только свою «классику», Ермакова все меньше писала «этюдов», и лишь Ада каждый раз приносила что-то новое – разумеется, она не заполняла пустоту, это ей уделяли уйму времени, создавали из нее поэта.

Уйму времени отнимала и оживляющая война с посторонними, которые время от времени заглядывали на огонек. Люди просто не могли понять, что без приглашения не входят, что смешно с их уровнем стремиться попасть в этот круг! Завсегдатаи получали эстетическое удовольствие, глядя, как ошеломляет гостя Коневский, обрушивая на него лавину из собственных стихов, Руси и аркуды. С каждым новеньким программа отрепетированно повторялась, импровизации если и были, то уже когда-то сымпровизированные.

Но Катя с Адой старались этого не замечать, обходя логический вывод, что и сами были обработаны с помощью цепочки приемов. Вторая часть программы, которой они не были в свое время подвергнуты, внушала страх и внутреннюю радость самосохранения – это когда гостю тонко давали понять, что он не ко двору, и указывали на порог. Вот за это злые языки потом и обзывали клуб творческой интеллигенции салоном!

Вини, сумевший не попасть под обаяние руководителя, пытался подтрунивать и над Коневским, и над Катей – но она не на шутку сопротивлялась, защищая его самобытный талант. Мало ли у кого какие причуды! И чем больше личность – тем больше причуд!

Живо это обсуждая, они нарезали несколько традиционных кругов вокруг «зефира», но скоро Катя обнаружила, что ноги и замерзли, и промокли.

– Отбой, по домам! Не хватало еще простудиться!

– Слушай, я же сколько говорил – давай ко мне забегать хоть на полчаса! Все равно не можем сразу разойтись! Был бы май месяц – гуляли бы хоть до утра. Но шлепать по темным улицам под мокрым снегом, когда можно спокойно сидеть в тепле...

– Обедать – у тебя, ужинать – у тебя, сидеть в тепле – тоже у тебя! Может, мне к тебе совсем переселиться? – иронично спросила Катя, но услышала совершенно серьезный ответ:

– Переселяйся.

– Ура! Мне сделали предложение! – весело завопила она, но заметила, что Вини не разделяет веселья и смотрит выжидательно. – Так ты в самом деле считаешь, что нам пора соединить свои судьбы? – проникновенным театральным голосом начала она, надеясь, что он сейчас подхватит очередную игру, – и предлагая ее подхватить, если вдруг он испугается того, что ляпнул.

Но Вини смотрел без тени веселья и убежденно проговорил:

– Пора. Кать, ты же видишь – они уже и так соединились.

Катя задумалась и необыкновенно серьезно возразила:

– Послушай, но у меня ведь собака! – после чего они все-таки расхохотались, и Вини отозвался с облегчением:

– Конечно, и его возьмем, как же мы без Артемона!

Глава 7

*Лучше поздно, лучше еще позднее,
лучше вообще никогда.*

Михаил Бару

– Может, это я виновата? Я почти сразу начала кричать. Но она говорила такое... – Вера Васильевна смотрела на своих мужчин беспомощно.

Сын продолжал ужинать – наверное, машинально. Как можно жевать, когда жизнь рушится! Впрочем, она сама хотела сначала дать им спокойно поесть, а потом уж сообщить – но не выдержала. А муж, судя его по лицу, вообще ничего не понял – наверное, думает, что все это игра слов или шутка – какие уж тут шутки!

– Я увидела в окне, что ее опять провожает этот парень, – начала все с начала Вера Васильевна, – ну, вы знаете, из той легендарной семейки, сарафанное радио носит о них сплетни мешками... Привязался, и все тут! Конечно, не надо было с порога на нее кричать, но я ведь не железная, я живой человек! И потом, что такого я сказала? Что она совсем не появляется дома? Что он окончательно отвлек ее от подготовки к институту – это разве не так? – Алексей Иванович и Алеша подумали, что она наверняка сказала что-то еще, но решили не перебивать. – И тут такое слышу в ответ! Что она вообще к нему переезжает!

Тут мама все-таки заплакала, и Перехватов-младший уже привстал, чтобы улизнуть, – пусть папа утешает, а он тут лишний – но остался. Да, дела! Маленькая Катька – уж замуж невтерпеж! Нет, смыться нельзя, родители совсем раскиснут. И так мама вчера оказалась один на один с этой громкой новостью – он вернулся еще позже Катьки, а папа был в командировке.

– Может, это она просто так? Мне назло сказала? – с надеждой спросила Вера Васильевна.

– Не думаю, – через паузу ответил Алексей Иванович. – Такие вещи назло не говорят. Катерина вспыльчивая, но не взбалмошная. Она как вообще это преподнесла? А ты напомнила, что ей еще нет восемнадцати?

– Спокойно она это преподнесла, без всяких криков, как дело решенное! У них, видите ли, все серьезно! Меня даже мороз пробрал! Конечно, я сразу сказала, что никуда ее не отпущу!

– А она?

– А она опять спокойно заявляет, что ей восемнадцать в феврале, а этому... Вيني, или как там, Игорю – в мае, и что она... они совсем не хотят с нами ссориться! Представляете! Мы за нее беспокоиться не должны! Они будто бы хорошо зарабатывают, и у них

прекрасное жилье, и вообще все прекрасно! И об учебе не надо тревожиться – они теперь на курсы вместе ездят! Мы что – покойники, чтобы нам ни о чем не тревожиться? Может, сейчас она придет, и мы все вместе с ней поговорим?

– А она придет?

Вопрос повис в воздухе. Мужчины переглянулись. Алеша решил, что пора вставить слово, а то мама долго может повторять одно и то же на все лады, только себя распаяя и мучая, вместо того чтобы определиться в ситуации и выработать здоровое решение.

– Вы что ее – запрете? – спросил он.

Родители опешили.

– Не думаю, что это что-то даст, – выговорил наконец Перехватов-старший.

– Ну да, только отношения у вас до февраля окончательно испортятся. А уж до мая...

– А ты – ты что предлагаешь? – вскинулась Вера Васильевна.
– Ты как к этому относишься – это же твою родную сестру уводит проходимец!

– Как к дурости я отношусь – высказывать замуж, да еще за мальчишку-ровесника, – отозвался Алексей. – Могли бы просто встречаться, зачем так радикально решать вопрос. Но, с двадцать пятой стороны, если молодежь хочет порядочных отношений, а не жизни во грехе, разве это плохо? Вы что, хотите обратного?

– Мы вообще ничего не хотим! – взорвался папа. – В ее возрасте она должна только учиться!

– Ну вот, а спрашивали мнение, – развел руками Алеша. – Помоему, вы слишком испугались. А ничего страшного пока не произошло. Даете вы свое благословение или не даете – это сейчас не принципиально. Их же все равно не распишут! Полгода в запасе, и время работает на нас. Можно пока присмотреться к этому Игорю – а вдруг он еще и не проходимец, а нормальный человек. В конце концов, он же ей не просто переспать предложил, а руку и сердце...

– Руку, ногу! – вспыхнув, перебила мама. – Совсем ничего не соображаете, что ли? Нельзя же быть такими наивными! Ему этот брак нужен, чтобы пробиться в «верхи» из своей помойной

ямы! Какая там любовь! Катьку облапошить хотят! А вы, как здравомыслящие люди, должны помочь ей открыть глаза, а не сами уши развешивать!

– Но ведь Алеша дело говорит, – вступил Алексей Иванович, – надо с ним хотя бы познакомиться, увидеть, кто он такой. Не с ней одной надо говорить, а с обоими. Они ссориться не хотят – а мы хотим, что ли? Давай пригласим их на пельмени в выходные, обо всем и поговорим.

– Когда Катюшка летом сдавала вступительные, – грустно промолвила побежденная Вера Васильевна, – я так волновалась, так хотела, чтобы она сдала, молитву шептала. И вдруг вспомнила: когда ей было шесть лет и она поступала в музыкалку, там тоже был экзамен, они за дверью что-то напевали, хлопали и топали. И я точно так же волновалась, и точно так же хотела, чтобы она сдала, и шептала ту же молитву! Тогда это топанье-хлопанье казалось по-настоящему важным! Знаете, мне сразу стало не по себе: а вдруг и то, что сейчас происходит, – на самом деле только топанье-хлопанье? А настоящий экзамен, из-за которого стоит переживать, – впереди?

– Наверное, это всегда так будет, – утешил Алексей Иванович.

Пельмени, как всегда у мамы, получились вкусные. Вот только ели без удовольствия: Катя, сама с трудом их глотавшая, убедилась в этом, окинув всех по очереди тревожным взглядом. Все отбывали обязанность, и хуже всех было, конечно, Вини.

Зачем она только согласилась! Зачем привела его на эти смотрины! Враждебность к нему ощущалась уже в самом приглашении – когда мама с папой его проговорили, официально, как дипломаты – международную ноту. Но не нанести визит вежливости родителям, которые пошли на мировую, было бы нелепо, несмотря на очевидную провальность мероприятия. Это даже Вини понимал и собрался в гости без малейших возражений. И ведь теплилось в глубине души: а вдруг всё обойдется и все друг другу понравятся!

Он им не нравился заранее, каким бы ни оказался.

Он был для них тем, кто вломился в их жизнь без стука и забрал самое дорогое, – Катя прекрасно это понимала.

Он был виноват, а значит – плох. Похоже, тут уже ничего не поправить, и придется высидеть до конца, вытерпеть холодно-ироничные взгляды Алешки, просто холодные – мамы, лаконично-деловые вопросы отца, который один поддерживает беседу, – и еще более короткие ответы Вини – о работе и зарплате, о планах на учебу и на жизнь.

Катя в отчаянии опустила вилку.

Она смотрела на Вини глазами родителей – это был прежний мрачный тип, которого она увидела впервые, – он не мог понравиться, не мог! Как же они поймут, что он совсем не такой, если перед ними еж – хотя они сами заставили его свернуться и выставить колючки?!

Она смотрела на родителей глазами Вини – и видела встревоженных мещан, которые трясутся за свое благополучие и отвергают чужака. Скользила вслед за ним взглядом по привычной обстановке комнаты – и вместо милых безделушек, статуэток и вазочек, подаренных родными, друзьями и мамиными студентами, с ужасом видела обывательскую дребедень для накопления пыли. «Наверное, он думает, что только слоников не хватает...»

Добил взгляд Вини, ненароком брошенный на кухню, – там висел большой настенный календарь с котятками. Розовые бантики, клубочки, умильные улыбочки, слюни, сопли... Боже мой! Как же теперь объяснишь, что это их давняя традиция – на каждый Новый год дарить маме календари с картинками, и всегда разные: с японками в кимоно (папа привез его из Японии), с пейзажами по временам года или с картинами из Третьяковки. В год Козы висели прикольные козлы, в прошлом году – роскошные кулинарные натюрморты, в позапрошлом – головоломные сюрреалисты, а в этом – детеныши животных потешные. И так интересно выдумывать каждый раз что-нибудь новенькое, чтобы не повторяться! Нет, объяснять бесполезно – все, что связано с этим домом, вызовет только отторжение или иронию – и это уже видно...

Хоть бы Никита, что ли, приехал – кузен всегда на ее стороне и наверняка помог бы на этом ужасном застолье, – но у него и учеба,

и работа, и вообще к Катиному сообщению, что жизнь ее меняется так кардинально, он отнесся как-то прохладно...

Все продолжали сидеть проглотив аршин. Один Арчи вел себя непринужденно – прыгал, лаял, стараясь обратить на себя внимание, умильно просил угощения.

– Все равно не будешь, – проворчала Катя, все-таки давая ему с ладони пельмень. – Ведь с перцем!

Арчи чихнул и съел, потом посмотрел на гостя и несмело помахал хвостом.

– Перед тобой выпендривается, – пояснила Катя Игорю, а мама, желая разрядить обстановку, начала рассказывать, как Катя кормила пуделя, когда он был совсем маленьким, по книжке, три раза в день, намешивая в сырое мясо и творог растолченные таблетки.

– Я по всему городу искал фитин, – вставил Перехватов-старший, – глюконат кальция, какую-то морскую капусту сухую...

– И не нашел капусту.

– ...и витамин А в масле. Собаке все это! С ума сойти.

– Раз девочку тянет о ком-то заботиться, значит, просыпается материнское чувство, – возразила мама. – Арчи – твой первый ребенок.

– Зачем выдумывать! – рассердилась Катя. – У щенка росли кости и зубы, и они должны быть крепкими. А сухой корм с витаминами ему тогда не нравился, надо же было как-то выкручиваться...

– Я вам с Алешкой для этого толкла яичную скорлупу...

– Ну, это, надеюсь, не скоро понадобится! – раздался вдруг голос Алешки – тот вредный, противный, язвительный, которого Катя давно уже не слышала. – Не думаю, чтобы Катерина с Игорем собирались в ближайшее время обзаводиться потомством. Такие великие планы на учебу! – И, довольный, глядит выжидательно – как сейчас все завертится.

– А зачем вообще увеличивать количество людей? – услышала Катя. – Они же никому не нужны. Те, что уже родились, лишние: безработных полно, везде конкурсы – и в десятый класс, и в вузы, и в садики. Стариков никак не уморят. Не нужно столько людей!

– Нужно! – радостно заспорил Алешка. – Налоги платить!

Кажется, пора уносить ноги! Братец кого хочешь заболтает. А страстная речь в устах Вини куда хуже односложных реплик. Мало того, что в любой момент может вспыхнуть ссора, – его вообще понесло не в ту степь. Что он городит!

Конечно, формально оба правы – пока не время заводить малышей. Это же голос здравого смысла и ее собственные мысли! Но категоричность, с которой Вини произнес свои слова, – конечно, в пику Алешке! – вдруг как будто перечеркнула важную часть их будущего. Катя сама не понимала, что произошло, – но где-то в голубой далекой комнатке спали ее будущие дети – и ее любимый человек сказал, что они не нужны, – и гнусный карлик мог подбираться к ним безнаказанно! – и она не могла его остановить!

– Мне кажется, это разговор вообще преждевременный, – вмешался папа. – Игорь и Катя – разумные люди, они сами все прекрасно понимают. Существует такая вещь, как пробный брак, – я от нее не в восторге, но сейчас, мне кажется, это лучший вариант. И февраль, и май наступят скоро, но не думаю, что сразу следует спешить в загс...

– Нам некуда больше спешить? – криво усмехнулся Вини.

– Слушайте, а кому же все-таки попался пельмень с сюрпризом? – наигранно-весело перебила мама.

– Мне! – вдруг удивился Алешка. Покрутил вилку с откушенным пельменем – и правда, с вишенкой. – Точно-точно! Я чужое счастье заел? – он с сомнением поглядел на мать. – Наверняка это предназначалось Катерине, чтобы она была счастлива в законном пробном браке! На худой конец – ее избраннику. – Он, как всегда, не стеснялся озвучивать любую правду. Мама смотрела с укоризной.

– Спасибо! – Катя решительно поднялась из-за стола. – Нам пора.

– Как? Уже? – беспомощный мамин взгляд тут же лишил ее всяких сил. – Еще не посидите? Чайку...

– Ну, не в последний ведь раз, – добавил Вини с едва уловимой иронией.

Все поняли эту фразу правильно и обомлели: как же так вы-

шло! К визиту уже нечего добавить! Выходит, все возможные усилия по поиску общего языка уже приложены?

– Все наладится, – обнадежил папа в прихожей. – Просто мы сейчас по-разному смотрим на ситуацию. Ведь невозможно быть одновременно и снаружи, и внутри события.

– Возможно, – прищурился Игорь. – Садитесь в электричку в последний вагон, и когда на выезде со станции дорога идет дугой, посмотрите в окно, на голову состава. Увидите себя снаружи и внутри события. Катя, ты не спеши, собирайся, я тебя на улице подожду.

Алексей Иванович смутился. Он уже много лет не ездил в электричке. Катя растерялась – столько непримиримости было в очень сдержанном голосе Вины.

Скатиться до пошлых анекдотических сцен с тестями и тещами?! Они так хорошо все распланировали, обо всем договорились, их союз должен стать уникальным исключением из серой массы обывательских семей с их банальностями! И что он вдруг лепит? Неужели только из чувства противоречия? Да так ли уж чудовищны ее родители? Пусть они старомодны и смешны – в конце концов, им-то удалось создать нормальную семью...

Нет, в одном Вины прав – больше никаких совместных мероприятий, включая наступающий Новый год! Снова оказаться между двух огней?!

– Ну, – с вызовом сказала Катя, – Вины тактично вышел, чтобы вы могли высказать о нем свое мнение.

Но мама только растерянно пожала плечами, махнула рукой.

– Мне показалось, он так избалован, твой Вина...

Катя даже засмеялась:

– Ну, что ты говоришь!

– Нет, бывают люди очень избалованные именно оттого, что в детстве их не баловали. И они потом всю жизнь стараются добирать, наверстывать...

– Это вроде раньше называлось эгоизм, – вставил Алешка.

– Ну, знаете! – возмутилась Катя. – Можете не продолжать!

Уже сбегая по лестнице, она слышала, как брат объясняет маме:

– А может, ей и нравится лелеять его эгоизм. Она его за муки полюбила...

Глава 8

Это кто там такой добрый в восемь ночи звонит?

Мультик «Масяня»

– Вы еще не поссорились?

Этот вопрос мадам Виниченкова-Зайцева задавала Кате постоянно. Теперь скорее Зайцева, чем Виниченкова, – они с Дядей Ваней стали неразлучны. Еще разок нагрязнули в норку с инспекцией, но, встретив более чем холодный сыновний прием, сочли за лучшее время от времени звонить на мобильник. А поскольку он был общий и иногда отвечала Катя, маман каждый раз задавала ей излюбленный вопрос: вы еще не поссорились?

Катя молча отключила трубку. Лучше бы сделать это заранее, вечером...

Вини безмятежно спал. Воскресенье было священным днем – единственным, когда удавалось выспаться. Медовый месяц проходил в трудовых буднях, вставать приходилось полвосьмого, а по субботам вообще жестоко – в шесть, чтобы к десяти успеть в Москву на курсы. Катя порой готова была дрогнуть, смалодушничать и позволить себе проспять – но Вини неизменно просыпался вовремя, как всегда без будильника, и говорил: «Пора».

Еще одной ранней пташкой был Арчи, который просился на улицу в любой мороз. Прибегая на обед, они гуляли с ним по очереди, а вечером выходили уже все вместе, втроем, чинно – настоящее семейство с любимым отпрыском...

И только в воскресенье можно не вскакивать как ошпарен-

ным – но только не сегодня! Даже у Арчи есть совесть, дремлет себе – а кто-то опять названивает!

Второй звонок был в дверь, и Арчи залаял радостно – кого это он может так приветствовать? Уж никак не маман с Дядей Ваней.

Катя открыла дверь – Алешка.

– С Новым годом! Шел мимо, заходить не буду. Вижу – разбудил. Арчи, подлец, как же я по тебе соскучился! А это вам. – И он вручил не совсем еще проснувшейся Кате маленькую искусственную елочку, белую и пушистую.

– А дома елка есть? – совсем некстати крикнула ему вдогонку Катя – надо было спросить, все ли здоровы, всё ли в порядке – а впрочем, она об этом и спрашивала. Брат закивал, обернувшись. – Алешка, а кто наряжал? – Это всегда было Катиной и обязанностью, и привилегией. У нее на миг сжалось сердце, когда она представила, что на привычном месте в холле елка не стоит, не блестят игрушки и гирлянды...

– Я! – гордо крикнул брат уже почти с улицы.

Вини протирал глаза, с недоверием разглядывая елочку на подоконнике.

– Белая?

– Вся в снегу.

– В снегу?! – Вини приподнялся, всматриваясь, а Катя наставительно объяснила:

– Зима! Мороз! – И выдернула из-под его головы подушку: – Вставай-вставай! Пошли скорее за елочными игрушками!

Одно дело – скидываться на обеды, другое – вести хозяйство полностью. Но Катя сразу заявила, что прекрасно умеет распределять деньги так, чтобы их на все хватило. Они с Алешкой, когда родители уезжали в отпуск, всегда образцово с этим справлялись. Правда, ее принцип – сначала отложить на лишнее, а что останется, на необходимое – поначалу удивил практичного Игоря: он привык поступать наоборот. Но Катя быстро доказала ему, что это как раз непрактично.

«Если я не куплю журнал или книжку, или еще какую-нибудь пустяковину, или новый фильм не посмотрю, я буду чувствовать себя несчастной, и это уже не исправить никаким правильным питанием. А так – будет ощущение, что работаешь не зря, и можешь столько всего себе позволить. А без необходимого, как опыт много раз показывал, прекрасно можно обойтись! Это все предрассудки. Устраиваешь разгрузочный день – и укладываешься в бюджет».

Игорь пытался заикнуться, что это разгрузочные дни – предрассудки, но Катя сражала его наповал: «Уж лучше пару лишних материалов написать и гонорар побольше получить! К тому же мне зарплату прибавили! Никто здесь не умрет ни с какого голоду, и ни по какому по миру никто не пойдет».

Они любили вместе ходить за продуктами. Назывались эти походы по-пушкински: «О, сколько нам открытий чудных готовит просвещение дух!»

Сначала Катя вела Игоря в супермаркет на «красной площади», и он с удивлением смотрел, как она наполняет корзинку печеньями, консервами, фруктами, коробочками, баночками и пакетиками, которых он раньше и не замечал. Оказывается, рыба бывает – не гора костей, а филе, и специи – не только лавровый лист и черный перец горошком, и соус – не только кетчуп, и даже хлеб – не только батон обыкновенный, а всякие там «восемь злаков», и кусочки разных сортов, по одному упакованные, и даже «без корочки». И главное, накупив всей этой снеди, они не были тотчас разорены, и никаких поясов потом подтягивать не приходилось – он сам пересчитывал и удивлялся: они действительно укладывались в бюджет! Все-таки собственная зарплата не идет ни в какое сравнение с маминскими подачками и выручкой от сданных бутылок.

А потом Игорь вел Катю в магазин в подвальчике, и уже она расширяла свои познания: оказывалось, что тут же, в двух шагах растительное масло можно купить в два раза дешевле, картошку – в полтора, и так далее, и так далее. И они постановляли: за картошкой – в подвал, за пирожными – в маркет.

Пирожные они любили одни и те же. И не переставали удивляться другим совпадениям: оба любили слушать музыку по вече-

рам, никогда не ходили туда и обратно одной и той же дорогой, хранили мелочи прошлого времени – открытки, камешки, «счастливые» билеты. Кате иногда даже казалось, что они – близнецы, выросшие врозь...

Сейчас Катя наполняла покупательскую корзинку серебряным «дождем», мишурой, золотыми сосульками, хлопучками. Разноцветные хвосты, вынырнув из корзинки, тянулись следом, цеплялись за заводных санта-клаусов и дед-морозов, которые пели одновременно каждый на своем языке, – следом бежали продавцы, поднимали хвосты, Вини тоже поднимал, а Катя со своим шлейфом спешила дальше:

– Смотри, какие снеговички! И макушка! Макушку обязательно надо!

– Кать, да елочка же маленькая! – пытался унять ее Игорь. – А этого всего на городскую елку хватит! – И тут же вспоминал, как раньше устраивал себе елку, насобирав на площади обломанных веток, – а теперь там елка искусственная, живую не рубят.

– А я знаю, где полно еловых лап! – загоралась Катя. – Сейчас сделаем, как ты любишь!

И Вини опять бежал за ней следом, они собирали на елочном базаре упавшие ветки – и норка преображалась. Оказывается, для дареной елочки предназначались только несколько сосулек и макушка, а в остальное мишурное великолепие, включая живые ветки с чудным запахом, была убрана вся норка – она как будто сама стала новогодней елкой! – а они в этой елке жили. В который раз Игорь убеждался, что Катя хорошо знает, что делает, – такой сказки он не видел никогда, ни в чужих окнах, ни по телевизору, который удавалось смотреть в библиотеке или магазине бытовой техники.

Маленький язычок пламени совсем спрятался внутри свечиснеговика, под потолком колыхались шуршащие гирлянды, окна были залеплены снежинками, настоящими снежными – с той стороны, и большими бумажными – с этой. Резная тень от люстры накрывала всю комнату, словно уместя ее в ладошке, а если люстру покрутить – превращала ее в шатер.

Они сидели на тахте, из-за морозов выдвинутой на середину комнаты, подальше от окна, – и крутили люстру. Вини, не вставая, просто дотягивался до нее рукой. Вокруг были разложены книжки, учебники, легендарная папка с героем – тахта из-за неимения письменного стола была «наше всё» – но заниматься было решительно невозможно. Катя в который раз щелкала пультом, и опять ликовала «Весна» Вивальди, потом – затейливое и стремительное «Лето». Когда наступало время «Зимы», она снова щелкала – у них разрешалось быть только весне.

– А когда наступит настоящая весна, что будем слушать? – спрашивал Вини, кладя ей голову на колени.

– Тоже «Весну», и тоже «Лето», – терпеливо объясняла Катя, – и вспоминать, как слушали их зимой. Интересно, какой окажется эта весна! А вдруг ранней? Даже не верится, что можно будет открыть окна... Знаешь, окна моей комнаты выходят в парк, и в мае всегда слышно соловья! Спать вообще невозможно! Вот только прилетит он теперь? Там рядом стройка грохочет...

– А он сюда перелетит, под наше окно.

– И лягушки прискачут? Я еще люблю лягушачий хор.

– Все явятся как миленькие. А летом бродячий цирк раскинет шатер, и будут еще ржать лошади, трубить слоны и выть цирковые пудели, а наш Артемон – им подвывать. Тебе понравится!

И Арчи, думая, что его позвали, вспрыгивал на тахту и тоже клал голову Кате на колени.

Глава 9

Время, что ты меня все лечишь?

В квартире тихо, как будто никого нет. Однако по обуви в прихожей Перехватов-младший определил, что и мама, и папа уже пришли с работы. А ощущение, что дом вымер! Это и называется – «осиротел». Не дом, а камера хранения, куда они просто помещают

себя на ночь, – с тем, чтобы утром уйти, снова оставив ее пустой. Арчи не встречает у входа, Катькины подружки под ногами не путаются, музыка эта невозможная, какие-нибудь «Братья Гримм» или «Корни», не ревет. Часы с маятником все стоят – Катькин часовщик их перебрал, почистил, а запустить не смог. Самое возмутительное – пудель. Ну, сама дезертировала – собаку-то зачем забирать?!

Они теперь и ужинать стали по отдельности. Раньше хоть вечерами собирались за столом. Алеша поднял крышку сковородки. Котлеты. Самому, что ли, греть? Мама не выходит, да и готовит словно по инерции – разве раньше котлеты такие были! Заброшенность на кухне – вообще кошмар. Даже календарь кое-как повесили!

В этом году на настенном календаре была академичная живопись с античными персонажами. Алеша переменял апрель на январь, как положено, и сел ужинать в компании с пуссеновскими козлоногими сатирами и нимфами, которые отплясывали в бешеном хороводе.

Вера Васильевна сидела в Катиной комнате. Она теперь проводила в ней каждый вечер, уже не оправдываясь, что эта комната теплее, – здесь, наоборот, уже поселился нежилой холодок. Она впервые ничем себя не занимала – ни чтением, чтобы отвлечься от мыслей, ни шитьем или вязанием, чтобы погрузиться в размышления под успокаивающую механическую работу.

Для ее раздумий никаких сопровождающих действий не требовалось.

Уязвленность оттого что она – они все! – вдруг оказались Катьке ненужными, сменилась удивлением – как же так вышло, что с ее уходом словно ушел из жизни смысл, и теперь любое дело кажется необязательным, любые слова – бессмысленными, само медленно текущее время – лишним.

Почему же все пошло не так? Их жизнь всегда была спланирована, всегда шла так разумно, успешно – пока не полетела кувырком – и из-за кого? – из-за всегда благополучной младшенькой!

А чего бы она для нее хотела? Повторения собственной судьбы? Замуж вышла после тридцати – хотелось сначала встать на

ноги. Поздние дети дались тяжело, здоровье было уже не то. Да у ровесниц внучки Катиного возраста! Может, дочка мудрее, и семью действительно лучше строить в ранней молодости?

А ее собственная мать? Она вышла замуж в семнадцать – прямо как Катька! – и никто этому не ужасался, а какая семья была прекрасная...

Кажется, Алешка пришел. Ничего, пусть сам поест. Вот кто всегда преподносил сюрпризы и заставлял о себе поволноваться! Но после первой любви – неудачной – сын как-то выровнялся, приугас, и эта тишь да гладь – кажется, тоже ничего хорошего. Они с отцом тогда пытались вмешаться... Парню двадцать один, а до сих пор никого себе не нашел. А если разрушить Катину любовь?! – нет, она это на себя не возьмет!..

Телефонный звонок.

Вера Васильевна радостно вскочила – а вдруг Катя!

Перехватов-старший листал газеты. Его обычные взвешенность и рассудительность на глазах переходили в резкое неприятие происшедшего и болезненную тоску. Он и не предполагал, что так привязан к своей девочке, – они и общались-то не слишком много – но ему просто необходимо, чтобы она была рядом!

Конечно, это все родительский эгоизм. Мало ли чего мы хотим – нельзя постоянно держать детей при себе, чтобы они, поступаясь собственной жизнью, наполняли смыслом и радостью родительскую. Нельзя забывать, что дитя – гость в доме, что детей и растят для того, чтобы отпустить в самостоятельный полет...

Но не прямо же сейчас, не так внезапно! В семнадцать лет рано покидать родное гнездо и вить свое собственное!

В газете мелькнуло: «Врачи против ранних браков». Алексей Иванович, пробежав текст, обрадовался подтверждению своих мыслей: ага, я прав, все-таки это рано, все-таки это плохо! – хотя там шла речь о двенадцати-тринадцатилетних подростках. Нет, нечестно так передергивать, он снова думает о себе, а не о счастье дочери!

В другом материале священник осуждал пробные браки, и Алексей Иванович опять задумался – а не слишком ли они поторо-

пились проявить снисходительность, вместо того чтобы употребить родительскую власть.

Но вспомнил о попавшейся недавно в «Литературке» статье, которую даже отложил – там была серьезная статистика – да вот она, наверное, и Вера читала. Оказывается, в России браки, даже незарегистрированные, – не самые хилые в мире, и после пятилетнего существования распадается только двадцать процентов таких союзов, в то время как в Швеции – тридцать пять, а в США – более сорока процентов. А к пятому году больше половины партнеров вообще идут в загс, рожают детей, так что и законный брак еще свое не отжил...

На этой оптимистической ноте и раздался телефонный звонок, и Перехватов-старший, выскочив в холл, столкнулся там с женой и сыном.

Трубка была у Алеши, и он почти тут же ее положил, коротко что-то ответив. Обернулся к родителям:

– Да это не Катька, это мне звонили.

– Слушай, Алеш, а она там не мерзнет? Ты когда к ним заходил, не заметил – как у них топят, нормально? – в десятый раз спросила Вера Васильевна. – Может, ей еще какие-нибудь теплые вещи нужны? Такие морозы стоят...

Алексей Иванович деликатно покашлял, ожидая, что Алешка уже не выдержит и пошлет их самих навещать «молодых». Но Алешка, обрадовавшись, что тягостное молчание наконец-то прервано, в десятый раз напомнил, что влюбленные насморками не болеют. И что в норке не мерзнут, не голодают, не скучают, прекрасно обходятся и без холодильника – в шкафчике под подоконником отлично все хранится, и без телевизора. И Арчи тоже весел и здоров – с ним прибегают погулять даже в обеденный перерыв. А деньги или вещи не берут, говорят – не надо.

– И все-таки, в окна не дует? Там же старые окна? Ничего себе, папаша – «Чудесные рамы», а у сына рамы без всяких чудес! – выговаривала Вера Васильевна уже на кухне, включая чайник и вынимая вазочку с печеньем и конфетами. Мужчины оживились: всё

лучше, чем сидеть по разным углам. – Кстати, я столько сплетен об этом Зайцеве наслушалась! Хотите, перескажу? Он, оказывается, такой бабник! А его жена так называемая!.. А кто это календарь перевернул? Я эти вакханалии распутные видеть не могу!

И Алеша с пряником во рту наблюдал, как на календаре опять воцаряется апрель, и розовая Персефона, протягивая тоненькие девичьи руки, устремляется из мрачного Аида навстречу своей матери, богине плодородия Деметре, – и на безжизненной земле торжествует весна.

Сомов с тоской глядел на балконную дверь. Если сейчас ее открыть, оборвется бумага, вылезет поролон – заклеивай потом по новой. И что бы «чудесные» рамы не поставить! Говорил же предкам...

А справочник там, он точно помнит. В коробке книжек, которые редко бывают нужны и которые решили вынести на балкон, чтобы хоть немного разгрузить квартиру. Соврать Светику, что не нашел? Неудобно. И так пристаёт каждый день, хоть в институт не ходи.

Кроме того, он у нее в долгу. Раньше Светка, Светик, постоянно занимала призовые места во всех соревнованиях по дзюдо в весе шестьдесят шесть килограммов. Как-то раз Сомов нарвался на подвыпившую компанию, а улица была пустынная, парни здоровенные, и плохо пришлось бы, если бы не Светик. Правда, спасенный Сомов до сих пор чувствовал себя неловко. Светик, напротив, проявляла искреннее дружелюбие.

Он даже был у нее в гостях, рассматривал альбомы с фотографиями. И на одной фотке, где Светка с подружками, увидел ту самую девушку из их дома, которую когда-то выманивал музыкой на балкон. Сомову тогда ее все-таки удалось рассмотреть – ничего себе. Это точно была она – детская мордашка повторялась и на других снимках, постепенно взрослея.

Светик, кажется, упоминала, что не ей самой нужен спра-

вочник, а какой-то подружке. Может, этой? Он еще раз взглянул на зимний балкон и поплелся за курткой. То ли дело летом! Выходи хоть в трусах. Музыка играет... А напротив – шелковистые каштановые волосы, халатик с капустой...

Эх, была не была!

Глава 10

*Время любить и время скорбеть.
Время искать и время терять.
Время сберечь и время бросать.
Время любить и время ненавидеть.
Время войне и время миру.
Какое время ты выбираешь?*

Френк Херберт

Арчи примостился на тапочках-мишках – на тахте места не было, Катя всю ее завалила своими бумагами. Вернулись тридцатиградусные морозы, и в офисе она появлялась, только чтобы набрать тексты и объявления – а писать без черновиков, как Караваева, так и не научилась. А в норке всегда хорошо писалось. Здесь было тепло – родители подарили на день рождения масляный обогреватель, и уютно – елочку решили не убирать, а вместо новогодних игрушек повесили разноцветные сердечки-валентинки, и спокойно – никто не тревожил звонками и разговорами. Она быстро справилась с новостями, и появилось наконец время разобрать папку с героем.

Ольга Ивановна не торопила, она хотела, чтобы Катя прониклась, – и Катя прониклась.

Писатель Истомин перестал быть пожелтевшей газетной фотографией – типичное лицо из кинофильмов тридцатых годов, где красивые улыбчивые люди поют песни, помогающие строить и жить.

Мальчик-студент вместе со всеми роет котлован под завод-

ской корпус – тот самый великий платоновский котлован для здания светлого будущего. И когда внезапно хлынули подпочвенные воды, первым бросается в ледяной поток. Что значит судьба одного человека в масштабе истории?

Ошибочный диагноз, неправильное лечение – и полная неподвижность, нескончаемые, нечеловеческие боли. В доме инвалидов уже никак не лечат, крысы по ночам забираются прямо на грудь – а молодой калека все что-то пишет на обрывках обоев и на полях газет. Судьба сломана, но он не добит!

Познакомиться с ним приезжает группа писателей во главе с Бабелем, в журнале «Октябрь» печатается первая повесть.

Но вместо того чтобы спокойно почить на лаврах, неугомный пускается на «разведку жизни» по всей России, в своей инвалидной коляске – в Средней Азии, которую он тоже исколесил, ее называли «шайтан-арбой».

А здесь, в Сосновом Бору, писатель устраивает для местных жителей, своих соседей, веселые праздники на поляне. С кем-то любит поиграть в шахматы, с кем-то – поговорить о литературе. Кажется, он совершенно не ощущал себя «человеком с ограниченными возможностями»!

Нет, это невозможно уложить в сухое сообщение «что-где-когда»!

Россия так богата гениями, что на их фоне порой не замечается просто талант, даже если он живет или жил у тебя под носом. Но писательская слава не скоротечна – книжки, которые читали десятилетия назад, могут опять открыть, могут снять по ним очередную «сагу».

А если это еще и особый талант – воля к жизни? Берется же он откуда-то. Может, его подпитывает какое-то особенное время? Кажется, тридцатые и сороковые годы им перенасыщены – может, это было время героев?

А что сейчас? Осталось только писать заметки о тех, кто жил когда-то, и жил в полную силу, стремясь оставить о себе не историю болезни, а историю борьбы?

Арчи давно перебрался с тапочек на теплую тахту, под бок к хозяйке – она не замечала...

Истомин трезво смотрел на свое время: отказывался от всяческих «социальных заказов», посылал бесконечные запросы в институт марксизма-ленинизма по материалам процессов тридцатых годов, пытался преодолеть сомнения: «А что скажут о нас, людях двадцатых годов двадцатого столетия, – не берусь предугадать. Может быть, скажут – это было великое время русской земли, а может быть, и так – это было второе смутное время на Руси, и более страшное, чем первое».

Мог ли он представить, что через семьдесят лет голодные русские мальчики, угодившие родиться в очередное смутное время, опять будут сидеть над книжками, надеясь выбиться в люди? Экономить на отдыхе и теплой одежде, чтобы ездить учиться в Москву? Собирать все силы, чтобы не дать своему времени добить себя, до конца дней оставив в доме с заплыванным подъездом, – вместо великого здания светлого будущего?

У каждого времени – свои герои...

– Мороза не испугались? – позвонил бодрый Коневский. – Собираемся, конечно! Ждем вас, как всегда.

Одновременно пришла эсэмэска от Голубевой: «Приходи! Есть интересный матерьялец!»

Игорь уже несколько раз перебежал со своего крылечка на Катину, чтобы не тревожить звонками, заглядывал в редакцию – Катя была все еще занята. Толпа широкоплечих румяных то ли дзюдоистов, то ли кик-боксеров, выглядящих в офисе, как лошади в кукольном домике, с хохотом и дурацкими жестами рассказывала о своей победе в каких-то крутых соревнованиях. Голубева подсурипила!

– В такой мороз могла бы тебя не выдергивать, – выговаривал он, когда они наконец мелкой трусцой поспешили к Коневскому, – быстрее не получалось, дыхание перехватывало.

– Ей показалось, что мне это будет интересно!

Игорь скептически хмыкнул, а Катя оживленно начала объяснять:

– Так правда интересно! – но он перебил:

– Ты лучше на морозе не разговаривай. Давай через парк, угол срежем.

Путь лежал мимо поляны, где из сугробов выглядывали высокие обломанные пеньки, стоящие правильным кругом.

– Это же богатыри! – воскликнула Катя. – Смотри, кажется, один уцелел! – и шагнула с дорожки, сразу провалившись в сугроб. Стряхнула снег со старой деревянной скульптуры – показалось суровое лицо, потом шлем, щит, кольчуга, копьё. – Помнишь, сколько их раньше было! Мы с девчонками приходили сюда играть.

– А я приходил, когда уже все расходились, и любил здесь один побродить, – вспомнил и Игорь, вытаскивая ее из сугроба и отряхивая.

– Кто они были? Я и не помню уже. Витязи из Лукоморья? Все равны, как на подбор, с ними дядька Черномор? Или семь богатырей – семь румяных усачей? Или князь Игорь со своим полком? Жалко, что от них ничего не осталось. А хорошо бы найти, кто их делал, и написать о нем – может, он здесь еще живет! А может, у него получилось бы сделать новых, таких же? И теперешние дети опять будут здесь играть, под их защитой... Слушай, а ведь наш мальчик Ник Берестов – газеты носит – так этот парк сажал его дедушка, а сейчас его мама тут заправляет. Надо у нее спросить – вдруг она помнит этого скульптора, или резчика!

Ну вот, еще сама будет темы выдумывать! Что за нездоровый азарт? Так никакого времени не останется, чтобы на работе книжку открыть или домашнее задание сделать. Хорошо хоть ему это удастся, его работа поспокойнее – особенно сейчас, когда мороз отпугнул часть клиентов.

– Кать, а ты сегодня собиралась грамматикой заняться – получилось? – напомнил Игорь.

– Ёлка с палкой – забыла! – чистосердечно удивилась Катя и тут же смутилась. – У меня все время ушло на Истомина, я даже не ожидала... А потом на спортсменов пришлось бежать. – Было

неудобно перед дисциплинированным Вини, который пока все не сделает – спать не ляжет. Опять она выглядит какой-то легкомысленной девчонкой, увлекающейся всем подряд! Английской грамматике снова не повезло... Но что поделать, если она не может так же, как он, методично долбить в одну точку!

На выходе из парка затормозила машина:

– Катя, садись скорее! Надо же бегать по городу в такой холодище!

– Да это Семенов из папиного НИИ, они вместе работают, – объяснила Катя, когда их уже подбросили до Дворца культуры. – Я с ним интервью недавно делала... Ну, неужели лучше было топтать пешком? – укоризненно спросила она, заметив неуловимое неудовольствие на лице Вини. – Меня и твой отец постоянно подвозит. Где ни окажись, отовсюду выныривает. Всегда такой любезный, и все пытается втолковать, как тебя любит и как хочет о тебе позаботиться, и что до сих пор его удерживало от этого только зверское отношение маман...

– Он за тобой еще и приударить может! – не удержался Игорь, хотя при упоминании о родителях предпочитал отмалчиваться.

– О, Дядя Ваня – такой дамский угодник! – беззаботно засмеялась Катя. – Смотри, чтобы тебе это не передалось!

– Надеюсь, мне от него ничего не передалось, – отрезал Игорь. – А тебя никто не заставляет к нему садиться. Я и сегодня бы не потащил тебя по холоду, если бы не архитектор – его жалко пропускать.

Архитектор собирался перейти к современной истории, изложив взгляды Солоневича, Панарина и других философов и политологов, – но в клубе его почему-то не оказалось.

– Зря шли, – шепнул Игорь.

Катя с Адой завозились на стульях – но не уходить же. Тем более что в клубе Коневского наступили сложные времена.

Посторонних уже отучили сюда приходить, зато после нескольких жалоб начали заглядывать директор ДК, чиновник из от-

дела культуры и прочие проверяющие. Коневский совсем издергался и не мог говорить ни о чем, кроме противников, их выпадов и своих контрударов. Вечера проходили в обсуждении дрызг, изучение Руси ушло на задний план, и становилось скучновато. Но стоять всем вместе в трудный час – ведь это святое.

И Коневский демонстрировал комиссиям сплоченность коллектива, которую с их уходом сам начинал проверять, ковыряя и расшатывая. Несколько раз отпускал тонкие замечания в адрес архитектора – тот, мол, работает в одном из отделов мэрии, которая травит клуб. «За нелюбую погудку смычком по рылу бьют», – припомнилась Кате любимая пословица Коневского.

Вместо несостоявшейся лекции руководитель предложил интеллектуальную игру: составить устный образный портрет, экспромт, друг на друга, по кругу. Все затаенно ждали, кто что скажет.

Когда очередь дошла до Ады, Ермакова сказала, что видела однажды пятиногого щенка, который не знал, как ему бегать, что делать с пятой ногой, и пугал себя и всех вокруг. Вот Ада ей этого пятиногого щенка и напоминает. Катя была оскорблена вдвойне – потому что Ада не умела оскорбляться.

О себе она услышала от Ермаковой, что та видит ее больше, чем просто женщиной, – например, хозяйкой какого-нибудь салона. Кате внезапно открылось, чего хочет сама Ермакова, и что она, оказывается, для нее конкуренция.

Между тем Коневский говорил, что Ермакова – это Лидер в их клубе, что у нее похвальный здоровый эгоцентризм и лидерский склад ума. Она призвана руководить людьми и командовать.

– Люди – коллекция достоинств и недостатков, – выразилась Ермакова. – Я не люблю людей.

Эти слова вызвали у Кати раздражение той степени, когда оно клокочет и превращается в желание физической расправы, – когда стало известно, что манерной Ермаковой не двадцать пять лет, как кажется, вся ее внушительность превратилась в пузырь. И Катя пропустила свою очередь, не найдя других образов, кроме «пузырь».

Когда же объектом для метафор оказался Коневский и посыпались слова «мудрец», «вождь», «предводитель», она опять промол-

чала, так как была согласна со всем этим, но выговорить почему-то не могла. Казалось, уважение и благодарность должны сохраняться глубоко внутри и только опошляются признаниями, и Коневский должен это чувствовать.

А Коневский, покончив со всеми, сказал, что о Кате Перехватовой ничего не может сказать – он ее не понимает. Она для него – Загадка. Катю это повергло в бесконечную тоску – ей так хотелось, чтобы ее здесь поняли!

– Кать, – сказал Вيني по дороге домой, – мне кажется, здесь уже нечего делать. Давай с клубом завязывать. Пора.

– Пора? – задумчиво переспросила Катя.

– Ну да. Если вычесть архитектора-историка и физика-лирика, что останется? Споры-раздоры? Словесня эта? Жалко время терять.

Их обогнал физик, спешащий к автобусу.

– А вы не исчезнете, как Виктор Леонидович? – окликнула его Катя. – Вы в следующий раз о «Слове» собирались рассказывать.

– Знаете, наверное, исчезну, – притормозив, честно ответил физик. – Ну, вы же сами видите. А Виктор Леонидович оказался дальновиднее нас. Слишком уж он затмил руководителя – можно было предвидеть, что этого не потерпят. Кстати, Катюша, он передавал вам большой привет и пожелание не оставлять журналистскую стезю. Он считает, у вас здорово получается, – и я к нему присоединяюсь. Успехов вам обоим! Может, еще пересечемся когда-нибудь!

– Нет, как она посмела, поганка! – продолжала Катя кипятиться за ужином. – Пятиногий щенок!

– Твоя Ада – скорее шкатулочка с бусинками, – отозвался Вيني. – В салоне я не нашелся, мне это сейчас в голову пришло. Знаешь, красивые такие бусинки, каждая блестит, все разного цвета, и перебирать их интересно – но они ничем не скреплены и не соединяются в одно целое. Бусинки и бусинки. Так, никчemuшные.

Катя вдруг вспыхнула и вскочила.

– Ты чего? – удивился он. – И щенка нельзя, и бусинки тоже нельзя?

– Ничего. Я здесь заниматься буду. Убери чашки и иди спать.

– В одиннадцать – заниматься? – удивился Вини еще больше.
– А завтра – голова квадратная? Зачем это надо?

– У меня грамматика и два перевода. Я что, не вижу, что ты меня хотел уечь, а не Аделаиду! Это я – не пойми что, на пустяки разбрасываюсь!

– Да я и не... – Вини растерялся, как же все переиграть, но тут зазвонил мобильник, постепенно ставший только Катиным – звонили только ей, и без конца.

– Да-да! Я! Нет, не сплю. Давай, говори, пишу! – она выхватила из сумки ручку.

Игорь сумрачно наблюдал за ней, потом уточнил:

– Спортсмен?

– Да, он забыл перечислить тех, кто занял третьи места, и еще...

– И давай названивать в двенадцатом часу? И твой телефон у него, естественно, есть? И вы уже на «ты»?

– Ну и что, – пожалала плечами Катя. – Мой телефон есть у половины города, и все названивают.

– Я заметил.

– Вини, да это же моя работа! Ты что?

– А в общем, ты права насчет бусинок. Это называется – на ком-то шапка горит. Так можно ни к чему не прийти и второй раз завалить экзамены.

– Ты считаешь... – потерянно начала Катя.

– ...что ты чересчур увлеклась газетной писаниной, – жестко закончил Вини. – Кто-то из нас должен назвать вещи своими именами.

– По-твоему, я для этого дела не подхожу?

– По-моему, оно тебе не подходит, раз ты сама уже выбрала другое дело и вложила в него столько сил, времени и родительских денег. Ну, можно написать пару статей, раз сидишь в газете, – для души, но чтобы это не отвлекало от главного. А втягиваться в конвейер... Если хочешь серьезно готовиться в институт, тебе бы

больше подошла прежняя работа – на компьютере стучать, чтобы свободное время тратить на учебу...

– Я просто не хотела, чтобы работа была унылой лямкой, как у тебя!

– А еще лучше, чтобы была не работа, а сплошное удовольствие. И можно было тешить самолюбие, слушая со всех сторон комплименты. – Игорь хотел добавить, что все это избалованность от слишком сытой жизни, когда дитя желает одновременно и пирожное, и мороженое, но остановился. Присел на корточки, заглянул в сердитое Катина лицо, обнял ее вместе со стулом. – Кать, да ерунда это все! Подумаешь, всех иногда заносит. Я вот считал, что я старый солдат и не знаю слов любви, а женюсь в сорок лет, когда я уже буду не я, а идеальный честолюбец, воплотивший все мечты. Вокруг головы – нимб, в руках – мешок с деньгами... И тут явилась ты! Вот это занесло так занесло! Пойдем-ка лучше спать, а завтра начнешь жизнь сначала.

– Нет, я сейчас начну, – упрямо сказала Катя. – Иди, Вини, я хоть час позанимаюсь. Не хватало еще, чтобы ты меня отчитывал прямо как мама с папой! И, главное, это похоже на правду!

– Ну, так я же теперь твоя настоящая семья, – отвечал довольный Вини.

Через полчаса Катя замерзла и полезла в кладовку за пледом. Шкафа они так и не завели, да и маленькой кладовки в прихожей вполне хватало. На верхней полке была одежда, на средней – книжки, которым не хватило места на подоконнике, на нижней, разобрать которую все руки не доходили, – какие-то реликвии прежних времен. Взгляд упал на большие квадратные конверты в самом углу – интересно, что это? Она вдруг поняла – грампластинки, старые, виниловые. Какая прелесть! У них дома тоже такие хранятся, тоже рука не поднялась выкинуть – точнее, у родителей дома.

Катя взглянула внимательней – гитарист Гойя. А под ним что? Не видно в темноте, но свет включать не хочется – вдруг Вини уже уснул? Но любопытство пересилило, она осторожно потянула

верхнюю пластинку – и неожиданно из-под нее выскочила маленькая фигурка.

Катя поняла, что вскрикнула, когда Вини уже был рядом и успокаивал ее:

– Да ты что? Я уж думал,мышь... Это же гномик, просто гномик, я его сто лет назад в песочнице откопал. Надо же, сохранился.

Коричневый керамический гном смотрел на нее, прищурившись, одним глазом из-под нахмуренного колпачка, и Катя, пряча дрожащие руки, в которые Вини совал игрушку, проговорила убитым голосом:

– Лучше бы сразу закопал обратно. Это карлик, я точно знаю. Тот карлик! Он останавливает время.

– Ну вот, что я говорил, нельзя допоздна заниматься, – бормотал Вини, уводя ее от кладовки. – Это же просто игрушечный гном. Хочешь, я его выкину к черту в сугроб? – Он открыл форточку и как следует размахнулся. – Вот и все, ложись и забудь о нем, а я тебе включу «Весну»...

Глава 11

*Ну, а здесь, знаешь ли, приходится бежать со всех ног,
чтобы только остаться на том же месте!*

*Если же хочешь попасть в другое место,
тогда нужно бежать по меньшей мере вдвое быстрее!*

Льюис Кэрролл

– А может, ты все-таки со мной? Одевайся, я подожду.

– Кать, я же сказал – дел под завязку.

– Да ты уже полмесяца никуда не вылезает! Скоро одичаешь в четырех стенах. Нельзя же без конца заниматься.

– Можно. Не одичаю. И что делать у твоей Светки?

– А что всегда делали на днях рождения? Посидим немного,

попляшем, потом я думала все-таки заглянуть к Коневскому – нельзя же, чтобы в трудный час все разбежались, как тараканы...

Вини махнул рукой – он устроил себе такой плотный график, что его действительно давно не видели вместе в Катей ни в интернет-кафе, ни у знакомых, ни тем более у Коневского – и вдруг заметил среди своих книжек растрепанную, библиотечную, с незнакомой обложкой. Прочитал: Истомин, воззрился на Катю:

– Это все тот самый, что ли?

Она покраснела, словно ее застучали с поличным:

– Да, я решила прочитать. Нельзя же писать о писателе только с чужих слов! Мне еле откопали в фондах... Знаешь, я сначала боялась, что это нечто автобиографичное, описание страданий, которые он преодолевал. А это не о страданиях, а о любви! И еще я думала, все будет схематично – человек же почти всю жизнь провел в инвалидной коляске, ну какой у него может быть опыт. А оказалось, роман – живой, и все герои – живые! Так здорово! – Тут ее горячий рассказ остановился под взглядом Игоря, как показалось – сожалеющим и чуть насмешливым.

– А мне так нравилось, когда ты читала свои книжки на английском.

– По маминым словам, интеллигентный человек должен читать литературу на языке не меньше часа в день, чтобы не деградировать, – тусклым голосом проговорила Катя на пороге. – Я давно уже не интеллигентный человек!

Но по дороге подпорченное настроение развеялось. Бурлящий поток успешности, который подхватывал Катю на работе и в кругу друзей, моментально уносил все невеселые или тревожные мысли. Стараясь больше не запускать учебу, которая формально оставалась главным делом, она не переставала радоваться, что попала в команду Голубевой. Этот год заранее считался потерянным, а работа – вынужденной необходимостью, а получилось наоборот – яркая, полноценная, насыщенная жизнь! Катя и не предполагала, что такая может быть, и что сама она может быть такой, какой стала всего за полгода, с осени до весны. И акцент незаметно перемещался

с учебы на «Вести» – Катя ничего не могла поделывать – это выходило само собой.

А вот норка стала тихой заводью, почти болотом. Они давно уже не смеялись и не дурачились, каждая минута была на учете – и учеба Вини поглощала их все без остатка. Вини себя просто замуровал, его одержимость столицей затмила все остальное – он нервничал, боясь, что недостаточно подготовился и опять не сможет поступить.

Катя пыталась его ободрить, предлагая запасной аэродром – институт, в котором учится ее брат и преподает ее мама. Юрфак там тоже есть, и поступить гораздо легче, и, в конце концов, это же филиал одного из старейших московских вузов, дипломы очень даже престижные. Но Вини не слушал, в глазах был суеверный ужас – перспектива остаться в провинции перечеркивала все его надежды на будущее – и само будущее.

Как же сдвинуть его с этой точки замерзания, превращающей живого нормального Вини в робота, отрабатывающего заложенную программу? Как доказать, что главное – такси, а не «шашечки» на такси, само образование, а не столичная вывеска? Как сделать, чтобы он увидел – давняя обида на жизнь, пробудившая стремление прыгнуть выше головы, его же теперь и тормозит? Словно он все делает не для себя, из внутренней необходимости, а грозясь кому-то что-то доказать.

И этим привязывает себя к ненавистному прошлому, от которого так хочет оторваться! Добровольно остается в «клубе неудачников», откуда Катя сама недавно еле вырвалась – без содрогания не вспомнишь!

А фанатичное упорство забирает у Вини всего Вини, и все вокруг обесцвечивается и начинает казаться ненужным: у Коневского – скучно, с друзьями – тошно. А с ней, с Катей? И затянувшаяся война с родителями – все оттого же, от неумения подняться над событиями, над прошлым, по-настоящему повзрослеть и прекратить беречь старые раны.

Неужели он сам, с его поразительным чувством времени, не видит, что пора вытаскивать себя и жить дальше, смотреть на жизнь

шире, иначе рискуешь остаться молодым ворчуном, недовольным всем вокруг!

Но он ничего не видит, кроме вожделенной Москвы. И до него, похоже, не достучаться. Ее заколдованный принц стал, как прежде, непроницаем и чужд всему. Самое печальное, что и ей – тоже.

И взглядом или улыбкой его уже не расколдуешь.

– Катя, есть время поговорить?

– Когда это у меня для тебя не было времени? – удивилась Катя. – К чему такая торжественность? Что-то случилось?

И, быстро взглядывая на нее, Игорь рассказал, что через Интернет нашел институт с круглогодичным набором студентов, и это наиболее подходящий вариант, если учесть, что он может загреметь под весенний призыв, и он уже созвонился и договорился, что на днях подаст документы.

Катя слушала рассеянно, а смотрела внимательно – в глаза Вины, когда он их поднимал, – он не интересовался ее мнением! – он только ждал, как она это воспримет!

– Стало быть, ты уже все решил, – утвердительно проговорила она.

Игорь болезненно дернулся, но она договорила – полувопросительно:

– Ты этот институт нашел без меня. И в Интернете лазил без меня. И все обдумал – без меня. И звонил туда – тоже без меня.

– Катя! Я просто не хотел раньше времени забивать тебе голову. Надо же было сначала все как следует узнать!

– То есть сначала было рано обсуждать – а теперь, похоже, поздно? – Катя смотрела с недоумением. – Ты держал меня на щадящем режиме, чтобы потом поставить перед фактом?

Он молчал.

– Ну и как это все будет? – чужим голосом продолжала она. – Ведь это платный вуз?

Он кивнул.

– Дядя Ваня даст деньги? И ты их примешь в зачет загубленного детства?

Игорь наконец заговорил:

– Кать, нам надо учиться быть реалистами. Нет никаких гарантий, что я поступлю на бюджетное отделение. Я, конечно, очень бы хотел обойтись своими силами и вернуться к тебе на белом коне. Но своих сил для этого мало! И в его деньгах нет ничего позорного. Я много думал и многое пересмотрел. Глупо было бы всю жизнь копить обиды на родителей! В конце концов, у меня других не будет. И я не собираюсь торговать прошлым, я только хочу наконец через него перешагнуть и двинуться дальше...

– Пора? – уточнила Катя совсем мертвым голосом.

Она видела только то, что он уезжает, а она остается.

– Кать, да что с тобой! – с отчаянием воскликнул Игорь. – Можно подумать, мы не об этом все время мечтали и не к этому шли! Ты же сама не меньше меня для этого сделала! Без тебя бы вообще ничего не получилось! Тому дураку наивному, с которым ты познакомилась, просто смешно было надеяться попасть в институт!

– И ты попал туда за моей спиной. Как украл. И фамилия у тебя теперь будет Зайцев?

Вини вздохнул.

– Кать, у меня будет такая фамилия, какая тебе понравится. Какую ты сама захочешь выбрать. Ведь ничего же не изменилось! Мы все равно планировали перебираться в Москву. Ну, уеду я раньше на пару месяцев – и что? На выходные буду приезжать, буду звонить – если пробьюсь через звонки твоих поклонников, – попытался он пошутить. – А летом воссоединимся! Ты поступишь в свой иняз. Здесь норку сдадим, там комнату снимем. Устроимся, подработку найдем.

Катя слушала и начинала успокаиваться. Он верил в то, что говорил. Работа не было, был прежний Вини. Что ж, ведь и в самом деле порядок вещей не нарушен, а только ускорен. Действительно, после дня рождения ему могут сразу принести повестку, и если он не будет студентом... Чувство времени ему не изменяет, и правда – пора.

– А вы с Артемоном оставайтесь здесь, хорошо? Мне так будет спокойней. Я же уже в пятницу вечером приеду! Все будет как всегда. Больше не сердисься?

– Если ты уедешь, уже не будет, как всегда, – медленно вымолвила Катя.

В норке больше нечего было делать.

Вини нашел подработку, и приезжать на выходные у него не получалось.

Катя сидела по вечерам в абсолютной тишине, которую музыка Вивальди только подчеркивала. Радио звучало нелепо, словно люди на земле вымерли, а оно все продолжало вещать.

Катя сняла сердечки-валентинки с белой елочки, которую решили не убирать, пока снег не растает. Аккуратно сложила в коробку из-под печенья, положила вместе с елкой в кладовку – на нижнюю полку, к реликвиям. С верхней собрала свою одежду, с подоконника – книжки.

Заглянули маман и Дядя Ваня.

– Домой собираешься? – подобревшим голосом спросила маман.

– Лучше квартиру сдать, а деньги отправлять Игорю. Они ему пригодятся. – Катя сложила в сумку ручки, блокноты, расческу, косметику. Сходила в ванную за зубной щеткой.

– Как ты его назвала? – прислушался Дядя Ваня. – Раньше вроде было какое-то милое прозвище... Да-да-да, очень, очень рассудительно! Очень практично, поддерживаю! Но ты не беспокойся, Игорек ни в чем не нуждается, я его устроил в хорошее общежитие, недалеко от института. И в юридическую академию, о которой он мечтал, переведем его со временем...

– Я знаю.

– А музыка-то, Катенька! Смотри, сколько дисков. Это же твоя магнитола?

Катя посмотрела на магнитола. Вини сердился, когда она ее принесла: «Не таскай ничего из дома! Сами купим, что понадобится!» – но она тогда заявила: «Без возражений! Пудель и шарманка – мое приданое».

Вини слушал музыку даже больше, чем она. Они никогда не пускали ее фоном, смешивая с другими делами, а любили включить

вечером, чтобы, полностью погрузившись в звуки, стереть суету прошедшего дня. Катя физически ощущала, как из головы, словно из мусорной корзины, исчезают груды ненужных слов, обрывки фраз, встречи, телефонные звонки – вся будничная рутина.

А у Вины раньше был проигрыватель для пластинок, совсем допотопный, но всегда исправный, решивший жить вечно, как перехватовские часы. Его пришлось продать в прошлом году, когда маман особенно долго не появлялась, а в школе надо было отдавать пятьсот рублей на подарок учительнице, и на ремонт класса, и еще на что-то – на еду бы он столько не сэкономил – а не отдать было нельзя, на него уже начинали коситься...

Не будет она шарманку забирать! Пусть остается.

Но тут же обожгла мысль: она нарочно хочет оставить что-то свое, чтобы у него был повод к ней прийти? Так ведь это выглядит?!

И Катя выдернула магнитолау из розетки. Свободных рук не осталось.

– Что, Дядя Ваня, подвезете по старой памяти?

Глава 12

*Сколько бы мы ни старались, жизнь бежит быстрее нас,
а если мы еще медлим, она проносится, словно и не была нашей...*

Сенека Старший

Дома было точно такое же оцепенение. Катя привычно вскакивала полвосьмого – и оказывалось, что вскакивать не нужно, можно было спать и до восьми – не надо ставить чайник, сочинять бутерброды или срочно соображать, а есть ли у них что-нибудь на завтрак. Завтрак был уже готов. Мама даже пела тихонько, возясь на кухне. Когда же Катя там появлялась, то искала чашку или нож на привычных местах – как в норке – и не находила.

Хуже того – она сама оказалась не на месте. И время даже уже не ползло, а жутковато застыло – ее время, к которому она привыкла

и в котором не хотела ничего менять, – а события давно унеслись вперед, и уносились все дальше и мимо. И Катя, так привыкшая быть на их гребне и ловить кайф, как серфингист, взлетевший на волну, с ужасом видела себя отброшенной на какую-то мертвую зыбь.

Но почему?! Разве все не идет, как они с Вини задумали? Ведь формально все именно так, и чем больше проходит времени, тем ближе их встреча! Откуда же это щемящее ощущение, что их, общее время уходит все дальше, как тот глухой старик на улице, и бесполезно его окликать, останавливать...

За целый месяц Вини приезжал всего два раза, по воскресеньям – субботы у него были рабочие.

Он выглядел внутренне преображенным, словно враз повзрослел: в чертах лица появилась определенность, во взгляде – новая уверенность. Он приехал домой, но весь, целиком остался в Москве, и мог говорить только о своей учебе и о своей работе в известной юридической фирме. Его взяли туда по протекции того самого Медведева, хорошего знакомого Дяди Вани, – которого они бесцеремонно убрали со сцены во времена местной революции. Вини начинал курьером, но именно что начинал: ведь главное, говорил он, сразу устроиться в престижную контору, где есть перспектива роста, а не куда попало, на случайные заработки. И потом, любое дело хорошо знать с азов – тогда, когда станешь уже топ-менеджером, ни один клерк или курьерышка не проведет тебя за нос.

– Ну да! – поддерживала Катя. – От курьера – к старшему помощнику младшего заклеивателя конвертов! А от него – к почетной должности точильщика карандашей! И у кого?! У самого босса! И вот вы с ним уже на дружеской ноге, вместе пьете кофе, ведете задушевные разговоры, на выходных – рыбалка. А там карьера просто прет, минуя всякие промежуточные начальственные должности...

– Не минуя, не минуя! Куда с пустым возом? Пусть я во всех креслах посижу! – скорректировал Вини.

– И то! И все зарплаты пополучаешь! И вот как-то раз директор тебя вызывает... – начала Катя таинственно, Вини поторопил:

– И что говорит?

– И говорит: давай-ка, друг мой, теперь всё сам, а мне пора удалиться от дел. Передаю их тебе. И широко распахивается дверь с табличкой «Директор» – это уже про тебя написано, секретари и охранники вытягиваются на пороге. Одних курьеров тридцать тысяч...

Оба веселились, как во время прежних посиделок в норке, – но, отсмеявшись, Вини опять становился «москвичом» – удивительно быстро, и прежний молчун снова принимался взахлеб рассказывать о своей столичной жизни.

Так это вот таким она и хотела его видеть?

Теперь уже его нес, опережая время, бурлящий поток успешности, так хорошо знакомый Кате. И та невольно ежилась: неужели и она выглядела так же, когда уносилась по своим делам, к друзьям и на задания, а он один оставался в норке, в тихой заводи. И так же ощущал себя в пустом доме – покинутым и обманутым? Да нет, он ведь знал, что она вернется, – и вернется к нему – а она это знает?

Они разговаривали, бродя по городу: норку действительно сдали жильцам, а в «зефире», хоть Катины родители и удалялись куда-то тактично, было неуютно – Вини по-прежнему воспринимал эту территорию как враждебную. Сначала показалось просто диким и ненормальным, что им некуда деться, – так они привыкли к собственному дому, потом оба постарались отнестись к этому с чувством юмора, тем более что Вини уже вечером надо было возвращаться в Москву.

И они опять кружили по городу, как в начале знакомства, только теперь была не студеной осень, а приветливый май – тот самый, который должен был стать решающим в их жизни. По улицам, длинно сигналив, на розовом лимузине с лентами и шариками проезжали молодожены, не боящиеся, что придется всю жизнь маяться. Но бежать в загс сейчас, когда Катя еще никуда не устроена и голову негде приклонить, казалось нелепо – так же, как раньше казались нелепыми какие-то условия и условности.

И это та весна, которую им обещал Вивальди?

А мама выглядела неприлично счастливой. Катю это просто шокировало.

Дочка вернулась домой, история с неподходящим мальчиком наконец-то завершилась, жизнь войдет в привычную колею, и дом оживет – вот что главное! Главное – отложено на неопределенный срок это никчемное замужество! И наплевать на сплетни, сегодня будут болтать о них, завтра – о других. И Вера Васильевна пела по утрам, готовя завтрак.

Но даже она скоро увидела, что дом не становится таким же счастливым, как прежде. Дочка отчего-то страдала, хотя этот ее деловой «москвич» звонил почти каждый вечер.

И Катя заметила, что родители шепчутся на кухне. Оттуда долетали мамины возгласы – она никогда не умела разговаривать тихо: «Ну и что! Вырастим! Хоть тройню!» В тот же вечер мама осторожно начала интересоваться, смущаясь и подбирая слова, – и Катя облегчила ей задачу:

– Мама! Я не беременна, не беспокойся.

Мама так обрадовалась, что даже не смогла этого скрыть, но, будучи человеком практичным, все же принялась уточнять – ведь дочка еще так молода и неопытна! – и Катя отрезала:

– Я же сказала, что нет. Я, наверное, не вчера родилась. Между прочим, материал с подростковым гинекологом – первый в истории местной прессы – делала именно я. Но вы же «Вестей» не читаете.

Мама пропустила последние фразы мимо ушей. Один камень упал с родительской души – зато какой!

И все равно надо что-то делать, хотя ей трудно представить, из-за чего еще можно так расстраиваться. Но Вера Васильевна просто не могла видеть свою дочь такой мрачно-сосредоточенной – прямо как этот ее Вини, словно он заразил ее собственной угрюмостью. Боже мой, да откуда же ей знать, сколько и чего она с ним пережила! Катька никогда не расскажет, из нее, как из отца, слова не вытянешь. И она никогда, ничего не узнает!

Конечно, это он во всем виноват! Этот выскочка еще хуже, чем казался на первый взгляд: ее дочь не была ему нужна, чтобы поднять свой социальный статус, – она вообще ему не нужна. Катька это наконец поняла и убивается!

Но, возможно, еще не поздно что-то изменить, если он так ей

нужен? Он может, в конце концов, перевестись в ее институт, она все устроит, ей пойдут навстречу. С отсрочкой от армии тоже не будет проблем. А отец нашел бы ему работу по профилю в медведевской юридической консультации или где-нибудь на предприятиях... Вера Васильевна перебирала варианты, которые совсем недавно отвергла бы с негодованием.

Даже совсем возмутительный – встретиться с родителями этого Вини и обсудить будущее детей. Если молодые запутались, долг взрослых – им помочь.

И опять они заседали на кухне с Алексеем Ивановичем, а потом отправились на встречу со скандальной четой – на нейтральную территорию, в «Три пескаря». А тех, между прочим, уже не назовешь «неблагополучными» – маман и Дядя Ваня все-таки сошлись и превратились во вполне респектабельную супружескую пару, ничем не отличающуюся от других семей: живут в собственном коттедже в престижном Сосновом Бору, растят сына-студента, пьют чай из чайного сервиза.

Что можно сделать для их мальчика? Что вы, что вы, не беспокойтесь – он ни в чем не нуждается, у него блестящее будущее, уж они об этом позаботятся. Ах, то полудетское увлечение – нет-нет, они принципиально не вмешиваются в личную жизнь сына – да и когда это молодые слушали родителей? – да бросьте, дети сами лучше нас во всем разберутся! – да и когда это первая любовь была навеки – ну, сами понимаете. А впрочем, они оба так привязались к Катюше, и всегда ей были рады, и всегда будут рады...

Кажется, Перехватовы и Зайцевы даже перезванивались потом.

И Катя с печальной насмешливостью наблюдала, как обе стороны, совсем недавно враждебно настроенные и готовые все сделать для того, чтобы они с Вини расстались, теперь обсуждают, как сохранить их отношения, – которых, кажется, уже почти нет.

Катя прибежала в клуб Коневского, как всегда, к семи, а пять минут восьмого уже шла обратно – обескураженная, подавленная.

Ее выставили! Произошло что-то несообразное, противное логике и здравому смыслу.

– Вы постоянно общаетесь с нашими врагами!

Катя не могла понять: Коневский решил почему-то избавиться от них с Адой, хотя ряды творческой интеллигенции совсем уже поредели, или действительно верит в то, что общение с Голубевой губительно. Да, Ирина с иронией относится и к Коневскому, и к Катиному увлечению «салонном», но это же всего лишь ее мнение! И потом, как Катя может с ней не общаться, если она у нее работает! Но это же не значит, что она думает обо всем, как начальница!

Но рта для объяснений ей не дали раскрыть, и поскольку везде мерещились предатели, ее обвинили в предательстве и выгнали. Ермакова не скрывала торжества. В салоне оставалась только колоритная старуха с папиросой.

Ада попала под одну гребенку с Катей как ее подруга – хорошо хоть, она почему-то не пришла в этот вечер и была избавлена от позора.

Катя шла домой, не веря в происшедшее. Они были самыми верными! Они ходили сюда, когда почти все, кого еще не выставили, под разными предложениями перестали приходить, – хотя интереса никакого уже не было – только чтобы поддержать существование клуба, не дать раствориться в небытии его идее! Неужели прав был Вини два месяца назад, и уже тогда здесь нечего было делать? И физик-лирик, и архитектор, и все остальные?

Почему все точно улавливают момент, когда «пора», – и только она заигрывается до смешного и позволяет себе попадать в унижительные ситуации?!

Дома ее дожидалась Ада. Сегодня она была вся в бисере: разноцветные самодельные фенечки на шее, на запястьях, даже в волосах. При малейшем движении они сверкали и перекатывались, и невольно хотелось подставить ладони, если все это вдруг посыплется.

Алешка, ставший гораздо любезнее к сестренкиным подругам, словно считал их ее продолжением, а Аду – вообще членом

семьи, усадил гостью в кресло, и они оживленно беседовали. Катя, раздумывая, как преподнести неприятную новость, прислушалась.

– ...Да ты не отвлекайся. Краны так краны. Давай-ка дальше о любви.

И Ада сообщала, как на заводе, на практике, с ней познакомился молодой человек, который, правда, не красавец...

– Но у него хорошая душа! – выскочило из Алешки, но Ада не обиделась – он слушал дружелюбно и заинтересованно, а ерничал больше по привычке – и продолжала сбивчиво рассказывать, как молодой человек водил ее в кино, кафе, на дискотеку, дарил всякие безделушки, а на Новый год – дорогие духи. Он, конечно, не особенно умен, лепетала она со смущенной улыбкой, терпеть не может ни ее любимой музыки, ни ее любимого Цвейга. Он вообще ничего не читает и говорит об этом с особенной гордостью. А после того как она затащила его в городской музей на выставку современной живописи, поклонник долго плевался и заявил, что будь его воля, он согнал бы всех этих художников в Сибирь, валить деревья.

– Вот так поклонник! – Алешка развеселился и чуть не прыгал в кресле. – Гнать его в шею!

Ада стеснительно кивала, что, конечно, надо гнать, но она не умеет... Неудобно. Вот недавно он заявил: «Хочу тебя о чем-то спросить, ты будешь думать три дня, а потом ответишь». Ей стало смешно, и она сказала, что ответит прямо сейчас, что думать тут нечего. «Мне с тобой еще скучнее, чем одной».

Катя давно вошла в комнату, и Ада продолжала рассказывать уже им обоим, переводя взгляд с брата на сестру, – хотя Алешка вполне мог бы удалиться. Но он и не собирался удаляться, история его заинтриговала.

– Так это был жених! Мать божья! Ну и что он – понял, что не катит, или подумал – ты ломаешься?

А он, простодушно отвечала Ада, на другой же день приказал вернуть все его подарки, деньги, которые потратил на нее, и подал список. Подробный список.

– И ты что, отдала?!

Ада улыбнулась незлобиво:

– Конечно.

Отставной жених аккуратно пересчитал вещички и деньги и, не прощаясь, пошагал. Было это на заводе. Она уже сидела в кабине своего электромостового крана, как вдруг он вернулся...

– ...и начал кричать что-то снизу.

Из-за непрерывного грохота Ада долго не могла понять его слов. Наконец разобрала: «Зеркало!» Она забыла отдать зеркальце, он требовал вернуть немедленно и размахивал кулаком.

Алешка, схватившись за голову, смеялся и стонал. Катя стояла с каменным лицом.

– И тебе не хотелось подцепить его своим краном, раскатать и вклеить в стенку? – поясняя мысль, Алешка выразительно жестикулировал.

Нет, потрясла головой Ада, и бисер мелко заблестел в кудряшках. Зеркальце было в кармане...

– И ты не швырнула его вниз этому придурку?!

Нет, она не стала швырять, она спустилась с крана и отдала.

– А он?

– Ушел.

Совсем худо должно быть Аде, не умеющей обижаться, если она, позабыв о клубе, прибежала сюда, да еще начала делиться с первым встречным Алешкой. А впрочем, хорошо, что он подвернулся, – говорит какие-то нужные слова, хохмит над «поклонником», подбадривает – мужской взгляд на это приключение и мужская поддержка ей сейчас, пожалуй, нужнее.

Конечно, Аду нельзя отпускать, надо накормить ужином, еще раз все обсудить – уже по-женски – да и ночевать, наверное, оставить. Гораздо лучше, если человек, вместо того чтобы повеситься, новые стихи потом сочинит...

Но, ожидая своей очереди утешать подругу, Катя отчетливо ощущала дежа вю. Круг замкнулся. Они опять сидят в «клубе неудачников» в том же составе, только еще и при разбитых сердцах. И ничего ей не мерещится. С глаз долой – из сердца вон.

Сейчас они с Адой займутся «зализыванием рана», как назы-

вает это папа, и будут обсуждать смехотворный, в общем-то, «роман» до самой ночи – а продолжать это можно день за днем – эх, раз, еще раз! – как правильно отнестись к происходящему, как победительно себя настроить, чем перебить дурное послевкусие, как достойно отвечать знакомым на возможные вопросы.

А ей самой не пора заняться тем же самым?

Ведь надо что-то делать с этим состоянием растерянности и беспомощности, точно таким же, как тогда, почти год назад! Конечно, она ни перед кем не должна отчитываться, но не может не видеть, что в чужих глазах выглядит тоже смехотворно и сомнительно: переехала к молодому человеку, полгода с ним прожила, везде с ним появлялась, а потом вернулась к маме – а он исчез в неизвестном направлении. Пошлость какая-то.

Но почему же, говоря друзьям чистую правду, что Игорь просто раньше уехал учиться, она ясно чувствует, что врет? Потому что себя продолжает обманывать? Потому что так же, как раньше стыдилась сказать, что никуда не поступила, теперь не может сообщить, что и из ее «замужества» ничего не вышло?

Конечно, правильнее думать, что во всем есть внутренняя логика, и раз они с Вини не вместе, значит, так всем будет лучше. Но одно дело думать, а другое – суметь принять.

Какие там она советы давала Вини? Не застревать в прошлом? Не заикливаться на неудачах? Вытаскивать себя и жить дальше? А ну-ка, блесни теперь умением!

Но неужели все было напрасно?! Неужели прошедший год – все-таки потерянное время?! А теперь пришло время наступать на щедро разбросанные грабли...

Глава 13

*Времени у нас часок.
Дальше – вечность друг без друга!*

М. Цветаева

Они пересеклись на время его обеденного перерыва, в летнем кафе под полотняным зонтиком. Катя приехала в Москву подавать документы. На журфак.

– Ну что ж, – неожиданно легко согласился Игорь. – Значит, у тебя это серьезно. Недаром я тогда так ревновал, помнишь? К ерунде, наверное, не стал бы.

Тогда – это еще три месяца назад, в другой жизни.

...Катя зашла к Голубевой показать готовую статью и застала ее за странным занятием: она штамповала редакционной печатью какие-то листы с наклеенными газетными материалами, один за другим, и тихо чертыхалась.

– Из мэрии позвонили, – объяснила Ирина. – Одной цаце, чьей-то дочке, взбрело в башку поступать на журналистику. А срок подачи творческих работ истекает чуть ли не завтра – и меня попросили помочь. Ничего своего эта протееже ни написать, ни опубликовать, конечно, не успеет. Им нужны готовые материалы, да побольше! Да-да, то, что ты видишь, называется сделка с совестью! Ты уже большая девочка, не удивляйся! – хотя Катя и не удивлялась, а молча слушала. – Мы от мэрии не зависим, но портить отношения нам с ней ни к чему. Но уж тебя я им не отдала!

Тут Катя все-таки удивилась, а Ирина объяснила:

– Им, видите ли, хотелось твоих материалов, они выигрышно смотрятся. «Время героев» – патриотизм снова входит в моду, молодежные проблемы, еще на что-то глаз положили. – И предупредила возможный вопрос: – Да элементарно, Ватсон, все это делается: твоя фамилия пошла бы как ее псевдоним, заверенный моей подписью и печатью. Как я вот сейчас свои статейки заверяю. А твои они не по-

лучат, всему должен быть предел, даже чиновничьему хамству! Я им сказала, что ты сама на журфак поступаешь и свои материалы сама подаешь, – учти и запомни, и смотри не подставь меня, если вдруг зайдет речь!

– Да. Сама поступаю и сама подаю, – подтвердила Катя, в глубине души благодарная неведомой нахалке, без которой, возможно, так бы на это и не решилась.

Но пересказывать детали было некогда: у них всего лишь час, только на самое главное – и получалось, не о чем и говорить. Об успехах будущего юриста Катя и так знала из его звонков, уже не ежедневных, а еженедельных. Он, тоже ощущая натянутость, неуверенно задавал общие вопросы – как дела, как в городе?

Новости, конечно, были.

Удалось найти того самого резчика по дереву, и он заново изготовил богатырей.

В школе в Сосновом Бору открылся музей Николая Истомина.

В виниченковском доме начался плановый ремонт подъездов – очередь наконец подоспела, обошлось без революции.

Коневский и Ермакова обвенчались.

Соловей все-таки прилетал, не побоялся стройки.

Даже цирк приезжал в начале лета. Балаган раскинули на большой поляне у парка, напротив Катиных окон, и она действительно две недели слушала трубный голос слона, ржание, лай и оглушительную музыку.

Сбылись все их приколы и выдумки – кроме, пожалуй, самой главной, о ее счастливой жизни с идеальным мужем.

Но пересказывать все эти пустяки опять-таки нет времени. Да и слишком далек стал Игорь от родного города и его событий – и новых, и старых. Ему надо торопиться на работу, ей – на электричку – и Катя полезла в сумочку за расписанием.

– А, так ты опять интеллигентный человек! – обрадовался он, заметив в сумке книжку на английском языке.

Надо же, что-то его еще интересует в ее жизни!

– Да, захотелось Толкиена перечитать, и вот купила – так здо-

рово, все понимаю... Кстати, я же набрала проходной балл в инязе – я не говорила? Когда на курсах была заключительная контрольная, она засчитывается как экзамен.

– Правда? – еще больше обрадовался он. – Значит, ты туда все-таки поступила?

– Все-таки да.

– И у тебя теперь, выходит, есть выбор?

– Выбор уже сделан.

– Нет, я не о том. Все-таки два вуза – круче, чем один! Обязательно определишься, не в тот, так в другой... Ну, когда ты насовсем в Москву? После экзаменов на журфаке? В августе, да? Или уже в июле? – Он спрашивал как-то неуверенно. Наверное, реальной казалась его теперешняя жизнь, а бывшие планы насчет общей комнаты и общего будущего – призрачными. Нет, он продолжал в них верить, они его не тяготили – просто как-то не вписывались в новую реальность.

– Послушай, Игорь, – с неожиданной резкостью начала Катя. – Я пока ничего не знаю – так же, как и ты. Будущее вот так, на коленке, не планируют. Сейчас все равно не удастся толком поговорить. – И добавила насмешливо – но с болезненной гримасой: – Ну так не последний же раз.

Но он не слушал – что-то дрогнуло в его лице, он впился в нее взглядом:

– Ты... ты как меня назвала? – и взгляд был изумленным, оскорбленным, протестующим – и растерянным.

Катя его выдержала.

– Я правда пока не знаю, буду ли жить в Москве.

Глава 14

Откапывая ошибки, теряют время, которое, быть может, употребили бы на открытие истин.

Вольтер

Катя сидела в кабинете Голубевой, где шевелящееся на столе скопище шестеренок словно чудом не разваливалось, и, машинально дотрагиваясь до прозрачного корпуса часов, слушала Ирину. Та подтвердила то, чем недавно поделилась только с Катей, и о чем Игорь не узнал заодно с другими новостями.

Ирина собиралась в декретный отпуск.

– Мое предложение в силе. Подумай как следует еще раз. От тебя это потребует еще больше и сил, и времени. Реклама и вся коммерческая сторона тебя не коснутся, да и я не собираюсь сидеть эти два месяца дома, буду приходить и помогать. И когда малыш родится, выйду сразу, как только смогу. Но ведь тут нельзя знать заранее – вдруг получится дольше, чем мы предполагаем, ты и к этому должна быть готова. Ответственность за выпуски и за всю творческую часть – это немало. Особенно без Киры.

Караваева перешла на работу в крупное московское издание.

– Так что думай. Главное, не бойся меня огорчить – ты имеешь полное право отказаться. Тем более, впереди учеба.

Катя готова была согласиться, не думая ни минуты, еще тогда, во время первого разговора. Как можно отказаться от возможности, которая бывает раз в жизни, – ощутить настоящее дело в своих руках целиком и полностью! Получить потрясающий опыт! Она была уверена, что справится и с работой, и с учебой, – справлялась же до сих пор. К тому же журналистику и нельзя изучать только теоретически, по книжкам...

До сих пор Катя думала, что источником необыкновенного, постоянного счастья, в котором она буквально купалась эти полгода, был скорее Вيني, чем работа, – во всяком случае, четкое разделение было невозможно. Но за печальным вычетом вдруг оказалось, что

счастье не исчезло. Просто из летучей эйфории оно превратилось в спокойную, почти радостную уверенность в себе – она ощущала это в своих «Вестях», совершенно забывая в них про «клуб неудачников». Силы, которые там тратились, возвращались удвоенными. И когда мама заикнулась об отпуске, который Катя уже имеет право взять, та даже ужаснулась: как же она без своего спасательного круга?

И папа словно между прочим замечал, как важно не ошибиться в выборе профессии: в личной жизни могут быть неувязки, в семье – неприятности, но если еще и работа опричь души – это уже конец, она ведь всегда с тобой.

Однако предпочесть работу личной жизни – Кате это всегда казалось невысказанным, а уж она сама в роли бездушной карьеристки – что-то вообще нереальное. Но ведь принять предложение Голубевой – это однозначно заочное отделение! Это – никакой Москвы и никакого Вина! Потому и не получалось согласиться, не думая ни минуты. А чем больше Катя думала, тем больше приходила в смятение.

Особенно вспоминая свою презрительную злость, которую едва удерживала в их последнем разговоре, – злость на его роман с Москвой, в котором он был просто по уши, на то, что она ему всего-навсего эту Москву заменяла, на то, что ему никогда и не нужно было ничего, кроме Москвы. Теперь выходило, что она ничем от него не отличается, что все-таки они два сапога – пара, близнецы, живущие дальше врозь, и для нее карьера также важнее близкого человека. Но это же несправедливо!

Или не в этом суть, а в том, что от их любви ничего уже не осталось, – но оба не хотят признаться в этом ни друг другу, ни самим себе? Еще бы: с такой помпой заявили о своих чувствах родителям и всему белому свету, а теперь – извините, ошибочка вышла? И это – самый большой провал, по сравнению с которым прошлогодний провал на вступительных – детская ерунда. И они оба это чувствуют, отсюда и натянутость! Они оба не хотят признать поражение!

Но не продолжать же отношения из одного только упреждения,

если все уже отболело и выветрилось, – или, еще смешнее, из вежливости? И правда, они ведь даже ни разу не поссорились, прямо как в игре в идеальную семью! Да, она на него злится, но не так, как обычно бывает, когда люди расстаются, перечеркивая недавнюю близость скандалами и ненавистью. Она по-прежнему хочет для него только самого лучшего!

Неужели правы родители, говоря, что первая любовь – чаще всего способ познания самого себя и не всегда становится судьбой? Или все-таки где-то кроется ее ошибка, которой она не видит?

Что же поделать, если ясно видно только одно – что не в каждой сказке счастливый конец – именно свадьба.

– Я готова. С чего мне начать?

Голубева, не скрывая, обрадовалась: не придется искать кого-то постороннего! Возраст и опыт – дело наживное, главное – она вполне может положиться на эту упрямцу с ее трогательным восприятием жизни всерьез.

– Начни с объявления, что нам нужна наборщица.

– Представляешь, в «Территорию моды» завезли новую коллекцию, а она сказала: ну и что!

– Представляю. Когда я говорил: на рынке появились абрикосы, она тоже – ну и что. Катка – так про абрикосы! С черешней было то же самое...

– Ты бы хоть ее куда-нибудь с собой пригласил. Подруги все на лето разъехались, ну что она уже два месяца дома безвылазно, как спящая красавица. Только гроба хрустального не хватает!

– Так не хочет же никуда! Ма, да вроде все нормально. Велиться особо нечего, так ведь и слез в подушку не льет. Может, правда устает, работы-то прибавилось.

– Да нет, ничего вы с отцом не видите! Она изводится, думает, что во всем виновата, – так можно себя доказать до шизофрении какой-нибудь...

– Тихо! Идет.

Вера Васильевна и Алешка переменяли тему. Катя по слиш-

ком оживленным голосам поняла, что сейчас ее опять будут заботливо и ненавязчиво вытаскивать из депрессии.

– Алеш, ты насчет выходных не беспокойся – я хотела дома побыть, – мягко сказала она. – А за книжку спасибо. Это же мне? – Она взяла со столика у зеркала «Код да Винчи», который умудрилась до сих пор не прочитать, и который брат обещал позаимствовать у знакомых.

Алешка захохотал:

– Это я так вычисляем? Тебе, тебе... Да я и сам на выходные никуда, наездился. – И пояснил: – Вчера под Луховицы мотались, на свинбол.

– На что? – не поняла Катя.

– Соревнования такие, поросята мяч в углы закатывают. Две команды. Ты что, про спортивное свиноводство не слышала? Классно! Накануне соревнований всегда генеральную репетицию устраивают и специально народ пускают, чтобы спортсмены привыкали к публике... Да ничего я не выдумываю! Бега давно уже проводят, скоро с препятствиями будут. Свинсвимминг уже ввели, скоростное плаванье! Как они потешно на дистанции пихаются, ты бы видела!

Катя слушала недоверчиво, пытаясь понять, не прикалывается ли братец. Может, это хохма в рамках антикризисной программы? А он со вкусом расписывал, как тренеры, диетологи и ветеринары следят за фигурой своих бэйбов, как те проходят настоящий допинг-контроль, какие плавочки, купальники и шапочки им шьют на заказ у известного модельера, сочиняющего одежды для собак. Похоже, правда.

– Два часа хохотали – ни бензина на дорогу не жалко, ни времени! В следующий раз давай вместе махнем! Кстати, там и Славик был, тебе привет.

– Какой?

– Да наш Славка, Соколов. Он всегда о тебе спрашивает. Может, заглянет – он сейчас в городе.

Славка был Алешкиным приятелем по институту, и Катиным

тоже – пока не перевелся в московский вуз. Ох уж эта столица! По иронии судьбы или закону подлости туда уезжают все, кто ей дорог или просто симпатичен! Славка серьезно занимался спортом, и в Москве для этого было больше возможностей. Естественно, что он встретился Алешке на соревнованиях, – только, надо думать, не в качестве участника. Катя фыркнула.

Потом по-новому осмотрела свою комнату. Какой кошмар. Кругом пылища! Цветочки скрючились. Зимняя одежда вперемешку с летней – здравствуй, моль! Кушать подано. Книжки горой – и библиотечные, и чужие, и учебники, давно ненужные. Можно, разумеется, себя простить – мол, руки не доходят, так загружена, такая ответственность!

А у Вины в норке аккуратно было всегда, при любых жизненных обстоятельствах...

Так ведь и у нее тоже! Друзья всегда любили у нее бывать, у Перехватовых обычно весело, уютно... А если Славка и правда зайдет? Или это общие слова?

Катя стремительно притащила пылесос, ведро с водой, опрыскиватель для растений. Потрявоженный Арчи предпочел убраться в холл, на свое любимое кресло – но скоро пришлось спасаться и оттуда: хозяйка совсем разошлась и начала орудовать и в холле, передвигая мебель, забираясь во все углы и молниеносно выбрасывая в мусорное ведро все, что ей казалось мусором. Туда полетели припрятанные кости, старые газеты, реклама из почтового ящика, прокушенный мячик! Пудель и сам любил устраивать беспорядок, но чтобы до такой степени!

А Катя и впрямь получала удовольствие, словно из собственной головы выбрасывала старый хлам пережеванных, мертвых мыслей, и смывала даже их следы.

Логово неудачницы становилось их обычным приветливым домом.

Она даже протерла осторожно тетушкины часы. Подумав, открыла дверцу – и там тоже пыль. Ладно, хуже не будет, если и внутри протереть, их ведь уже не испортишь... А маятник, который она невольно качнула, сделал несколько привычных движений – и

не замер! – Катя смотрела во все глаза – он продолжал отсчитывать время!

– Старинные часы еще идут, – удовлетворенно подтвердил Алешка, выглянув на ее возглас. – Наверное, они просто отдыхали. Могут же быть у старых вещей свои капризы, как у любых стариков.

Повеселевшая Катя вертела в руках каталог косметики, раздумывая, отправить ли и его в ведро. Перевернула страничку. Тушь удлиняющая, тушь «пушистая»... Боже мой, ведь чуть не выкинула! А сколько времени уже валяется этот каталог! А сколько времени валяется ее засохшая тушь для ресниц! А как давно она выходит из дома, не только не наведя достойный макияж, а едва взглянув в зеркало?

Где маркер или ручка – отметить все, что пора обновить! Выудила из ведра карандаш, склонилась над альбомчиком...

Не хватало запустить себя так же, как дом! В какой-то синий чулок превратиться!

Дальше в каталоге была бижутерия – и Катя, давно не заглядывавшая в свои шкатулки с драгоценностями и даже равнодушно раздарившая почти все их содержимое Зойке, Аде и Светику, вдруг увидела очень привлекательные серьги – такие летние. А если к ним еще и тот сарафан, который висит в витрине «Территории моды»...

– А знаешь, Коневский теперь в доме отдыха аниматором работает, – с порога сообщила Ада и забралась с ногами в любимое кресло – одновременно Арчино – утопив его в необъятной цыганской юбке с воланами.

– Кем-кем?

– Ну, культторгом. Интеллигентный клуб ведь весь закончился, – объяснила подруга без малейшего злорадства.

Вождь элиты – массовик-затейник? Кате не верилось. Караоке, бег в мешках, танцуют все... А впрочем, почему бы нет? У него получится: ну-ка, все вместе уши развесьте!

– А вообще предательство – безумно интересная вещь, – продолжала Ада, видимо, по логической связи с бывшим предводителем, – оно меня всегда притягивало. Оно ведь сложнее любви – оно

ее включает. Нельзя же предать того, кто тебе безразличен... – Ада благополучно пережила и памятный роман, и изгнание из клуба, в самом деле написала новые стихи, забросила подальше диплом краповщицы и погрузилась в безмятежное летнее блаженство, решив определиться с будущим позднее, когда подступит осенняя неизбежность. – Вот ты бы смогла простить своего «москвича»?

Катя растерялась. Предательство. Значит, это так называется? Или Ада, в благодарность за их душеспасительные разговоры, предлагает свою собственную жилетку? А та, продолжая философствовать и приняв молчание за ответ, задала вопрос иначе:

– А вот если бы он совершил подвиг? Подвиг же все меняет. Бросил бы Москву и вернулся к тебе?

Катя улыбнулась одними губами.

– Мне не нужен подвиг. Так пафосно, прямо страшно становится.

– Но на него же разрешение не спрашивают, – не отставала Ада, – а совершают – и все. У тебя нет выбора, принимать или не принимать, если его уже совершили.

Катя ответила не сразу, но твердо.

– Подвига не будет, потому что его не может быть. Богатыри – не мы. Вины создан для той жизни, которую выбрал. А возвращаться в прошлое – противоестественно, и никакой это не подвиг. Слушай, а вон там не Светик? Погляди-ка в окошко! Наверное, из Турции вернулась. Может, к ней рванем? Такая юбка пропадает!

У Светика дурацкая привычка виснуть на руке. Тащи за собой шестьдесят шесть килограммов! Сомов встретился с ней в булочной и понял, что участь его предрешена.

– Представляешь, в доме хлеба – ни куска! Все пошло на бутерброды, и гости все уже смели. Мы только вчера с юга приехали, я никому даже позвонить не успела, а все вдруг взяли и сами пришли! Пойдем и ты ко мне, посидим!

Там она представила его гостям: «Саша Сомов, мой одно-

группник» – и бросила. Наверное, пошла готовить угощение, развлекать общество. Сомов заскучал. Здесь все друг на друга глядели, все друг с другом разговаривали, и, казалось, только он обладал способностью быть незамечаемым. Он был даже уязвлен: неужели у него настолько заурядная физиономия, что можно глядеть сквозь нее?

Вышел из комнаты, побродил по коридору, попал на кухню. Ба, да это не та ли девица с балкона? Ну да, только волосы забраны вверх – наверное, чтобы модные висячие серьги были видны. Взгляд такой внимательный, пристальный – а ну как она его сейчас узнает!

Хозяин дома – а может, и гость – показывал ей картины, написанные на больших картонных крышках от коробок из-под обуви. Сомов подошел ближе и намеренно встал, заслонив свет, но его все равно не заметили.

На одной картонке было изображено мусорное ведро, наполненное доверху, без крышки. Мятые пакеты из-под молока топорились, как настоящие. Апельсиновые корки были только что срезаны и пахли апельсином. Одна выползла и шлепнулась на пол. Ведро было самым реальным: Сомову даже показалось, что сейчас его заставят идти с ним на помойку.

На следующей картонке светился вечерними окнами дом. В одном окне виднелась молодая женщина. Она вбежала с улицы, запыхавшись, не раздеваясь. Бросила сумку на стол и пьет воду прямо из дудочки чайника. На третьей картонке – Сомов ужаснулся – сидели знакомые ему крылешники – бабки с лавочки у подъезда, сплетсовет, а на заднем плане дворовая собачонка тянула с веревки сохнущую простыню.

– Бесподобно, – сказал Сомов.

Его как будто не услышали. Художник спросил у его девицы, что ей подарить. Та остановила взгляд на женщине, пьющей из чайника, но потом, к удовлетворению Сомова, выбрала ведро.

А всем вокруг совсем неплохо! Гости не только не расходятся, но и продолжают прибывать. Светик подвела к балконной девице спортсмена с теннисной ракеткой в чехле, а они оказались уже

знакомы, только долго не виделись, и начали оживленно разговаривать, напроць забыв об окружающих, а потом и вовсе двинулись к выходу. Сейчас уйдут, веселые, и всё – тут только за его девицей и было интересно наблюдать.

Сомов присел на подоконник и загрустил. Разумеется, ему наплевать на этих случайных людей, он не нуждается в их внимании. Но он чувствовал себя одиноким, обиженным и ненавидел весь этот вокзал.

Однако он был неправ, думая, что его не замечают. Девушка в серьгах спросила о нем в прихожей:

– Что за чудик?

– Знакомый, – обиделась Светик.

– Ладно, – смягчилась та. – Будет за тобой, как за каменной стеной. А я его каждый день вижу. Он у себя на балконе музыку крутит. Неплохую, кстати.

И Светик, вернувшись на кухню, с вдохновением принялась угощать Сомова бутербродами и печеньем – томящийся гость сразу ожил.

Глава 15

Не смотри в прошлое с тоской. Оно не вернется.

Мудро распорядись настоящим. Оно твое.

*Иди вперед, навстречу туманному будущему,
без страха и с мужественным сердцем.*

Генри Лонгфелло

Славка вдруг оказался выше Кати на две головы, и несколько не напоминал незаметного, серенького, похожего на воробышка парнишку, с которым она дружила в десятом классе. Женщины на улице с интересом на него посматривали – спортивного, загорелого.

Катя из самолюбивой девочки с встревоженным недоверчивым взглядом превратилась во взрослую барышню, спокойно-приветливую, знающую цену своему женскому обаянию.

Оба с молчаливым одобрением отметили эти изменения и тут же обрадовались тому, что болтают легко, по-приятельски – совсем как раньше. Так, за разговорами, они от дома Светика незаметно дошли до загородного Соснового Бора, где действительно начинался сосновый бор, и между стволами синело озеро.

– ...А я всегда скучал по дому, – Славка рассказывал о своем московском житье-бытье, и Катя слушала с легкой иронией: вечная тема! – Знаешь, один раз в общагу кто-то приволок здоровую сосновую ветку с шишками, из парка. Такая душистая, смолистая! Аж голова закружилась. Хорошо, а почему – непонятно. Потом сообразил: да это же как дома, в нашем Сосновом Бору! В общем, весь день дышал воздухом своей родины, и сразу ностальгия: пора отсюда когти рвать, назад переводиться...

Интересно, а у Вини могут когда-нибудь появиться подобные мысли? Разве что в пенсионном возрасте, когда потянет на сентиментальность. Сейчас дым отечества вряд ли его одолеет...

– ...А я всегда у ребят о тебе спрашивал. Алешка хоть передавал мои приветы? Я сам собирался позвонить, да слышал – ты вроде замуж вышла.

Катя не заметила его вопросительного взгляда.

Дежурных звонков от Вини не было уже давненько. Только Дядя Ваня недавно кланялся от него на бегу. Ниточка, соединяющая их, стала совсем слабенькой, почти как паутинка. Хотя, она читала, паутина ведь очень прочна... Ни у нее, ни у него до сих пор не хватило мужества ее оборвать, чтобы этот бесконечный, невнятный, смазанный конец прекратил мучить обоих!

– А я тебя как-то раз в Интернете пыталась искать, – спохватившись, заговорила Катя. – Чтобы отследить твои победы и достижения. Но сразу затормозила! Не могла вспомнить, кто ты – Вячеслав? Или Владислав? Или, может, Ярослав? Позорище! Нет, думаю, Владислав был бы Влад, Станислав – Стас... Да не смейся ты! Мстислав, Ростислав, Святослав... все перебрала. А Соколовых, ты уж извини, навалом.

– Да тут ни за что не догадаться, – Славка пришел на помощь. – Я Вышеслав, единственный в своем роде. Как это ты умудрилась не знать? Будем знакомы!

– Очень приятно, – раскланялась Катя.

Они шли вдоль озера по краешку обрыва, в тех местах, где часто гуляли раньше, и невольно начали вспоминать те времена и события – такие из сегодняшнего дня смешные и пустяковые! Но и в теперешней жизни многое выглядит нелепым, если взглянуть отсюда, из тех лет, неподкупными детскими глазами. Как она могла так жалко потонуть в компромиссах и бесконечном малодушии!

– Смотри, ягоды. Это не волчьи? – окликнул Славка.

Они спустились к воде. Озеро этим летом широко разлилось и, затопив часть песчаного пляжа, подступало прямо к лесу. И почти из воды торчали прутьики, усеянные красными ягодками.

– Да нет, это же вишня. Настоящая! Попробуем? Наверное, самосевки из вон того старого сада.

– Нет, Кать! – вдруг озарило Славку. – Это же наш черешневый сад! Помнишь? Он вырос!

Ну да, они гоняли по озеру на моторке, кидали в воду черешневые косточки и представляли, как их волнами выбросит на берег, и скоро там поднимется и зацветет целый сад. И хотя эти прутьики – наверняка продолжение заброшенного сада, все равно забавно видеть воплощение своих выдумок.

А ведь сбылись и фантазии об идеальном муже – он у нее уже был, а недолгое не значит ненастоящее. Она была счастлива – и то, что счастье закончилось, не отменяет того, что оно было. Наверное, они с Вины уже дали друг другу все, что могли – понимание, заботу, поддержку, – чего не создашь искусственно, если пути разошлись.

– Далеко же мы забрались! Это называется, проводил! Дома-то тебя еще не кинулись искать – мужья, братья? – осторожно спросил Славка, так и не уяснивший, с кем же встретился – с давней приятельницей или чужой женой. У нее все пальцы в кольцах, попробуй тут разберись. И ничего удивительного, если такая девушка, как Катя, не засиделась в невестах... И, не выдержав, прибавил: – Так ты замужем?

И Катя, помедлив, ответила:

– Нет. Уже нет.

Содержание

Часть I. Братья по разуму	5
Часть II. Пока родители в отпуске.....	100
Часть III. Пробный брак	188

Татьяна Краснова родилась в 1967 году в городе Тольятти Куйбышевской области, и почти сразу начала выпускать газеты, журналы, книги и учебники для своих кукол и друзей. Затем продолжила эту работу в районной газете и научно-производственном журнале (побывав на всех ступеньках, от корректора до главного редактора) и в книжных издательствах. Член Союза журналистов России. Окончила Литературный институт. В 1989 году участвовала в последнем, 9-м Всесоюзном совещании молодых писателей. Автор книг «Миражи счастья в маленьком городе», «Белая панамка» («Евдокия», Екатеринбург, 2011). Публикации: в сборнике прозы «Свобода совести» (издательство «Советский писатель», Москва, 1991 г.), в журналах «Мы», «Бумеранг», «Край городов», «Открытая мысль», в семейной серии «Дорога домой» издательства «Амадеус». Живет в Подмосковье. Член редколлегии альманаха «Белый Воробей».

